В.В. Менщиков

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЗАУРАЛЬЯ В XVII-XVIII ВВ.: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

МОНОГРАФИЯ

КУРГАН 2004

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.В. МЕНЩИКОВ

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЗАУРАЛЬЯ В XVII-XVIII ВВ.: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

МОНОГРАФИЯ

КУРГАН 2004

УДК Зауралье. 93
ББК 26. 891
М 50

Рецензенты:

Г.Н. Чагин, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой древней и новой истории России Пермского государственного университета;

кафедра отечественной истории Челябинского государственного педагогического университета (зав. кафедрой – профессор Н.П. Шмакова).

Печатается по решению редакционно-издательского совета Курганского государственного университета.

Научный редактор:

В.В. Пундани, доктор исторических наук, профессор

М 50 Менщиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII-XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии: Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. – 200 с.

Монография посвящена конкретно-историческому изучению процессов русской колонизации Зауралья в XVII-XVIII вв. На основе традиционных и новых методологических подходов анализируется становление региональных структур в ходе заселения и хозяйственного освоения территории. В исследовании определены основные факторы регионального развития, его общие и особенные черты. Дано обоснование существованию особого зауральского историко-географического района.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей и студентов вузов, аспирантов и всех, кто интересуется отечественной историей и колонизацией азиатской части России в XVII-XVIII вв.

Табл. – 36, библиограф. – 210 назв.

УДК Зауралье. 93
ББК 26. 891

ISBN 5-86328-503-6

© Менщиков В.В., 2004
© Курганский государственный университет, 2004

ВВЕДЕНИЕ

XVII-XVIII вв. в истории человечества ознаменованы беспрецедентным расширением сферы влияния европейских обществ. Произошло это в результате различных потоков колонизации. Результат именно этих процессов стал отправной точкой в формировании системного единства всей человеческой ойкумены.

Составной частью указанных процессов была русская колонизвция северо-восточной части Евразии. Расширение России за счет азиатских территорий привело к созданию одного из самых больших государств в истории человечества и самой большой по территориальному распространению этнической популяции – русские расселились на площади от Балтийского моря до Тихого океана. Это наложило существенный отпечаток на особенности российского исторического процесса.

Все указанные обстоятельства делают очевидным актуальность изучения колонизационных процессов. Безусловно, что они уже являлись объектами пристального внимания исследователей, в том числе современников и участников колонизации новых территорий. Но особенности и логика развития научного познания заставляет постоянно возвращаться к, казалось бы, давно изученным явлениям и процессам. Это происходит, как правило, в периоды существенных методологических перестроек исторического и гуманитарного знания в целом. Современниками именно такой перестройки мы являемся. Можно сказать, что практически любая историческая проблема, когда-либо изучавшаяся, может вновь стать предметом актуального исследования в контексте новых методологических подходов, причем даже с привлечением уже имеющейся и введенной в научный оборот источниковой базы. Главным в этих условиях становится корректное формулирование целей и задач исследования, определение объектной и предметной исследовательских областей, новое прочтение источников в соответствии с избранной новой методологической базой.

Одной из существенных характеристик современного мира является активно разворачивающийся процесс регионализации, который проявляется и в сфере научного сознания. Мы имеем в виду не «провинциализм» в творчестве местных научных сообществ, а усиленная сосредоточенность исследователей на местной, региональной, истории или рассмотрение известных явлений и процессов в регионвльном измерении. Нвкопленные предшествующими поколениями историков знания и принципиально новая теоретико-методологическая

ситуация позволяют нам вновь обратиться к изучению событий отечественной истории XVII-XVIII вв., творчески, насколько это возможно, соединяя традиционные методы с новыми.

Объектом исследования является внутренне структурно сложный процесс русской колонизации XVII-XVIII вв. Сложность и неоднозначность этого процесса привели к существованию различного понимания термина «колонизация». В большинстве исследований под ним в явной или в скрытой форме подразумевается совокупность процессов заселения и хозяйственного освоения представителями неавтохтонного (пришлого) для колонизируемой территории населения. Но есть и иные точки зрения. Так, П.Ю. Черносвитов считает, что «колонизация» – это процесс, при котором ресурсы территории (колонии) используются для снабжения метрополии. А «освоение территории» – это процесс, при котором приходящее на некую территорию население строит на ней автономную и в целом самодостаточную систему хозяйствования, направленную на удовлетворение потребностей данного населения. Сходное определение предлагает А.И. Алексеев, под которым он подразумевает открытие территории, ее исследование, заселение, формирование границ, хозяйственное использование **[1]**. В этом смысле для процесса присоединения Сибири больше подходит термин «освоение». Но, по нашему мнению, П.Ю. Черносвитов слишком категоричен, так как создание автономных хозяйственных систем является неотъемлемой частью любых колонизируемых территорий от Америки до Австралии. С другой стороны, Сибирь в первоначальный период для властей и первых переселенцев рассматривалась, прежде всего, как источник меха, большая часть которого сосредотачивалась в руках царской администрации. Имея в виду упомянутое определение А.И. Алексеева, понятие освоение является более узким, имеющим отношение исключительно к непосредственным субъектам освоения новых территорий. Термин «колонизация» включает в себя дополнительный контекст – государственная политика по присоединению земель. Тем самым, мы считаем, что первое определение термина «колонизации» более приемлемо и может быть использовано в описании процессов включения Урало-Сибирских территорий в состав России.

Русская колонизация восточных территорий развертывалась в различных пространственно-временных условиях, что придавало ей в каждой точке пространственно-временного континуума специфические черты, что и предопределяет необходимость более дифференцированного рассмотрения этого процесса.

Предмет научного исследования – это конкретный исследовательский аспект («угол зрения») объектной области исторической действи-

тельности, поэтому предметом нашего исследования является становление территориальных структур Зауральского историко-географического района в процессе русской колонизации в XVII-XVIII вв.

Хронологические рамки исследования охватывают начальный период русской колонизации Зауралья – XVII-XVIII вв. Точно определить крайние даты не представляется возможным, так как практически любые исторические процессы обладают синкретичностью, а историческая периодизация является идеальным исследовательским конструктом, вследствие чего носит условный характер. Нижняя грань (начало XVII в.) – появление первых русских поселений в Зауралье и начало земледельческо-промыслового освоения территории. Верхняя грань (конец XVIII в.) – время окончательного приобретения территорией функциональной определенности как ресурсного региона, играющего важную транзитную роль в системе межрегиональных коммуникаций. Одновременно происходит стабилизация военно-политической ситуации и административно-территориальной структуры, что также сказалось на стабилизации демографической ситуации и оформления поселенческой структуры. Видимо, можно утверждать, что именно к концу XVIII в. происходит завершение собственно колонизации территории, в дальнейшем при сохранении притока мигрантов определяющими факторами развития территории становятся внутренние. Комплекс региональных структур приобретает к этому времени характер внутренней целостности и самодостаточности.

Определить территориальные рамки тоже довольно сложно, что связано с изначальной семантической неопределенностью ойконима «Зауралье». В буквальном смысле этого слова – это все, что находится за Уралом. Кстати, отметим в этом примере словообразования элемент русского исторического самосознания, а именно представление об основной пространственной направленности роста территории Российского государства с запада на восток. Но, в известном смысле, конвенционально сложилось представление о Зауралье как территории, непосредственно прилегающей с востока к Уральским горам. Если западная граница этой территории и, в меньшей степени, южная достаточно легко локализуются, то северная и восточная остаются неопределенными. В исторических исследованиях, сделанных в рамках традиционных для отечественной историографии подходов, эту проблему не удалось разрешить. Использование для задач историко-географического районирования административно-территориальных границ (Зауралье как сельскохозяйственные районы, расположенные на востоке Пермской губернии) не может быть признано удовлетворительным, ввиду произвольности последних и постоянной их перекройки. Поэто-

му в качестве критериев выделения изучаемой территории должны выступать более устойчивые признаки, имеющие под собой и более объективные основания. Наибольшей объективностью и устойчивостью в этом случае может обладать природно-географический критерий в сочетании с основными социально-экономическими характеристиками данной территории как результата адаптации людей к конкретной природной среде. Исходя из этого, под Зауральем мы понимаем исторически сложившийся первым земледельческий район Сибири, названный В.И. Шунковым Верхотурско-Тобольским. Однако, на наш взгляд, этот историк неоправданно расширил его границы, включив в его состав комплексы поселений в низовьях Тавды, Вагая и Иртыша, пространственно отделенных от основной массы компактного расположения земледельческих слобод, расположенных в среднем и нижнем течении левых притоков речной системы Тобола – Исети, Пышмы, Ницы и Туры. Именно эти слободы играли первостепенное значение в хлебном и другом ресурсном обеспечении территорий Урало-Сибирского региона в течение XVII-XVIII вв. Отметим также, что применительно к XVIII-XIX вв. термин «Верхотурско-Тобольский» практически не применяется исследователями, что свидетельствует о существенной ограниченности этого ойконима. Поэтому термин «Зауралье» более предпочтителен для наименования указанной территории, в том числе и с целью избежать совмещения его с термином В.И. Шункова.

Определив предметную область исследования, ее хронологические и территориальные рамки, сформулируем конкретную цель и задачи нашей работы. Цель исследования – определить общие и особенные черты русской колонизации Зауралья в XVII-XVIII вв. в контексте регионального развития. Достижение этой цели возможно путем решения конкретных исследовательских звдач:

- выявить степень изученности процессов русской колонизации зауральских территорий XVII-XVIII вв.;
- определить важнейшие факторы регионального развития Зауралья (характеристики вмещающего ландшафта территории, этно- и военно-политической ситуации и ее эволюции);
- выявить основные тенденции демографического развития регионального сообщества (количественные и качественные показатели роста народонаселения, его источники);
- определить основные характеристики социально-экономического развития Зауралья как колонизируемой территории (формирование агропромысловых структур, продуктивность и уровень товарности аграрного производства, место региона в системе экономических взаимосвязей и особенности социальной структуры

зауральского общества).

Характеристики предметной исследовательской области, цель и задачи работы определяют выбор соответствующих методологических принципов и комплексы конкретных методов исследования.

Традиционным ведущим методологическим принципом исторического исследования в отечественной историографии является принцип историзма, который и был нами взят за основу наших изысканий.

Однако, современная интеллектуальная ситуация, характеризующаяся мировоззренческим плюрализмом, заставляет любого историка определить свое место в методологически многообразном исследовательском поле. Основной вопрос в этом самоопределении – возможно ли в рамках одного исследования применять разные методологические подходы? Мы исходим из того, что ни одна методология не может претендовать на универсальность, следовательно, ее выбор будет зависеть от предмета исследования и конкретных целей и задач его. Если предмет и конкретная цель его изучения обладают внутренней однородностью (к примеру, отдельные сферы жизни общества – экономика, культура, политика и т.п.), то однородной может быть и методологическая база исследования, в данном случае выбор в пользу той или иной методологии достаточно очевиден. Однако, существуют и более сложные предметы исследования, гетерогенные по своему характеру, когда в сферу интереса ученого попадают самые разнообразные стороны человеческой жизни, объединенные либо одной территорией, либо временными рамками. В этой ситуации выбор оказывается значительно сложнее, и возникает возможность использования разных методологий для исследования разных сторон изучаемого предмета. Эта характеристика в максимальной степени подходит к региональным исследованиям. Тем не менее, методологическая база не может быть механической совокупностью разнородных, а порою, – противоположных и взаимоисключающих исследовательских принципов. Поэтому научное сознание, все-таки, стремится к какому-либо единству, основой которого выступает научное самосознание конкретного исследователя. Получается, что, даже применяя разные методологические подходы, историк вынужден конструировать из них некий единый операциональный конгломерат конкретных методов и приемов исследования.

Эти теоретические рассуждения наталкивают на мысль о возможности конструирования особой методологии регионального исследования. И некоторые тенденции развития гуманитарных и естественных наук в XX в. подтверждают это. Возникшее еще в годы «перестройки» ощущение эвристической ограниченности универсалистских концепций (например, марксистской социологии) с неизбежностью вывело

гуманитарное знание на изучение локальных исторических объектов. Отметим, что подобное направление стало развиваться в рамках западноевропейской историографии еще в 1970-х гг., прежде всего в работах ряда итальянских историков, получивших общее название «микроистория» **[2].**

Историческая локалистика (этот термин, на наш взгляд, более четко и содержательно фиксирует новые направления в исторических исследованиях, чем микроистория) как научное направление чаще всего ассоциируется в отечественной историографии с историческим краеведением, как оппозиция по отношению к изучению глобальных, по крайней мере, национального масштаба, процессов. Однако это не совсем адекватно отражает ситуацию, поскольку предметная область данного направления значительно шире и включает в себя локальные объекты самого разного масштаба – от конкретного человека до целого региона. При этом термин «локальность» может пониматься не только в территориальном и человеческом измерении, но и во временном аспекте (причем не только как исследовательский объект истории, но и других наук). Тем самым локальный исторический объект приобретает самостоятельный онтологический статус. Как отмечает отечественная исследовательница Г.Э. Галанова: «В рамках классического подхода к проблемам культуры рассматривалось, прежде всего, общественное бытие человека. Частное, понимаемое как частичное и случайное, исключалось из рассмотрения, преобладал интерес ко всеобщему. Неклассический подход характеризуется, во-первых, интересом к повседневности и, во-вторых, возникновением интереса к случайному и в этой связи к теме "маленького человека" и его частной жизни. В корне изменения представлений о бытии и оппозиции "существенное – несущественное" лежит онтологический поворот, произошедший в рамках неклассической философии» **[3]**. Существенным оказывается все, «всемирная история», которая по своему статусу вынуждена и должна абстрагироваться от частных фактов, распадается на мириады равносущественных событий. Сам термин «глобальность» превращается в фикцию.

Однако, по нашему мнению, это лишь видимость. Глобальность как определенный масштаб рассмотрения человеческой истории все-таки имеет место, историк вправе ставить перед собой и решать задачи макроисторического масштаба, так как без него невозможно адекватно описать, например, такие явления как мировые войны или процессы современной глобализации. В этой связи очень точно характеризуют внутренний смысл исторической локалистики или микроистории слова Ж. Ревеля: «Микроистория, вводя разнообразные и множе-

ственные контексты, постулирует, что каждый исторический актер участвует прямо или опосредованно в процессах разных масштабов и разных уровней, от самого локального до самого глобального и, следовательно, вписывается в их контексты. Здесь нет разрыва между локальной и глобальной историей и тем более их противопоставления друг другу. Обращение к опыту индивидуума, группы, территории как раз и позволяет уловить конкретный облик глобальной истории. Конкретный и специфический, ибо образ социальной реальности, представляемый микроисторическим подходом, это не есть уменьшенная, или частичная, или урезанная версия того, что дает макроисторический подход, - а есть другой образ» **[4]**. Видимо в этом соединении авторского видения несхожих образов и может возникнуть ощущение тотальности истории (соединение макро- и микроисторического масштаба), обозначаемого Ж. Ревелем как «конкретный облик глобальной истории».

Однако, применяя термин «микроистория», мы не сводим его исключительно к ментальному измерению истории на уровне отдельной человеческой личности. Екатеринбургский историк В.Н. Земцов утверждает, что «решение проблемы применимости или неприменимости микроисторических подходов заключается в том, чтобы не оставлять микроисторические сюжеты в одиночестве, но вписывать их в более широкий социологизированный, либо «ментализированный», контекст» **[5]**. Поэтому-то более точным, как мы отмечали выше, является термин «историческая локалистика», не имеющий двойного толкования.

В рамках отечественной историографии наибольшего развития идеи исторической локалистики получили в рамках так называемой исторической регионалистики **[6]**, так как одним из важнейших постулатов этого направления является тезис о невозможности редукционистского сведения национальной истории (макроисторический аспект) к совокупности региональных историй (микроисторический аспект). Так, К.И. Зубков пишет: «Принято думать, что регион и классическое национальное государство соотносятся между собой как «часть» и «целое»... Чисто *феноменологически* это выглядит именно так, но только феноменологически... Поэтому исследования истории государства и истории региона лежат в разных аналитических проекциях и соотносятся с *разным бытийным наполнением исторического времени*» **[7]**. Таким образом, на региональном и национальном уровнях исследования историк сталкивается с различным «бытийным наполнением», то есть онтологически разными объектами.

Основными операциональными элементами исторической регионалистики выступают историко-географические и геоэкономические образы. Попытку создания основ общей теории историко-географи-

ческих образов предпринял в своих работах московский географ Д.Н. Замятин **[8]**. Некоторые положения ее вполне могут быть вписаны в методологию конкретного регионального исследования. Так, по мнению Д.Н. Замятина, «мощность и структурированность конкретного геоэкономического образа, по существу, зависит от его историко-географического фундамента», то есть от возраста территории и ее места в генеалогическом древе территории. Д.Н. Замятин совершенно справедливо отмечает, что «сама специфика освоения пространств России привела к слабой структурированности ее регионов и неоднозначности различного рода геоэкономических границ» **[9]**. Именно вследствие этого в отечественной традиции принято оперировать такими неопределенными и семантически размытыми понятиями как Зауралье, Забайкалье и т.п. «Нечеткость границ геоэкономических пространств способствует выделению своеобразных геоэкономических образов, которые выступают в данном случае как их устойчивые ядра» **[10]**. Поэтому оказывается легче выявить основное ядро, к примеру, Зауралья, чем определить конкретные его границы. Большая часть российских историко-географических областей осознаются как ярко выраженные ядра с весьма расплывчатой периферией – Прикамье, Приобье, Приамурье, Поволжье (территория вдоль соответствующей реки); Предуралье, Забайкалье, Зауралье, Закавказье, Приморье (территории, прилегающие к горам или крупным водным объектам) и т.п. Но где границы всех перечисленных территорий, где, например, заканчивается Забайкалье и начинается Приамурье, оказывается, определить очень сложно. К примеру, историко-географические образы в большинстве европейских стран носят не относительный характер (отношение к какому-либо географическому объекту – реке, озеру, горам и т.п.), а абсолютный и вполне определенный содержательный характер, уходящий, порою, своими корнями в античность. Французы точно знают, где заканчивается Прованс, а где начинается Гасконь или Лангедок, причем современное административно-территориальное деление на департаменты не соответствует границам исторических областей Франции.

Но указанные сложности и противоречия историко-географического районирования как важного элемента исторической регионалистики определяются не только конкретно-историческими особенностями развития Российского государства, но и трудностями самого научного познания.

Географы отмечают, что «многолетние дискуссии об объективности районирования и природе границ не уточнили и не поколебали мнение об условности границ, понимание их как менее реальных, чем соб-

ственно районы» **[11]**. Выходом из этого, как считает В.Л. Каганский, может быть процесс «оборачивания» реальностей. «Тогда реальность границы будет доминирующей, а сами границы – исходными и первичными, базисными феноменами» **[12]**. То есть для определения Зауралья мы должны были бы в первую очередь искать не ядро этой территории, а его границы. Но, как показывает «опыт районирования на основе осознанных и сформулированных постулатов, предполагающих измерение контрастности граничных линий, ...некоторые границы остаются незамкнутыми» **[13]**. Отсюда следует, что в историческом измерении территории могут изменяться в своей конфигурации и при разном масштабе рассмотрения перед нами могут возникать и разные образы этой территории. Например, хлебопроизводящая база Сибири и Урала может выступать то в виде Верхотурско-Тобольского района, то в виде Зауралья, с разной территориальной наполненностью.

Известный отечвственный географ Б.Б. Родоман обратил внимание еще на один парадокс границ – их двояквя размерность. Происходит это по причине трех обстоятельств: «1) граничная полоса – ареал не хуже прочих и следовательно сама имеет границы; 2) переходную зону, служащую границей, мы представляем достаточно узкой по сравнению с разграничиваемыми ареалами, но теоретически мыслимы такие ряды зон, в которых переходные зоны шире чистых; 3) возможны системы, в которых каждая зона – переходная между соседними, как цвета в спектре» **[14]**. Указанные теоретические положения находят подтверждение в конкретной истории. Зауралье по своей природе стало такой пограничной зоной, особенно после возникновения Уральского горнозаводского региона. Но, исходя из тезисов Б.Б. Родомана, Зауралье может рассматриваться не как периферия Урала или Западной Сибири, а как самостоятельный пограничный регион с системой сложных незамкнутых границ. Причем социальное содержание этой региональной структуры накладывается на соответствующую природно-географическую составляющую – тоже носящую пограничный характер, зону лесостепи и южной зоны смешанных лесов. Полагаем, что это совпвдение социального и ландшафтного субстратов в их пограничной сущности является не случайным и отражает объективную региональную наполненность понятия «Зауралье».

Как видим, региональное измерение познания исторического процесса обладает существенными эвристическими возможностями. Одновременно справедливым будет утверждение о том, что любое событие, попадающее в поле зрения историка, может быть наполнено разным значением в зависимости от рассматриваемого контекста. Но своеобразной сверхзадачей историка в этих условиях становится поиск

пересечения или возможного взаимодействия указанных контекстов. Как раз одним из наилучших способов решить подобные задачи является методология регионального исследования как составной части исторической локалистики, которую мы взяли в качестве основы методологии нашего исследования. Именно поиск пересечения контекстов разного масштаба (макро-, мезо- и микроисторического) в рамках конкретно-исторического регионального исследования дает возможность определить общие и особенные черты изучаемых явлений и процессов.

Немаловажное значение для результатов исследования имеет конкретный исследовательский инструментарий. Традиционно ведущим конкретным методом исторического исследования является повествовательный, не отходим мы от него и в рамках нашего исследования. Не менее традиционными являются методы сравнительно-исторического анализа, комплекс количественных методов. Методы ретроспекции (своеобразная обратная экстраполяция) тоже получили применение в нашем исследовании. Региональный характер работы предопределил использование методов историко-географического районирования.

Таким образом, имеющийся теоретико-методологический багаж позволяет провести исследовательскую работу по решению поставленной цели и задач, которыми определяется и структура нашей монографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Черносвитов П.Ю. Русская колонизация Севера: становление и разрушение «генофондов культуры»// Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. (историко-археологические исследования): В 2 т. - Владивосток, 1994. Т. 1; Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX в.). - М., 1982. - С. 3; о термине «освоение» см. также: Алексеева Е.В. Проблема освоения окраинных территорий в отечественной и американской историографии// Проблемы истории регионального развития. - Свердловск, 1992.
2. Группа итальянских историков, публиковавшихся в основном на страницах журнала «Quademi storici». См., например: Grendi E. Micro-analisi e storia sociale// Quademi storici. 1977. №35; Ginzburg C., Poni C. Il nome et il come. Mercato storiografico e scambio disuguale// Quademi storici. 1979. №40.
3. Галанова Г.Э. Постмодернистские тенденции в развитии современной истории и проблема частной жизни// http:// old. ssu.

Samara. ru/ research/ philosophy/ journal7.
4. Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального// http:// www. tuad. nsk. ru/~history.
5. Земцов В.Н. Микроистория и перспективы изучения Отечественной войны 1812 года// Парадигмы исторического образования в контексте социального развития: Сборник научных статей. В 2 ч. - Екатеринбург, 2003. 1. - С. 33.
6. Алексеев В.В., Артемов Е.Т. Регионализм в России: история и перспективы// Урвльский исторический вестник. - Екатеринбург, 1996. - № 3.
7. Зубков К.И. Структурный метод в региональных исторических исследованиях// Историческая наука и историческое образование на рубеже XX-XXI столетий. - Екатеринбург, 2000. - С. 22.
8. Замятин Д.Н. Историко-географические аспекты региональной политики и государственного управления в России// Регионология. - 1999. - № 1; он же. Образ страны: структура и динамика// Общественные науки и современность. - 2000. - № 1; он же. Феноменология географических образов// http:// ruthenia. ru/ logos/ kofr/ samjatin. htm.
9. Он же. Историко-географические аспекты... С. 167.
10. Там же.
11. Каганский В.Л. Геогрвфические границы: противоречия и парадоксы// Географические границы. - М., 1982. - С. 11-12.
12. Там же. С. 12.
13. Там же. С. 13.
14. Родоман Б.Б. Основные типы географических границ// Там же. С. 22.

Глава 1. Историография и источники

История научного изучения истории Сибири эпохи русской колонизации насчитывает уже более 200 лет. За этот период написано и опубликовано огромное количество работ разной научной глубины и ценности. Это требует от исследователей пристального внимания к творческому наследию своих предшественников, классификации их трудов и их историографического анализа. Конкретно-исторический характер целей и задач нашего исследования освобождает нас от необходимости полного и всестороннего анализа историографии истории русской колонизации всего сибирского субконтинента, так как это по объему работы может составить предмет отдельного самостоятельного исследования. Поэтому в сферу наших историографических интересов, прежде всего, попали исследования отечественных и зарубежных ученых, оказавших наибольшее влияние на развитие исторических представлений о русском освоении Сибири в целом и Зауралья в частности. Также мы подвергли анализу работы историков, непосредственно посвященные или частично затрагивающие интересующую нас территорию – Зауралье.

Выделим ряд исследований историографического характера. Отметим, во-первых, одну из первых действительно глубоко научных обобщающих историографических работ – «Историография Сибири (домарксистский период)» В.Г. Мирзоева **[1]**. Но впервые более или менее полное отражение история развития исторических представлений о Сибири досоветской эпохи получила в исследовании Л.М. Горюшкина и Н.А. Миненко **[2]**. Помимо монографических форм довольно подробный историографический анализ традиционно присутствует в вводных главах обобщающих трудов. Среди них мы отметим второй том «Историю Сибири», «История Урала с древнейших времен до 1861 г.», «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма» **[3]**. Не менее обстоятельные историографические обзоры содержатся во введениях к первым трем томам «Истории Курганской области» **[4]**, в которых отражена историография истории Южного Зауралья. Безусловное историографическое значение имеют статьи Н.Ф. Емельянова, В.В. Пундани, В.И. Усанова, В.В. Менщикова, посвященные развитию исторических знаний о Зауралье **[5]**. В каком-то смысле революционный характер имеют публикации новосибирского историка А.С. Зуева, который подробно проанализировал проблему характера присоединения Сибири к России в новейшей отечественной историографии **[6]**. А.С. Зуев сделал весьма неутешительный вывод о состоянии, казалось бы, уже давно решенной проблемы историографии истории Сибири: «Явно заметна

неуверенность исследователей в определении характера присоединения Сибири, большинство из них избегают какой-либо оценки, ограничиваясь в лучшем случае констатацией сложности и противоречивости самого процесса присоединения... На сегодняшний день переосмысление характера присоединения Сибири носит скорее эмоциональный, нежели научный характер» **[7]**. Однако, мы еще вернемся в рамках историографического анализа к этой проблеме. Еще раз подчеркнем достаточно глубокий, вдумчивый и оригинальный характер историографических рассуждений А.С. Зуева.

Основоположником научного изучения Сибири, ее освоения и заселения русским населением является Г.Ф. Миллер. В результате его путешествия по Сибири в 1733-1743 гг. в рамках Второй Камчатской экспедиции им был собран огромный исторический материал, включавший копии документов XVI-XVII вв., ответы представителей местной администрации на составленную Г.Ф. Миллером анкету, личные путевые впечатления и т.п. Результатом этих изысканий стала двухтомная «История Сибири» **[8]**, в которой была заложена первая историческая концепция характера присоединения Сибири. Г.Ф. Миллер доказывал военный характер этого процесса, Сибирь была, по его мнению, завоевана, решающую роль в этом сыграло государство. Казаки, «гуляющие люди», другие категории служилого населения, проникая вглубь сибирских территорий, несли с собой не только идею казацкой вольности, приход русских на новые земли с неизбежностью приводил сюда и государственную власть. Исходя из этой концепции, вполне вписывающейся в умонастроения эпохи, Г.Ф. Миллер написал, прежде всего, политическую историю Сибири, обратив внимание на деятельность центральной и местной администрации в сфере наступательных акций против местного населения и обороны края, в деле скорейшего закрепления новых земель в составе Российского государства. Фактический материал, содержащийся в произведении Г.Ф. Миллера, до сих пор не утратил научного значения, так как многие использованные ученым документы безвозвратно утрачены для современных исследователей. Однако, первоначально академическая общественность весьма прохладно встретила его сочинение: «Большая часть книги не что иное есть, как только копия с дел канцелярских» **[9]**. Но прошло время, и недостатки исследования причудливым образом превратились в достоинства.

Традиционным по тематике и принципам изложения для своего времени стало еще одно исследование XVIII в. – «История Оренбургская» П.И. Рычкова **[10]**. В отличие от исследования Г.Ф. Миллера, предметом изучения этой книги стала территория Оренбургской губернии, вклю-

чавшей в то время огромную территорию Урала, Зауралья, Казахстана. Но в совокупности с еще одним исследованием – «Топографией Оренбургской» **[11]** – научные изыскания П.И. Рычкова были во многом новаторскими для своего времени. Соединение воедино сведений исторического, географического и экономического характера сделало труды исследователя непревзойденным образцом страноведческого (хорологического) анализа на протяжении почти века. Кстати, одним из первых, кто поддержал П.И. Рычкова в его исследованиях, был Г.Ф. Миллер.

В 1770-х гг. территория Зауралья оказалась на пути следования очередной академической экспедиции. Академики П.С. Паллас и И.П. Фальк в результате экспедиции оставили путевые заметки **[12]**. Комплексный характер самой экспедиции определил и характер этих произведений. В них отразилась информация естественнонаучного, демографического, экономического и исторического характера. Историографическая оценка трудов П.С. Палласа и И.П. Фалька осложняется внутренне сложной структурой этих произведений. Они включают как личные наблюдения, в рамках которых авторы выступают беспристрастными фиксаторами природно-географических условий, особенностей хозяйственной жизни местного населения, так и, порою, пространные исторические экскурсы и рассуждения об экономической жизни в сочетании с личными оценками. В первом случае данные произведения выступают как исторический источник по истории края XVIII в., во втором же являются составной частью предмета историографии истории Зауралья. Например, сообщения авторов об уровне урожайности в крае (в среднем сам-6-10) вполне достоверны, но эти данные, скорее всего, получены от местных жителей и отражают наиболее благоприятный уровень продуктивности зерновых на наиболее плодородных почвах, так как исследователи ставили перед собой цель показать, прежде всего, максимальные возможности территории в этой сфере хозяйственной жизни. Многолетние же показатели продуктивности земель средних и плохих выпадали из поля зрения путешественников или сознательно не включались в текст по вышеуказанной причине. Налицо реальная личностная интерпретация первичного материала. Все указанные выше обстоятельства дают возможность считать подобного рода сочинения одновременно и источником, и авторским исследованием.

В 1804 г. по программе Вольного экономического общества пермский историк-краевед Н.С. Попов выпускает двухтомное издание «Хозяйственное описание Пермской губернии» **[13]**. Поскольку восточные уезды этой губернии являлись составной частью Зауралья, это исследование попало в сферу нашего внимания. В книге содержится под-

робная информация о хозяйственной жизни губернии (состояние земледелия, животноводства, их продуктивность, социальный состав населения, демографические показатели и т.п.). Характер этого произведения, внутренняя логика и цели его, по сути, сближает труд Н.С. Попова с предыдущими двумя. Перед нами произведение, сочетающее в себе качества источника и авторского произведения. Правда, источниковая составляющая этого труда относится к рубежу XVIII-XIX вв., что выходит за пределы хронологических рамок нашего исследования. Однако, некоторые суждения автора об экономическом состоянии восточной, зауральской части Пермской губернии (сельскохозяйственный характер, ресурсная база горнозаводского Урала и т.п.) могут быть использованы в ретроспективном ключе, поэтому данная работа и включена нами в рамки историографического сюжета. По своей внутренней специфике, по стремлению к максимальной статистической точности изложения материала, к труду Н.С. Попова примыкают труды К. Арсеньева и Ю. Гагемейстера **[14]**, относящиеся к более позднему времени.

Плеяду историков XIX в., внесших неоценимый вклад в развитие исторических представлений о Сибири, чьи труды до сих пор сохраняют нвучную ценность, открывает П.А. Словцов «Историческим обозрением Сибири» **[15]**. В этом произведении впервые указаны даты основания нескольких десятков населенных пунктов Зауралья, показан поступательный процесс заселения зауральских территорий в XVII в. П.А. Словцов дает подробную поуездную природно-географическую характеристику Урало-Сибирского региона на предмет благоприятствования земледелию. В труде содержится подробная информация о том, что сеяли крестьяне на своих полях, какова была продуктивность сельского хозяйства. Значение труда П.А. Словцова, на наш взгляд, заключается еще и в том, что в нем содержится необходимый и достаточный материал для вполне корректного с научной точки зрения историко-географического районирования Сибири и Зауралья. Соединение политической и хозяйственной истории делает данное произведение одним из первых действительно комплексных исследований исторического развития Сибири.

Еще одним автором, оставившим в XIX в. комплексное исследование истории Сибири был, П.Н. Буцинский. Его работа называется «Заселение Сибири и быт ее первых насельников» **[16]**. Примечательной чертой этого труда является пристальное внимание автора к хозяйственной жизни крестьянского населения Сибири, к уровню продуктивности сибирского земледелия. Как и П.А. Словцов, П.Н. Буцинский проводит поуездный анализ экономических показателей. Появ-

ление в XIX в. подобных произведений свидетельствовало о нарастающем внимании исследователей к экономической истории и хозяйственной проблематике, существенно раздвигая исследовательское поле.

В конце XIX в. существенно продвинулось вперед изучение Урала с сопредельными территориями. Решающее значение в этом имели труды пермских историков-краеведов А.А. Дмитриева и В.Н. Шишонко **[17]**. Исторические сочинения этих авторов внесли существенный вклад в выяснение процессов поступательного заселения и освоения Урала и Зауралья, были уточнены даты основания ряда населенных пунктов, описан процесс хозяйственного развития изучаемых территорий, освещены важнейшие политические события изучаемого региона. А.А. Дмитриев и В.Н. Шишонко оказались практически одними из последних историков, продолжавшими традиции так называемого «летописного» изложения исторического материала.

Уже в XIX в. в отечественной историографии наряду с исследованиями, отражающими общий совокупный ход развития общественных процессов в рамках крупных территориальных образований на значительных хронологических отрезках (например, русская история в целом, история Сибири, «История Оренбургская» и т.п.), появляются труды проблемного характера. Внимание историков стали привлекать отдельные аспекты исторического процесса и локальные объекты (города, остроги, слободы, монастыри, локальные территории). Исследования эти были различны по научному уровню, степени обобщения исторического материала и научной значимости. Среди исследований по Зауралью одной из первых подобных работ была небольшая по объему книга Н. Самойлова о Далматовском монастыре **[18]**. На наш взгляд, серьезного научно-теоретического значения это исследование не имеет, однако, определенный интерес она представляет благодаря комментированию автором ряда документов XVII в. и тому, что это, по существу, первое самостоятельное исследование этого зауральского монастыря.

Однако имелись и более солидные труды. Среди них отметим книгу выдающегося русского историка и правоведа Б.Н. Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке» **[19]**. Значительное место в ней уделено развитию местных органов власти в Сибири. В исследовании рассмотрено соотношение властных полномочий воеводского и слободского уровней, проанализированы документы, регламентирующие деятельность тех или иных властных структур.

Важной для историографии истории Зауралья была творческая деятельность историка-краеведа Н.А. Абрамова, собравшего интерес-

ный фактический материал по истории ряда зауральских слобод, в том числе по Цареву Городищу **[20]**.

Далматовский монастырь, возникший как небольшая пустынь на реке Исеть, в дальнейшем превратился в один из крупнейших монастырей Сибири, сыгравший важную роль в хозяйственном освоении Зауралья и общественно-политической жизни края. Поэтому история этого монастыря всегда привлекала внимание исследователей. Однако, исследований, посвященных исключительно ему, не так много, одно из них мы уже упоминали выше. Но первым серьезным трудом по истории этого исторического объекта было исследование Г.С. Плотникова, опубликованное отдельной книгой в 1906 г. **[21]**. В основе работы лежал комплекс монастырских документов. Г.С Плотников описал историю возникновения Исетской пустыни, кратко описав основателя ее Далмата, в миру Дмитрия Мокринского, рост численности населения монастырской вотчины, хозяйственную деятельность монастырских крестьян, а также развитие монастыря после секуляризации церковно-монастырских земель в 1764 г. Несмотря на фактическую емкость изложенного материала, работа Г.С. Плотникова отличается некоторой конспективностью повествования. Но в совокупности с дошедшим до нас архивным фондом монастыря работа Г.С. Плотникова остается необходимой составной частью источниково-историографической базы любого исследования по истории русских монастырей и Зауралья.

Сугубо конкретный интерес представляет для нашего исследования небольшая по объему книга П.И. Соколова, посвященная исследованию развития земледелия в Западной Сибири **[22]**. Автор описывает различные приемы земледельческих технологий, практику архаичной подсечной системы, имевшей место и в Зауралье.

На рубеже XIX-XX вв. в отечественной историографии появляются и первые теоретические работы, посвященные процессам колонизации Сибири. Наиболее примечательными из них являются труды А.А. Кауфмана **[23]**. Творческое наследие этого исследователя достаточно многообразно. В поле его интереса находились проблемы развития русской общины, темпов и характера хозяйственного освоения сибирских территорий. Но, как мы отметили, наибольший интерес для нас представляют его теоретические выводы об особенностях русской колонизации и ее емкости, по терминологии самого автора. В частности, А.А. Кауфман писал, что «колонизационная емкость страны – это производная не только от площади земли, но и от их качества, от их соответствия хозяйственным привычкам и хозяйственным способностям переселенцев; производная как от всей совокупности культурных и экономических условий водворения, так и от всей совокупности свойств

тех элементов, которые питают переселенческое движение; колонизационная емкость будет одна для американских пионеров, другая для нас; одна для вятичей и раскольников.., другая для современного, массового, черноземного переселенца» **[24]**. Вполне очевидна теоретическая и конкретно-историческая актуальность этих утверждений исследователя. Еще один важный тезис А.А. Кауфмана о специфике русского колонизационного процесса, выявленного на основе сравнительно-исторического анализа: «В Западной Европе, другими словами, колонизационное движение принимает форму выселения из государства, в России – форму расселения по государственной территории» **[25]**. Как нам представляется, даже вышеуказанные тезисы обладают значительной эвристической ценностью в конкретно-историческом и теоретико-методологическом аспекте.

В целом можно констатировать, что в досоветский период развития отечественной исторической науки был накоплен значительный фактографический материал по истории Зауралья. В сферу исследовательского интереса попали не только общие характеристики процесса заселения и освоения края, но и отдельные аспекты этих процессов. Историки ввели в научный оборот значительный комплекс архивных монастырских, приказных, воеводских документов, определили даты основания слобод и острогов, сделали выводы об особенностях хозяйственного освоения сибирских и уральских земель. Были сделаны и некоторые обобщения теоретического характера. Однако господство позитивистских представлений обусловило сосредоточенность историков, прежде всего, на историческом факте, вопросы теоретического и концептуального осмысления историко-событийного ряда оставались, как правило, на периферии исследовательского интереса. Но упрекать ученых XVIII-XIX вв. в этом было бы антиисторично. Благодаря указанной тенденции накопленный фактический материал до сих пор остается востребованным современным поколением историков.

В 20-30-е гг. XX в. отечественная историческая наука постепенно переходит на новую методологическую базу – марксистскую социологию. Но переход этот осуществился не сразу. 1920-е гг. ознаменованы крупным подъемом в развитии краеведения, имевшим две составляющие – исследовательский процесс и общественное движение. Сосредоточенность на истории локальной территории сугубо в фактографическом контексте, по всей видимости, была обусловлена общим кризисом отечественного исторического знания, связанного как раз с указанным методологическим переходом. Подъем же краеведения как общественного движения был связан с общим подъемом общественной активности, произошедшим в связи с революцией 1917 г.

Настоящим олицетворением этого «золотого» десятилетия отечественного краеведения стал В.П. Бирюков **[26]**. Этот народный самородок был человеком поистине энциклопедической разносторонности. В сферу его исследовательских интересов входили самые разные области человеческого знания – от минералогии до истории своего родного края. В.П. Бирюков сыграл ведущую роль в деле сохранения документального наследия прошлого, именно он заложил основы Шадринского архива, самоотверженно сохранив документы Далматовского монастыря. Из огромного творческого наследия этого историка-краеведа мы выделим, прежде всего, его работы по истории Приисетья, Шадринского края, в которых впервые была опубликована наказная грамота на основание Шадринской слободы, получили освещение первые годы существования Далматовского монастыря. Одним из первых В.П. Бирюков провел историко-антропонимический анализ фамилий населения исетского края, подтверждавший тесную взаимосвязь между Зауральем и Поморьем. Близкими по внутренней структуре к трудам В.П. Бирюкова являются работы Н.М. Чернавского и Л.М. Каптерева **[27]**.

Однако краеведческий подъем 1920-х гг. был связан, в первую очередь, с деятельностью краеведов-любителей. Работ историков-профессионалов, посвященных освоению зауральских территорий, в это время выходило незначительное количество. Среди подобного рода работ отметим две, характеризующих два возможных аспекта изучения прошлого – теоретико-концептуального и конкретно-исторического.

Первая работа И.Л. Ямзина и В.П. Вощинина с весьма претенциозным названием – «Учение о колонизации и переселениях» **[28]**. Значительная часть фактической базы относится к русской колонизации Сибири. Авторы предложили свое определение колонизации, под ней они подразумевали «процесс заселения и использования производительных сил недонаселенных и экономически недоразвитых территорий значительными массами людей, эмигрирующих из более густо населенных областей» **[29]**. И.Л. Ямзин и В.П. Вощинин предложили также оригинальную периодизацию истории колонизации Сибири: первый этап (XVII в.) характеризуется промысловым освоением, в рамках второго этапа (XVIII в.) ведущим стало промышленное, горнозаводское освоение сибирских территорий, с конца XVIII в. начинается третий этап, когда на первый план выходит земледельческое освоение **[30]**. И определение колонизации, и периодизация этих авторов отличается, как нам представляется, схематизмом, так характерным для общественных наук 1920-х гг., и некоторой упрощенностью. Наибольшие возражения вызывает предложенная периодизация, а именно отнесение преимуще-

ственно земледельческого освоения к столь позднему времени. На наш взгляд, подобное могло возникнуть только вследствие недостаточности использования авторами фактического материала по хозяйственному освоению Сибири в целом и земледельческих районов в частности в XVII в., а в результате - следование умозрительным схемам, порою практически не основанным на конкретно-исторических исследованиях.

Второе исследование, попавшее в поле нашего внимания, – работа пермского историка А.А. Савича по истории монастырской колонизации Урала в XVI-XVII вв **[31]**. В отличие от предыдущей работы, исследование А.А. Савича носит сугубо конкретно-исторический характер и основано на архивных материалах. Новым по сравнению с предыдущими работами по истории урало-сибирских монастырей было включение в книгу материала о поземельных спорах монастырей с соседями с вполне характерными для той эпохи антицерковными оценками: «Монастырским старцам ничего не стоило «своим озорничеством» выкосить сенные покосы и кошенное сено с пожень «сильно» свезти к себе, отнять «без остатку» и опустошить рыбные ловли...» **[32]**. Однако подобные действия противоположной стороны в исследовании оказались не отраженными. Да и описанные автором действия предпринимались не самими монахами, а, как правило, монастырскими крестьянами, довольно часто по собственной инициативе, но, по всей видимости, с согласия монастырского руководства. Тем не менее, работа А.А. Савича внесла достойный вклад в развитие исторических представлений о Зауралье, в ней содержатся достаточно глубокие наблюдения об особенностях хозяйственной жизни крестьянства: «На Руси XVI-XVII столетий ценность хозяйства измерялась не столько наличностью земли вообще, сколько количеством земли «живущей», находившейся в обработке» **[33]**.

Новый этап в развитии отечественного сибиреведения начинается в послевоенное время. Количество исследований и публикаций по истории Сибири и Зауралья неизмеримо возросло, что определяет необходимость проблемно-хронологического анализа историографии. Указанный этап начался с публикации работ В.И. Шункова и С.В. Бахрушина. В четырехтомном собрании научных трудов последнего значительное место занимают работы ученого по Сибири **[34]**. Первостепенное внимание С.В. Бахрушин уделил изучению путей проникновения первых русских переселенцев в Зауралье и деятельности тобольских воевод в XVII в. В отечественной историографии уже отмечалось, что С.В. Бахрушин преувеличивал роль частной инициативы в освоении Сибири и, прежде всего, промысловой деятельности, а земледельчес-

кое освоение являлось лишь условием вхождения сибирских территорий в состав России.

Заметным событием в развитии отечественного сибиреведения стали работы известного советского историка В.И. Шункова **[35]**. На протяжении нескольких десятилетий именно он являлся ведущим специалистом в области хозяйственного освоения Сибири и Зауралья. В.И. Шунков выделил пять земледельческих районов Сибири, сформировавшихся в основном уже в XVII в. – Верхотурско-Тобольский, Томско-Кузнецкий, Енисейский, Ленский и Забайкальско-Амурский. Анализ порайонной специфики хозяйственного освоения сибирских территорий дал возможность В.И. Шункову убедительно доказать ведущую роль именно земледелия в деле общего хозяйственного освоения Сибири. В противоположность мнению С.В. Бахрушина В.И. Шунков в своих работах проводил мысль, что земледельческое освоение было не только условием, но и необходимой основой вхождения сибирских территорий в состав России. Именно В.И. Шунков обосновал тезис, ставший господствующим в советской историографии, о преимущественно мирном характере присоединения Сибири к России. Работы этого историка стали также одними из важнейших в области историко-географического районирования Сибири.

Безусловный вклад в развитие историко-географической тематики внесли Р.М. Кабо и Л.Е. Иофа **[36]**. В их исследованиях нашли отражение процессы градообразования в Урало-Сибирском регионе. Однако, использование не уточненных данных о дате основания некоторых слобод Зауралья (Царево Городище) привело Л.Е. Иофу к сомнительным выводам о темпах продвижения русских в южную часть Зауралья. Еще одним историко-географическим исследованием является работа В.В. Покшишевского **[37]**, в которой автор сформулировал не вызывающие сомнения закономерности пространственного развития русской колонизации Сибири.

В начале 1960-х гг. появилась статья Н.В. Устюгова «Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в.» **[38]**, в которой была предпринята попытка исследоеать главные особенности процесса русского заселения Южного Зауралья. Автор изучил демографические процессы на территории Исетской провинции Оренбургской губернии. На наш взгляд, при всей несомненной научной значимости этой статьи, Н.В. Устюгов неоправданно сузил как понятие колонизации, сведя его лишь к процессам заселения, так и «Южное Зауралье», не включив в его состав территорию Среднего Притоболья, что существенно ограничило значение выводов данной статьи.

Существенный вклад в изучение Зауралья внес А.А. Кондрашен-

ков **[39]**. Первостепенное значение в его работах отводилось истории крестьянства, его роли в освоении и заселении Зауралья в XVII-XVIII вв. В поле научного зрения А.А. Кондрашенкова попали разнообразные аспекты жизни зауральского крестьянства, от хозяйственной деятельности до социальной борьбы. А.А. Кондрашенкову удалось уточнить даты основания многих зауральских слобод, в частности, он предложил свою оригинальную систему аргументов в пользу конкретной даты основания слободы Царево Городище. Однако мы считаем, что аргументация А.А. Кондрашенкова довольно противоречива, поэтому нами выдвинута собственная точка зрения по этой проблеме (см. гл. 3). Несмотря на то, что главным объектом исследований историка являлось крестьянство, в работах А.А. Кондрашенкова значительное внимание уделено другим вопросам истории Зауралья – военному противостоянию русских с кочевниками, монастырской колонизации, деятельности слободчиков и т.п. Именно работы А.А. Кондрашенкова стали отправной точкой в наших исследованиях.

В 1965 г. появляется комплексное исследование по истории хозяйственного освоения и заселения Западной Сибири в XVIII в. М.М. Громыко **[40]**. В рамках этой работы впервые объектом исследования стало крупное региональное образование (Западная Сибирь, а не весь сибирский субконтинент) в контексте экономического и демографического развития.

В конце 1960-х гг. выходит пятитомная «История Сибири» **[41]**, которая подвела итоги исследования истории сибирского субконтинента. Это стало важным событием в отечественной историографии, но в значительной степени накопленный исторический материал носил обобщенный характер, отдельные территории Сибири, а также ряд аспектов общественного развития были явно недостаточно изучены. Поэтому в 1970-1990-х гг. изучение Урало-Сибирского региона идет с нарастающей активностью.

Развитие демографических процессов в Западной Сибири и Зауралье в XVIII в. получили отражение в работах А.Д. Колесникова **[42]**. Он одним из первых ввел в научный оборот данные церковной статистики, убедительно показав возможность их использования в историко-демографических исследованиях. В работах А.Д. Колесникова получил подтверждение тезис о преобладании естественного прироста над механическим в Западной Сибири уже со второй четверти XVIII в.

Поистине фундаментальными для исторической демографии являются исследования Я.Е. Водарского и В.М. Кабузана, в которых в том числе отражены основные тенденции роста народонаселения Сибири и Урала **[43]**. Их работы основаны на огромной источниковой базе (дан-

ные ревизий), которая была подвергнута скрупулезной источниковедческой критике.

Немаловажное значение в области историко-демографических исследований Зауралья имеют работы Н.Ф. Емельянова **[44]**, в которых получили дальнейшее подтверждение некоторые выводы, сделанные ранее А.Д. Колесниковым (например, о выходе на первое место уже во второй четверти XVIII в. естественного прироста в процессе роста населения).

Примыкают к исследованиям историко-демографического характера работы Н.А. Миненко о русской крестьянской семье в Сибири **[45]**, в которых автор исследовала широкий круг проблем, в том числе и демографического характера (населенность крестьянского двора, традиции семьи, уровень многодворности поселений и т.п.).

Важным событием в развитии отечественного сибиреведения стало появление книги А.А. Преображенского, посвященной сравнительно-историческому анализу заселения и освоения Урала и Западной Сибири в конце XVI-начале XVIII в. **[46]**. В своем исследовании историк существенно расширил и углубил исторические представления о хозяйственном развитии ведущего хлебопроизводящего района Сибири – Верхотурско-Тобольского. Конкретно-исторический анализ земледельческого освоения зауральского региона, проведенный А.А. Преображенским, убедительно доказывает важное стратегическое значение Зауралья как ресурсной и транзитной территории.

Попытка комплексного анализа русского проникновения на Южный Урал во второй половине XVIII-первой половине XIX в. была предпринята Ю.М. Тарасовым **[47]**.

Важное значение для понимания особенностей процесса хозяйственной адаптации к новым условиям переселенцев имеют исследования И.В. Власовой **[48]**. Она провела сравнительно-исторический анализ систем землепользования, бытовавших в Поморье и Западной Сибири в XVII-XVIII вв. И.В. Власова показала, что переселенцы переносили на новые земли собственные земледельческие традиции, которые неизбежно претерпевали изменения под воздействием приспособления к новым условиям природной среды. Многие выводы работы были сделаны благодаря эффективному использованию методов картографирования, не столь часто применяемых в отечественной исследовательской традиции.

Проблемам социально-экономического характера посвящена большая часть работ известного новосибирского историка О.Н. Вилкова **[49]**. В своих исследованиях историк первостепенное внимание уделял торговым отношениям в Сибири в XVII в. Сплошной анализ тобольских

таможенных книг позволил О.Н. Вилкову определить места товарного хлебопроизводства в Зауралье. Его сведения позволяют более точно пространственно локализовать основное ядро зауральского хлебопроизводящего района, по сравнению с историко-географическим районированием сибирского земледелия, проведенного В.И. Шунковым. По данным О.Н. Вилкова, указанное пространственное ядро было сосредоточено вокруг слобод по рекам Нице, Пышме и Исети, это, конечно, меньше, чем Верхотурско-Тобольский земледельческий район. Все это дает нам основание идентифицировать это территориальное ядро с понятием «Зауралье».

Еще одним достижением исследований О.Н. Вилкова является выявление основных торговых путей Западной Сибири, как внутреннего, так и транзитного характера. Часть из них, причем, преимущественно транзитных, проходила через Зауралье.

Проблемы социально-экономических взаимосвязей, торговых отношений внутри- и межрегионального характера получили отражение в работах А.С. Черкасовой, В.С. Чернышова, Т.Е. Квецинской **[50]**. В коллективной работе С.В. Голиковой, Н.А. Миненко и И.В. Побережникова **[51]** проанализированы процессы интеграции аграрных территорий в заводское производство на примере Урала и Западной Сибири, а также со всей очевидностью показано усложнение территориальных структур в ходе социально-экономической и административно-территориальной дифференциации Урало-Сибирского региона.

Социально-экономическая тематика также получила развитие в работах Т.С. Мамсик **[52]**. В ее исследованиях по хозяйственному освоению и заселению Южной Сибири сформулированы основные закономерности колонизационных процессов, одним из которых является постоянное «забегание вперед» передовых отрядов переселенцев по отношению к основной линии колонизационного фронта. Т.С. Мамсик также отразила в своих работах тесные взаимосвязи Зауралья с другими территориями Сибири, тем самым показав роль этого региона как важного перевалочного пункта для переселенческого потока.

Особо отметим работы пермского историка В.А. Оборина **[53]**. Хотя преобладающая часть его последней монографии посвящена более раннему периоду, данные по XVII в. представляют для нас несомненный интерес. В первую очередь это касается историко-географического описания уральских территорий и, особенно, восточных склонов Уральских гор. Принципиально важным для нас является тезис В.А. Оборина о преобладающем меридиональном направлении миграций по обоим склонам Урала, в том числе и до прихода сюда русского населения. Эти данные заставляют серьезно задуматься о существо-

вании закономерностей миграций, определяемых не социальными обстоятельствами, а природно-географическими.

Еще один пермский историк и этнограф Г.Н. Чагин в своей монографии, посвященной этнокультурной истории Среднего Урала в XVII-XIX вв. **[54]**, рассмотрел демографические процессы на Урале в период активной русской колонизации этого региона, выявив основные места выхода переселенцев. Этот материал был использован нами для сравнения с аналогичными данными по Зауралью. Содержание и основные выводы монографии позволяют сделать вывод о тесных связях Предуралья с Зауральем и о постепенном и поступательном характере русского колонизационного потока.

Также характер этнокультурного исследования, но проведенного в сравнительно-историческом аспекте, носит работа А.А. Лебедевой **[55]**, – анализу была подвергнута материальная культура крестьян Притоболья и Забайкалья. В результате была выявлена большая товарная направленность многих зауральских ремесел и промыслов уже в конце XVII в.

Комплексному анализу материальной культуры русского крестьянства Урала посвящена коллективная монография под редакцией Н.А. Миненко **[56]**. В ней нашли отражение трудовые, семейные, праздничные традиции крестьянства XVIII-XIX вв. Предметом исследования стали также элементы эмпирического знания, правосознание уральского крестьянства.

Особое место в современной отечественной историографии успела занять фундаментальная работа ведущего отечественного историка в сфере аграрных исследований Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» **[57]**. В ней собран огромный материал по трудовым и бытовым традициям русского крестьянства. Несмотря на то, что в монографии изучается европейская часть России, исторические наблюдения автора и теоретические положения вполне корректно могут быть использованы и в исследованиях по другим территориям.

Русская колонизация Зауралья сопровождалась острыми конфликтами с местным населением, поэтому проблемы межэтнических взаимодействий также стали предметом исследований историков. На первый план здесь выходят взаимоотношения русских с башкирами, квазахами (киргиз-кайсаками), кучумовичами и калмыками. Истории башкирского народа, его контактам с русскими переселенцами посвящены работы Р.Г. Кузеева, М.В. Мурзабулатова, И.Г. Акманова, У.Х. Рахматуллина **[58]**. Развитие казахского общества и его взаимодействия с Российской империей стали предметом исследований С.Е. Толыбеко-

ва, А. Сабырханова, К.К Абуева **[59]**. А.Ю. Огурцов первостепенное внимание в своих работах уделил военно-инженерной политике России на юге Западной Сибири в связи с агрессивными действиями казахского батырства **[60]**. Именно этот историк, пожалуй, был первым в новейшей историографии, кто поставил под сомнение тезис о преимущественно мирном характере присоединения Сибири к России.

Военная конфронтация с кучумовичами и калмыками получила отражение в исследованиях В.Д. Пузанова и Е.В. Вершинина **[61]**, в творчестве последнего, кстати, получили развитие проблемы роли и места беломестного казачества в социальной структуре зауральского общества, что также было связано с общей военно-политической ситуацией в крае.

Работы новосибирского историка А.С. Зуева, уже упоминавшегося нами выше, напрямую связаны с проблемой взаимоотношений русских переселенцев с местным населением (близок по взглядам к нему С.В. Романов) **[62]**. Он пошел дальше А.Ю. Огурцова в оценке характера включения Сибири в состав России. А.С. Зуев прямо говорит о необходимости оценивать этот процесс как завоевание. В целом, соглашаясь с тем, что в предшествующий период отечественная историография акцентировала внимание на мирной крестьянской колонизации Сибири, мы не можем согласиться с утверждением А.С. Зуева, что «слово «присоединение» не может служить в качестве термина, характеризующего процесс присоединения» **[63]**. На наш взгляд, историк в данном случае впадает в очевидное семантическое противоречие.

При изучении Зауралья невозможно обойти вниманием творческую деятельность курганских историков 1990-х гг. Мы выделим работы комплексного характера, посвященные истории Зауралья. В трудах Н.Ф. Емельянова получили отражение демографические и социально-экономические процессы **[64]**. В.В. Пундани сосредоточил свое внимание на анализе развития государственной деревни Урала и Западной Сибири в XVIII-XIX вв. **[65]**. В.В. Менщиков, Г.Г. Павлуцких и В.А. Никитин в трех монографиях проследили процесс колонизации Южного Зауралья в XVII-XIX вв. **[66]**. Эвристически плодотворными выглядят исследования В.В. Пестерева по использованию информационной теории в конкретно-историческом изучении процессов русской колонизации **[67]**.

При историографическом анализе той или иной исторической проблемы весьма эффективными могут быть некоторые методы наукометрического анализа. Наукометрия – это «науковедческая дисциплина, осуществляющая воспроизводимое измерение научной деятельности

и выявляющая ее объективныв количественные закономерности», или «количественные методы изучения науки как информационного процесса» **[68]**. На наш взгляд, определяющим в рамках подобного подхода является рассмотрение того или иного исследовательского поля как некоторой структуры, в наукометрические методы выступают здесь в виде определения количественной (каантитативной) меры организации данной структуры. Как отмечают исследователи, мвтоды наукометрии довольно интенсивно применяются в естественных науках, в цикле гуманитарных дисциплин они не получили широкого распространения, что в значительной степени объясняется самим характером гуманитарного знания, в котором, как нам кажется, количественные характеристики не носят абсолютного значения, а являются лишь относительной мерой. Тем не менее, одним из примеров подобного анализа является исследование екатеринбургского историка М.Ю. Нечаевой по проблемам изучения истории православной церкви **[69]**. Среди разнообразного инструментария нвукометрии, по мнению М.Ю. Нечаевой, наиболее полезными могут быть методы подсчета числа публикаций, «цитат-индекс», контент-анализ. В качестве еще одного примерв использования подобных методов в гуманитарной сфере может быть приведен контент-библиографический обзор, проведенный также екатеринбургскими историками А.И. Богатыревым и Г.Е. Корниловым **[70]**.

Активная научная и издательская деятельность по изучению истории Южного Зауралья, развернувшаяся в 1990-е гг. в Кургане под руководством профессора Н.Ф. Емельянова, привела к созданию значительного историографического поля, которое вполне возможно и должно подвергнуть наукометрическому анвлизу. Для анализа нами была отобрана печатная продукция курганских историков, опубликованная под эгидой Курганского областного общества краеведов, а также в целом силами историков Курганского государственного университета в период с 1990 по 2002 гг. В поле нашего внимания попали сборники научных трудов, материалов конференций, в том числе имевших периодический характер. Всего нами было рассмотрено 617 статей из 23 сборников «Земля Курганская: прошлое и настоящее». Отметим, что большинство сборников не посвящены какой-либо отдельной теме, но имеются и тематические сборники (по истории православной церкви в Зауралье, развитию архивного дела в нашем крае, развитию культуры и т.п.). Заметим также, что мы анализировали только статьи по истории, имевшиеся в некоторых сборниках статьи естественнонаучного характера нами не рассматривались. Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что курганские историки публиковали свои исследования по истории Южного Зауралья не только в Кургане. Но значительные объемы изда-

тельской деятельности, по нашему мнению, нивелирует неизбежно присутствующую погрешность в нашем количественном анализе, поэтому все-таки отобранный нами издательский материал отражает общее состояние исторических исследований Южного Зауралья в рамках курганского сообщества историков.

Анализ публикаций был проведен по двум основным корреспондирующимся параметрам – хронологическому и тематическому. Конкретные тематические и хронологические показатели были выделены нв основании самих публикаций. Темы вполне традиционны – экономическое развитие, общественно-политическое, социальные отношения, история культуры, демографические процессы, история церкви, история сельских населенных пунктов, персоналии, источниковедение, историография и, наконец, методология и теория исторического процесса. Статьи по этим темам распределились следующим образом. Наибольшее количество публикаций по истории культуры – 21,05%, затем – источниковедческие работы (15,6%), различным аспектам экономического развития посвящены 13% статей, общественно-политическая тематика содержится в 10,1% публикаций, 9,5% статей посвящены социальным отношениям, к деятельности и жизни известных людей Зауралья относятся 8,1% рассмотренных нами публикаций, истории церкви посвящены 6,5% статей, своеобразными «аутсайдерами» нашего списка стали следующие темы: историография – 5,5%, история сельских населенных пунктов – 4,05%, методология и теория истории – 4%, демографические процессы – 2,6%.

При первом взгляде вполне очевидным сегодня выглядит преобладание так называемой «культурной» тематики, что в современных методологических условиях представляется весьма современным, имея ввиду набирающие силу антропологический, цивилизационный и культурологический подходы в изучении истории. Однако более внимательный анализ показывает несколько иную картину. Наиболее популярная тематика в советский период развития исторической науки была связана с социально-экономическими и общественно-политическими процессами. Если объединить указанные тематические разделы, выделенные нами, то в совокупности они составят 32,6% всех публикаций. Да и сами статьи по вопросам истории культуры вполне вписываются в традиционный для советской историографии набор сюжетов. Отметим в этой связи, что большая часть статей посвящена культурным процессам советской эпохи – 80 статей из 131, причем внутри этого комплекса наибольшее количество публикаций относится к послевоенному периоду – 26. Статьи преимущественно посвящены истории образования, подготовки педагогических кадров, деятельности других учреж-

дений культуры советской эпохи. Можно, скорее всего, говорить о наличии определенной инерции в исследовательском процессе истории культуры Зауралья с 1970-80-х гг., чему не в малой степени способствовала сложившаяся в это время в Курганском пединституте школа историко-педагогических исследований.

Обращает на себя внимание весьма незначительное место, которое занимают демографические изыскания, всего 2,6% публикаций. Причем подавляющая часть их относится к дореволюционному периоду (12 статей из 16!).

Отдельный интерес представляет хронологический анализ структуры научных публикаций. На основе группировки статей по основным хронологическим отрезкам нами были выделены три наиболее «насыщенных» исследованиями периода – советская эпоха, вторая половина XIX-начало XX в., XVII-XVIII вв. В данном случае они представлены по ранжиру от наиболее «насыщенного» к наименьшему. Конкретные количественные результаты следующие: первый период – 39,6% от всего количества публикаций, второй – 21,6%, третий – 7%. Советская история является важнейшим объектом, по крайней мере, по структурно-количественным показателям, исследований зауральских историков. Одним из частных объяснений подобной ситуации может быть то, что в 1990-х гг. благодаря деятельности профессора Н.Ф. Емельянова вышли в свет семь томов «Истории Курганской области» **[71]**, но все они посвящены исключительно досоветской истории Зауралья. По всей видимости, сосредоточенность специалистов по досоветской истории на написании указанного обобщающего труда несколько отвлекла их от локальных исследовательских проектов. Также, возможно, сформировалась своеобразная иллюзия полной разработанности проблем истории досоветского периода Зауралья в связи с выходом в свет данных обобщающих трудов.

Проведенный нами анализ с очевидностью показывает преобладание традиционных методологических подходов (макроисторических) в исследовании истории Южного Зауралья. Однако историческая реальность не ограничивается перечнем выделенных нами исследовательских тем. Современное краеведение оказывается скорее редуцированным вариантом отечественной истории, причем редукция проводится, как правило, на основании административно-территориального критерия (история ныне существующих областей, районов). Подобное обстоятельство неизбежно приводит к модернизации представлений о прошлом, а тем самым и к искажению исторического знания. Тем не менее, потенциальная исследовательская направленность исторического краеведения на локальные объекты в микроисторическом контек-

сте, а также накопленный краеведением фактический материал могут стать хорошим фундаментом, отправной точкой в историко-региональных и краеведческих исследованиях, основанных на новых методологических основаниях.

Анализируя историографию истории Сибири и Зауралья нельзя обойти вниманием зарубежные исследования по данной тематике. Наиболее активно изучение истории Сибири ведется в англоязычных странах – США и Великобритании.

Важной особенностью англоязычной историографии Сибири являются широкие хронологические рамки большинства исследований. К примеру, работа Дж. Форсайта затрагивает период с 1581 по 1890 гг. **[72]**, сборник статей, вышедший в Англии под редакцией известного английского историка А. Вуда, охватывает период с конца XVI в. до революции 1917 г. **[73]**, подобный по тематике сборник под редакцией еще одного английского историка М. Ривкина посвящен тому же периоду **[74]**. Такой подход позволяет выявить не частные, а сущностные тенденции в развитии тех или иных процессов и явлений. Однако смеем предположить, что выбор таких широких хронологических рамок был обусловлен еще одним, но уже не методологическим обстоятельством, а элементарной недостаточностью источниковой базы. Упомянутые выше исследования опираются исключительно на опубликованные источники – «Полное собрание законов Российской империи», «Акты исторические», «Дополнения к актам историческим», причем все они были опубликованы в еще дореволюционный период. Исключением в этом ряду является работа В. Брюса Линкольна, которая основана на значительном комплексе архивного материала из фонда Сибирского приказа **[75]**.

Еще одной характерной чертой большинства исследований англоязычных авторов является вывод о военном характере присоединения Сибири к Российскому государству. Практически всегда исследователи используют термин «завоевание» применительно к проникновению русских в Сибирь. Характерной является фраза Д. Коллинза: «В сущности, русские были просто завоевателями...» **[76]**. Тем не менее, в англо-американской историографии присутствует и иная тенденция – признания предпочтительности использования термина «присоединение». Эти выводы присутствуют в работах Дж. Форсайта и Б. Дмитришина **[77]**, тем самым, эти авторы разделяют концепцию В.И. Шункова.

Заметное место в трудах английских и американских историков занимают методы сравнительно-исторического анализа, которые позволяют давать русским первопроходцам в Сибири следующие социально-психологические характеристики: «Эти люди... были похожи на пор-

тугальских, испанских, голландских и английских своих двойников, также были, по существу, авантюристами такого же типа – смелыми, но безжалостными людьми действия... Их непреодолимо тянуло искать соболиный мех, так же как испанских конкистадоров тянуло искать золото» **[78]**.

Историографические исследования также входят в сферу интересов англо-американских историков. Среди них отметим изыскания американского историке русского происхождения Б. Дмитришина **[79]**. Заслуживает внимания деятельность американских историков по публикации документое, среди выпущенных сборнике отметим один из наиболее комплексных, по нашему мнению, с весьма характерным названием «Русское завоевание Сибири, 1558-1700» **[80]**.

В целом можно отметить, что западная историография сосредоточена преимущественно на общих еопросах присоединения Сибири, этнокультурных езаимодействиях, заостряет енимание на исторической судьбе «малых» народов сибирского субконтинента.

Западная историография развивается не изолироеанно от отечественной, в последнее время началось езаимопроникновение идей и концепций. Достаточно плодотворным стало использование в трудах отечественных историке комплекса идей американского исследователя Тернера, получивших незеание «теория фронтира» **[81]**.

Таким образом, за многолетний период изысканий накоплен значительный комплекс фактического материала по истории Зауралья, апробированы разнообразные подходы е изучении источниковой базы. Сделаны выеоды о характере русской колонизации урало-сибирских территорий. Однако, в историографии, безусловно, имеются существенные лакуны, которые и определяют необходимость нашего исследования. Во-первых, до сих пор не предпринимались попытки определить границы зауральского региона, имеющего историко-географический характер. Использовение этого термина в большинстве исследований, как правило, носило крайне неопределенный характер. Во-вторых, в работах, попаеших в сферу нашего внимения, отсутствует комплексность в исследованиях колонизации Зауралья. Преимущестеенно историки изучали демографическую, еоенно-политическую, этнокультурную или социально-экономическую составляющие указанного процесса. В-третьих, существование различных оценок характера колонизации, особенно в региональном контексте, требует дополнительного обращения к этой проблеме и еыработки собственной позиции. И, наконец, в-четвертых, региональные исследования требуют, на наш езгляд, особых методологических подходое, не использовавшихся раньше ввиду совершенно определенной идеологической ситуации. Подавля-

ющая часть исследований советской эпохи были сделаны на базе марксистской социологии, но, нисколько не умаляя безусловных достижений советской историографии, мы считаем, что использование нового методологического инструментария позволит обогатить историческое знание, создать новые исторические образы прошлого.

Источниковая база нашего исследования достаточно разнообразна. Она включает комплекс опубликованных и неопубликованных (архивных) источников. Часть использованных нами документов уже вошла в сферу интересов исследователей и анализировалась. Однако, придерживаясь принципа информационной неисчерпаемости исторического источника, мы посчитали возможным вновь обратиться к ним и предпринять попытку нового их прочтения, исходя из поставленных нами исследовательских задач. Именно цели и задачи исследования создают необходимый инструментарий для извлечения новой информации из источника.

Прежде всего, рассмотрим комплекс опубликованных источников. Уже в XIX в. были изданы первые сборники документов, отражавших историю русской колонизации Урало-Сибирского региона в XVII-XVIII вв. Во-первых, отметим среди последних «Акты исторические» и «Дополнения к актам историческим» **[82]**. Но издания этого периода отличались некоторой случайностью подбора документов для публикации, определяемой личными пристрастиями и вкусами издателей. Преобладающим мотивом издания было стремление отразить в издаваемых сборниках решающую роль государства в деле завоевания Сибири. Это предопределило характер этих документов – это в основном актовые материалы, отражающие военно-политическую информацию. Не избежал подобной однобокости и Г.Н. Потанин, сторонник идей сибирского областничества, близкого к народнической идеологии, при составлении сборника «Материалы для истории Сибири» **[83]**.

Более разнообразный характер приобрели публикуемые документы в советский период. Марксистская социология, ставшая ведущей методологической базой советской исторической школы, определила и основное направление в деле публикации письменных источников – первостепенное внимание стало уделяться документам хозяйственного характера, а также документам, отражавшим факты классовой борьбы. Существенно повысился и общий научный уровень публикаций документов, содержащих подробные комментарии и пояснения, подбор документов стал осуществляться на основе строго продуманных критериев достоверности и комплексности информации, содержащейся в публикуемых исторических источниках. Подобный подход продолжился и в постсоветское время.

На протяжении XVIII в. Сибирь была посещена рядом академических экспедиций, руководители которых оставили после себя весьма содержательные путевые заметки и дневниковые записи. Среди них мы привлекли в качестве источников сочинения П.С. Палласа и И.П. Фалька, посетивших Зауралье во второй половине XVIII в. **[84].** В этих сочинениях представлен материал о природе края, хозяйственных занятиях местных жителей, краткие экскурсы в историю заселения и освоения территории.

Особое место среди источников по отечественной истории занимают летописи. Изучаемый нами период – это время завершения русской летописной традиции. Но для XVII в. этот источник является необходимой составной частью документальной основы исследования. Нами привлекались различные редакции Сибирского летописного свода, опубликованные в 36 томе «Полного собрания русских летописей» **[85]**, из которых мы использовали информацию о военных столкновениях русских с кочевниками. Именно в этом источнике сообщается о первых столкновениях с киргиз-кайсаками (казахами). Определенный интерес представляет издание 1907 г., подготовленное А. Титовым, содержащее отрывки из разных сибирских летописей **[86]**. Но отрывочный характер публикаций этого издания существенно снижает их информативную ценность.

К летописным источникам примыкает так называемая «Книга Большому Чертежу», являющаяся по существу словесным пояснением к ряду географических карт Сибири, составленных в XVII в. **[87].** Данные Тобольской редакции этой Книги 1673 г. помогли более точно хронологически локализовать время основания одной из важнейших слобод Зауралья – Царево Городище.

Большая часть изданий актового материала, использованных нами, вышла в свет в советское время и в последнее десятилетие. Наибольший интерес, по нашему мнению, представляет в этом ряду новая серия, издаваемая в Новосибирске, – «История Сибири. Первоисточники». Среди этих изданий отметим два – «Первое столетие сибирских городов. XVII в.» **[88]** и «Тобольский архиерейский дом в XVII веке» **[89]**. В первом представлены довольно разнообразные документы, отражающие практически все стороны социальной жизни сибирского общества, причем, не только городского. Здесь опубликованы царские указы, переписка воевод с Сибирским приказом, статистические материалы (данные о необходимых объемах денежного, соляного и хлебного жалованья для служилых людей, размеры крестьянской запашки и десятинной пашни в сибирских уездах и т.п.). Во втором издании наш интерес вызвали документы хозяйственного характера – пе-

переписные книги 1625, 1636 и 1651 гг. митрополичьих вотчин, из которых можно узнать о демографической динамике в зауральских владениях Тобольского архиерейского дома, степени освоенности земельных ресурсов, уровне продуктивности сельского хозяйства в это время.

По преобладающему характеру содержащейся информации в опубликованных документах к вышеперечисленным примыкают «Вкладные книги Далматовского монастыря», подготовленные к печати екатеринбургской исследовательницей И.Л. Маньковой **[90]**. Вкладные книги дают представление о хозяйственной жизни крупнейшего зауральского монастыря, его доходах, об общем экономическом и материальном состоянии.

О начальном этапе освоения и заселения Зауралья и практике поставок продовольствия в Сибирь из Поморья сообщают документы, опубликованные в сборнике «Верхотурские грамоты конца XVI-начала XVII в.» **[91]**.

Этно-политическая история Зауралья была описана нами на основе анализа документов, опубликованных в сборниках разных лет изданий XIX-XX вв. В первую очередь отметим двухтомник «Памятники Сибирской истории XVIII в.», изданный в 1880-х гг. **[92]** В нем помещены документы, повествующие о военных столкновениях с киргиз-кайсаками, башкирских восстаниях, о строительстве пограничных линий в Зауралье, о военных контингентах, расквартированных в зауральских острогах и слободах. Однотипным по содержанию является издание 1867 г. «Материалы для истории Сибири» **[93]**. Существенным недостатком последнего является произвольное сокращение ряда публикуемых документов, а порою и вольный их пересказ составителем этого сборника Г.Н. Потаниным.

Значительный объем информации о русско-башкирских отношениях и башкирских восстаниях в Зауралье содержат «Материалы по истории Башкирской АССР» **[94]**.

В 1871 г. были опубликованы материалы переписи зауральских слобод 1749 г., проведенной по приказу командующего сибирскими войсками генерала Х.Х. Киндермана **[95]**. Особенность этой переписи заключалось в том, что переписчиков интересовали, прежде всего, воинские ресурсы края – количество мужского боеспособного крестьянского населения в возрасте от 15 до 50 лет, а также наличие оружия в крестьянских семьях (власти были обеспокоены возможным нападением на русские поселения киргиз-кайсаков).

Основатель отечественного сибиреведения Г.Ф. Миллер во время своего путешествия по Сибири скопировал значительное количество документов конца XVI-XVII в., многие из которых не сохранились до

нашего времени. Часть из этих документов была опубликована в приложениях к главному труду этого историка – «История Сибири» **[96]**. Отбор документов вполне соответствовал историческим представлениям Г.Ф. Миллера, они преимущественно отражали ведущую роль государства в завоевании Сибири, поэтому данные документы в основном дают возможность проследить военно-политическую историю Зауралья.

Однако для решения поставленных нами исследовательских задач опубликованных источников явно не достаточно. Поэтому мы обратились к комплексу архивных источников, хранящихся в ряде центральных и местных архивов.

Среди архивных источников особое место занимает комплекс документов, хранящихся в личном фонде известного зауральского краеведа Е.С. Селеткова в Государственном архиве Курганской области **[97]**. Большую часть документов этого фонда, конечно, нельзя отнести к разряду источников (исторических остатков) нашего исследования, так как в фонде преимущественно содержатся статьи этого краеведа, в которых уже дана определенная интерпретация исторического материала. Однако ряд материалов в известном смысле могут быть условно отнесены к разряду источников. В нашем случае – это сведения о структуре посевов зерновых и их урожайности в вотчине Далматовского монастыря в 1740 и 1750 гг., которые были взяты Е.С. Селетковым из материалов Далматовского монастыря. Минимальное интерпретаторское вмешательство исследователя в этот материал дало нам основание отнести данные документы к разряду неопубликованных источников.

Одно из ведущих мест в рамках источниковой базы нашего исследования занимает комплекс переписей XVII-XVIII вв. Данные, содержащиеся в них, не только отражают информацию о тенденциях и параметрах демографического развития Зауралья, но и были использованы для реконструкции элементов исторической действительности. В частности, сравнительный анализ переписных данных может помочь в выявлении особенностей некоторых элементов крестьянского самосознания и т.п.

Одной из самых ранних в Зауралье была перепись 1669 г. **[98]**, в ходе которой были обследованы церковно-монастырские вотчины Присетья. Ее проводил тобольский сын боярский Ефим Шубин и подъячий Иван Аксентьев. В результате были определены численность населения, число дворов, места выхода переселенцев.

«Роспись» зауральских слобод 1686 г. была проведена с целью выяснения военного ресурсного потенциала, прежде всего, притоболь-

ных слобод и возможности отбора из состава местного служилого населения представителей для отправки на службу в Двурию **[99]**. Эти цели несколько ограничили результаты переписи, в поле зрения переписчиков попало только количество служилых людей, поверстанных в службу, и общее количество крестьянских дворов.

Перепись 1680-1683 гг. Льва Поскочина дала возможность более точно определить дату основания слободы Царево Городище **[100]**.

Перепись ряда приисетских слобод 1699-1700 гг. **[101]**, проведенная сыном боярским Василием Шульгиным, интересна данными о численности населения, количестве дворов, а также важна в сравнительно-историческом аспекте (мы сравнивали данные этой переписи с материалами 1669 г. по местам выхода переселенцев).

В XVIII в. переписи населения становятся периодическими, что дает возможность исследователям более точно судить о динамике демографических процессов в рамках длительной временной перспективы. Однако первые ревизии отличались значительной неточностью, как было выяснено, происходила утайка населения. Также постоянные перекройки административных границ внутри государства создают сложности в сопоставлении данных по административно-территориальным единицам. Поэтому интерпретация данных ревизий XVIII в. сопряжена с серьезной внутренней критикой данного вида источников. Напомним, что подробный источниковедческий анализ данных этих ревизий был осуществлен В.М. Кабузаном.

Среди переписей XVIII в. выделяется подворная перепись 1710 г., поскольку она фиксировала всех жителей населенных пунктов, тогда как последующие содержали информацию исключительно о мужских ревизских душах. Нами были привлечены для анализа перепись Василия Турского притобольных слобод и Андрея Парфентьева, который переписывал исетские слободы **[102]**. Заметим, что материалы этих переписей впервые подверглись серьезному научному анализу в работах А.А. Кондрашенкова. Данные переписи 1719 г. использовалась нами для сравнения показателей с 1710 г. по одной отдельно взятой слободе – Крутихинской, что дало возможность сделать своеобразный «точечный», микроисторический анализ отдельно взятой территориальной структуры за десятилетний период **[103]**.

Особо выделим комплекс вотчинных переписей Далматовского монастыря за 1722, 1725, 1727, 1757, 1758 гг., который отразил поступательный процесс освоения и дальнейшего заселения монастырской вотчины **[104]**. Первичный анализ этих данных был проведен Г.С. Плотниковым еще в XIX в.

Архивный фонд Далматовского монастыря содержит не только дан-

ные переписей, но и значительное количество документов, свидетельствующих о хозяйственной деятельности этой монастырской вотчины, ее экономических связях с горнозаводским Уралом и другими соседними территориями **[105]**.

Необходимой составляющей источниковой базы любого исследования по истории Сибири и Урала XVII в. является комплекс деловой переписки воевод, слободских приказчиков, дьяков и других представителей приказной, воеводской и местной низовой администрации. Эти документы содержат разнообразную по своему характеру информацию – сведения о военных столкновениях, хозяйственном освоении территорий, регламентации деятельности представителей администрации и т.п. В рамках нашего исследования были проанализирована переписка тобольского и верхотурского воевод, челобитные основателя Шадринской слободы Юрия Малечкина с сопутствующими документами, сформировавшими особое «дело» этого персонажа истории Зауралья 1660-х гг. **[106]**.

Уже упоминавшийся нами исследователь Сибири Г.Ф. Миллер оставил после себя огромный фонд материалов, значительная часть которых еще не опубликована и сохраняет до сих пор значение ценных источников по истории Сибири и Зауралья. В так называемых «портфелях Миллера» содержатся ответы на анкету этого исследователя начала 1740-х гг., в которых слободская администрация сообщала о состоянии подведомственных им территорий, в том числе об истории соответствующих слобод и острогов **[107]**. Однако эта информация с трудом подвергается проверке, поэтому данные этих анкет не могут безоговорочно приниматься на ввру, особенно это касается сообщаемых администрацией дат основания слобод и острогов (например, Царева Городища). Большее доверие вызывают скопированные самим исследователем документы XVII в., в тех же «портфелях» содержатся копии наказных грамот на основание зауральских слобод (например, Солтосарайской слободы).

Описания конкретных природно-географических характеристик Зауралья, максимально приближенных по времени их составления к изучаемому нами периоду и играющих роль источников, содержатся в фонде 245 Государственного архива Курганской области, гдв приводятся топографо-статистические описания дач, волостей и населенных пунктов Курганского округа **[108]**.

В заключении источниковедческого анализа отметим еще один документ, представляющий несомненную ценность в качестве источника по истории Зауралья. Это летопись истории Далматовского монастыря, написанная в середине XIX в. на основе монастырских доку-

ментов предшествующего времени, многие из которых не сохранились до нашего времени **[109]**. Эта рукопись содержит информацию комплексного характера, вмещая в себя сообщения о событиях политической, экономической, социальной, религиозной и повседневно-бытовой истории.

Таким образом, комплекс опубликованных и архивных источников, благодаря своей внутренней информационной комплексности, как нам представляется, достаточен для решения задач нашего исследования, позволяет определить общие и особенные черты регионального развития Зауралья в контексте русской колонизации XVII-XVIII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). - М., 1970.
2. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири досоветского периода. - Новосибирск, 1984.
3. История Сибири. В 5 т. - Л., 1968. Т. 2. История Урала с древнейших времен до 1861 г. - М., 1989; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. - Новосибирск, 1982.
4. История Курганской области. Т. 1-3. - Курган, 1995-98.
5. Емельянов Н.Ф. Развитие краеведческой работы в Зауралье// Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 1. - Курган, 1990; Пундани В.В. Аграрная история досоветского Зауралья в исторической литературе// Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 3. - Курган, 1992; он же. Южное Зауралье в исторической литературе XVIII-начала XX вв.// Историография и источниковедение истории Южного Зауралья (XVIII-XX вв.). - Курган, 1999; Усанов В.И. Колонизация Урала русскими: к истории изучения вопроса// Уржумка. - Челябинск, 1996; Менщиков В.В. Основные проблемы историографии истории феодального Зауралья// Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 20. - Курган, 1997; он же. К итогам работы курганских краеведов// Вопросы истории. - 1998. - №3; он же. Историко-географические исследования Зауралья в 1990-х годах// Известия Русского географического общества. - 1999. Т. 131. - Вып. 6.
6. Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии// Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. - Новосибирск, 1999.
7. Там же. С. 124.
8. Миллер Г.Ф. История Сибири: В 2 т. - М.-Л., 1937-1941.

9.Уханов И.С. Рычков. - М., 1996. - С. 92.
10.Рычков П.И. История Оренбургская. - СПб., 1759 или издание 1896 г. в Оренбурге.
11.Рычков П.И. Топография Оренбургская. Ч. I-II. - СПб., 1762.
12.Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. - СПб., 1786. - Ч. 1. - Кн. 2; Полное собрание ученых путешествий по России. - СПб., 1824. - Т. 6.
13.Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. - Ч. 1-2. - Пермь, 1804. Ч. 3. - СПб., 1813.
14.Арсеньев К. Статистические очерки России. - СПб., 1848; Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. В 3 т. - СПб., 1854.
15.Словцов П. Историческое обозрение Сибири. - Б/м., 1837. - Т. 1 или издание 1995 г. в Новосибирске.
16.Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насвльников// Буцинский П.Н. Сочинения: В 2 т. - Тюмень, 1999. - Т. 1.
17.Дмитриев А.А. Пермская ствринa. - Пермь, 1889-1900. - Вып. 1-8; Шишонко В.Н. Пврмская летопись: В 7 т. - Пермь, 1882-1889.
18.Историческое описание Далматовского Успенского мужского монастыря, состоящего в Пермской губернии. Составлвнное Общества истории и древностей российских соревнователем Н. Самойловым. - М., 1830.
19.Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке. - М., 1856.
20.Абрамов Н. Слобода Царево Городище// Тобольские губернские ведомости. - 1860. - №5.
21.Плотников Г.С. Описание мужского Далматовского Успенского общежительного монастыря. - Екатеринбург, 1906.
22.Соколов П.И. Исторический ход развития земледелия в Западной Сибири. - СПб., 1891.
23.Кауфман А.А. Обзор способов полеводства и севооборотов в Западной Сибири. - СПб., 1893; он же. Земельный вопрос и переселение. Сибирь, ее современное состояние и нужды. - СПб., 1907; он же. Сибирь// Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. - СПб., 1900. Т. XXIX; он же. Русская община в процессе ее зарождения и роста. - М., 1908; он же. Сборник статей. Община. Переселение. Статистика. - М., 1915.
24.Кауфман А.А. Переселение и колонизация// Сборник статей. С. 165.
25.Там же. С. 171.
26.Бирюков В.П. Природа и население Шадринского округа Уральской области. - Шадринск, 1926.

27.Каптерев Л.М. Русская колонизация северного Зауралья в XVII-XVIII вв. - Свердловск, 1924; Чернавский Н.М. Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Кн. 1. - Челябинск, 1927.
28.Ямзин И.Л., Вощинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. - М.-Л., 1926.
29.Там же. С. 4.
30.Там же.
31.Савич А.А. Из истории монастырской колонизации и хозяйства на Урале XVI-XVII в. - Пермь, 1928.
32.Там же. С. 147.
33.Там же. С. 145.
34.Бахрушин С.В. Научные труды: В 4 т. - М., 1955. - Т. 3.
35.Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII-начале XVIII вв. - М.-Л., 1946; он же. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). - М., 1956; он же. Вопросы аграрной истории России. - М., 1974.
36.Кабо Р.М. Города Западной Сибири. - М., 1949; Иофа Л.Е. Города Урала. - М., 1951.
37.Покшишевский В.В. Заселение Сибири (Историко-географические очерки). - Иркутск, 1951.
38.Устюгов Н.В. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в.// Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1961.
39.Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. В 2 ч. - Челябинск, 1966-69.; он же. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII в. - Курган, 1962; он же. Русская колонизация Зауралья в XVII-XVIII вв.// Ученые записки Курганского пединститута. Вып. 6. - Курган, 1964; он же. Зауральские слободчики XVII в.// Сибирь периода феодализма. - Новосибирск, 1965. - Вып. 2.
40.Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. - Новосибирск, 1965.
41.История Сибири: в 2 т. - Л., 1968. - Т. 2.
42.Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII-начале XIX вв. - Омск, 1973.
43.Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII-XVIII вв.// Русское население Поморья и Сибири. - М., 1973; Кабузан В.М. Население Урала в 20-60 гг. XVIII в.// Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. - Свердловск, 1990; он же. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. - М., 1990.

44.Емельянов Н.Ф. Условия формирования поземельных отношений Сибири при феодализме. - Курган, 1991; он же. Спорные вопросы истории феодальной Сибири. - Курган, 1992; он же. Состав русского населения Сибири между первой и второй ревизиями// Вопросы аграрной истории Урала и Зауралья в XVIII-XX вв. - Свердловск, 1990.
45.Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII-первая половина XIX в.). - Новосибирск, 1979; она же. Культура русских крестьян Зауралья: XVIII-первая половина XIX в. - М., 1991.
46.Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI-начале XVIII в. - М., 1972.
47.Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII-первая половина XIX в. - М., 1984.
48.Власова И.В. Землепользование в Поморье и Сибири XVII-XVIII вв.// Хозяйство и быт западно-сибирского крестьянства XVII-начала XX в. - М., 1979; она же. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII-XVIII вв. - М., 1984.
49.Вилков О.Н. Тобольск – центр хлебной торговли Западной Сибири XVII в.// Русское население Поморья и Сибири. - М., 1973; он же. Торговля Сибири собственным хлебом в XVII в.// Аграрный рынок в его историческом развитии. XXIII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. - М., 1991; он же. Бухарцы и их торгоеля в Западной Сибири в XVII в.// Торговля городов Сибири конца XVI-начала XX в. Сборник научных статей. Новосибирск, 1987; он же. Очерки социально-экономической истории Сибири в конце XVI-начале XVIII в. - Новосибирск, 1990.
50.Черкасова А.С. Социально-экономические связи горнозаводских центров и деревень Урала в середине XVIII в.// Деревня и города Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. - Свердловск, 1986; Чернышов В.С. Водные пути сообщения исетских поселений с Кодой и Тобольском в XVII-XVIII вв.// Шадринская провинция. - Шадринск, 1998; Квецинская Т.Е. Хлебная торговля г. Верхотурья в XVII в.// Торговля городов Сибири...
51.Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Интеграция аграрного окружения в заводское производство (Урал и Западная Сибирь XVIII-первой половины XIX в.). - Екатеринбург, 1995.
52.Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизм формирования и функционирования агропромысловой структу-

ры. - Новосибирск, 1989.
53.Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI-начале XVII века. - Иркутск, 1990.
54.Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII-первой половине XIX века. - Пермь, 1995.
55.Лебедева А.А. Русские Притоболья и Забайкалья. Очерки материальной культуры, XVII-начала XX в. - М., 1992.
56.Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII-XIX вв. - Екатеринбург, 1996.
57.Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. - М., 2001.
58.Кузеев Р.Г. Тюрки и славяне на Южном Урале: демографический аспект// Россия и Восток: проблемы взаимодействия: В 2 ч. Ч. II. - Челябинск, 1995; он же. Особенности присоединения Башкирии к Русскому государству// Урал в прошлом и настоящем: В 2 ч. Ч. 1. - Екатеринбург, 1998; Мурзабулатов М.В. Зауральские башкиры в XIX-начале XX веков// Там же; Акманов И.Г. Восстание 1662-1664 гг. – первое массовое движение в Башкирии// Крестьянство и крестьянские движения в Башкирии в XVII-начале XX вв. - Уфа, 1981; Рахматуллин У.Х. Крестьянское заселение Башкирии в XVII-XVIII вв.// Там же.
59.Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII-начале XX века. - Алма-Ата, 1981; Сабырханов А. Исторические предпосылки ликвидации ханской власти в Казахстане// Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). - Алма-Ата, 1981; Абуев К.К. Хан Абылай и его время. - Кокшетау, 2002. См. также: История Казахстана. - Алма-Ата, 1979. - Т. 3; Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII-начале XIX вв. - М., 1960.
60.Огурцов А.Ю. Особенности русско-башкирского территориального спора в конце XVII века// Проблемы истории Сибири: общее и особенное. - Новосибирск, 1990; он же. Русская экспансия в Южной Сибири (постановка вопроса)// Кузнецкая старина. - Новокузнецк, 1994. - Вып. 2.
61.Пузанов В.Д. К проблеме контактов русских и кочевников первой половины XVII века в Южном Зауралье// Урал в прошлом и настоящем. - Ч. 1; он же. Кочевые миграции на сибирском юге (XVII-XVIII вв.)// Парадигмы исторического образования в контексте социального развития. - Екатеринбург, 2003. - Ч. 1; Вершинин Е.В. Беломестные казаки Зауралья в XVII в.// Казаки Урала и Сибири в XVII-XX вв. - Екатеринбург, 1993.

62.Зуев А.С. «Немирных чукчей искоренить вовсе»// Родина. - 1998. - № 1; он же. О характере присоединения Сибири к России (постановка проблемы)// Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. - Новосибирск, 1998. См. также: Романов С.В. К вопросу о характере взаимоотношений русского и аборигенного населения в XVII-первой половине XVIII вв.// Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII-начале XX вв. - Кемерово, 1997.
63.Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии// Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. - Вып. 1: Культурный космос Евразии. - Новосибирск, 1999. - С. 124-136.
64.См. примечание 44.
65.Пундани В.В. Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII-первой половине XIX вв. - Курган, 1999.
66.Менщиков В.В., Павлуцких Г.Г., Никитин В.А. Заселение Южного Зауралья в XVII-XIX вв. - Курган, 1992; они же. Освоение Южного Зауралья в XVII-XIX вв. - Курган, 1993; они же. Социально-политическая история Южного Зауралья в XVII-XIX вв. - Курган, 1994.
67.Пестерев В.В. Географическая среда и факторная природа социального развития в свете информационной теории// Историческое пространство России: инерция и трансформация. - Челябинск, 2003.
68.Хайтун С.Д. Наукометрия: состояние и перспективы. - М., 1983. - С. 7; Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. - М., 1969. - С. 12.
69.Нечаева М.Ю. Структура научных публикаций по истории православной церкви в России периода феодализма (к постановке проблемы)// Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. - Свердловск, 1991.
70.Богатырев А.И., Корнилов Г.Е. Исторический факультет УрГПУ в научно-педагогическом пространстве России (контент-библиографический обзор уральских историко-педагогических чтений 1997-2000 гг.)// Многокультурное измерение исторического образования: теория и практика. - Екатеринбург, 2001.
71.История Курганской области. В 7 т. - Курган, 1995-2002.
72.Forsyth J. A history of the Peoples of Siberia. Russian's North Asian Colony. 1581-1890. Cambridge University Press. 1992.
73.The History of Siberia. From Russian conquest to Revolution.

London, New York, 1991.
74.Russian Colonial Expansion to 1917. London, New York, 1988.
75.Bruce Lincoln W. The Conquest of a Continent. Siberia and the Russians. New York, 1994.
76.Collins D.N. Subjugation and settlement in seventeenth and eighteenth century Siberia// The History of Siberia... P. 45.
77.Forsyth J. Op. cit. P. 109-111; Dmytryshyn B. Introduction// Russia's Conquest of Siberia, 1558-1700. Documentary record. The press of the Oregon Historical Society, 1985. P. XXXVI.
78.Forsyth J. Op. cit. P. 111.
79.Dmytryshyn B. Op. cit. P. XXXV-IXX.
80.Russia's Conquest of Siberia...
81.Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв.: общее и особенное. - Новосибирск, 2001; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв.: общее и особенное. - Вып. 2. - Новосибирск, 2002.
82.Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. - СПб., 1841-1842; Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. - СПб., 1846-1887.
83.Материалы для истории Сибири/ Сост. Г.Н. Потанин. - М., 1867.
84.См. примечание 12.
85.Полное собрание русских летописей. - Т. 36. - М., 1987.
86.Титов А. Сибирские летописи. - М., 1907.
87.Книга Большому Чертежу. - М.-Л., 1950.
88.Первое столетие сибирских городов. XVII век. Серия: История Сибири. Первоисточники. - Вып. VII. - Новосибирск, 1996.
89.Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Серия: История Сибири. Первоисточники. - Вып. IV. - Новосибирск, 1994.
90.Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря. Сборник документов. - Свердловск, 1992.
91.Верхотурские грамоты конца XVI-начала XVII в. - М., 1982.
92.Памятники Сибирской истории XVIII в. В 2 кн. - СПб., 1882-85.
93.См. примечание 83.
94.Материалы по истории Башкирской АССР. - М.-Л., 1949. - Т. III.
95.Список населенных мест Тобольской губернии. - СПб., 1871. - С. 101-109.
96.Миллер Г.Ф. История Сибири. - М.-Л., 1941. - Т. 2. Приложения.
97.Государственный архив Курганской области (ГАКО), ф. 2260.
98.Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф.

214, Сибирский приказ, кн. 535.
99.РГАДА, ф. 214, д. 100.
100.РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 261.
101.РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 434.
102.РГАДА, ф. 214, кн. 1525, 1526.
103.РГАДА, ф. 214, кн. 1587.
104.Государственный архив города Шадринска (ГАГШ), ф. 224, Далматовский Успенский монастырь, дд. 96, 120, 584, 3142, 3144.
105.ГАГШ, ф. 224, дд. 72, 154, 212.
106.Архив Академии наук в г. Санкт-Петербурге (ААН), ф. 21, оп. 4, д. 2. См. так же: РГАДА, ф. 214, д. 535.
107.РГАДА, ф. 199, «портфели Миллера», д. 481, т. 2.
108.ГАКО, ф. 245, оп. 1, дд. 1019, 1772. Подробный анализ фонда см.: Павлуцких Г.Г., Желнова А.П. Топографо-статистические материалы как источник по истории Южного Зауралья конца XVIII-первой половины XIX вв.// Историография и источниковедение...
109.ГАГШ, ф. 224, д. 3243.

ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЗАУРАЛЬЯ

2.1.ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА (ВМЕЩАЮЩИЙ ЛАНДШАФТ)

Мы уже отмечали выше, что природно-географичвские условия весьма значительно влияют на общественные отношения, поэтому необходимо рассмотреть наиболее важные характеристики природно-географической среды Зауралья.

С физико-географической точки зрения территория Зауралья расположена на одной из крупнейших равнин мира – Западно-Сибирской. Отметим отчетливую выраженность естественных границ этой равнины: на севере – береговая линия Карского моря, на юге – Тургайская Столовая страна, подножия Казвхского мелкосопочника, Алтая, Салаира и Кузнецкого Алатау, на западе – восточные предгорья Урала, на востоке – долина р. Енисей.

Зауралье находится в зоне так называемых предгорных денудационных равнин, примыкающих к Уралу, подобные же равнины имеются в предгорьях Салаирского кряжа и Кузнецкого Алатау. Данные предгорные равнины являются наиболее приподнятыми участками Звпадно-Сибирской равнины, водорвздельные учвстки плоские, с замкнутыми котловинами, западинами, в некоторых из них находятся озера **[1]**.

Как отмечают географы, на территории Западно-Сибирской равнины отчетливо выявляется геоморфологическая зональность. Имеет место и географическая зональность, она имеет ярко выраженный широтный характер по отношению ко всем компонентам природы, которые сформировались в послеледниковое врвмя: климат, почвы, растительность, водные ресурсы, животный мир. Их сочетание, взаимосвязь и взаимообусловленность создают широтные географические зоны: тундру и лесотундру, тайгу, лесостепь и степь **[2]**.

Природные зоны Западно-Сибирской равнины являются частью географических зон, простирающихся через всю территорию Евразии с запада нв восток, и сохраняют общие их черты. Но благодаря мвстным природным условиям (равнинности, широко развитым глинисто-песчаным отложениям с горизонтальным залеганием, климату с переходными чертами между умеренно континентальной Русской равниной и континентальной Сибирью, сильной заболоченности, особой истории развития территории в доледниковое и ледниковое время) зоны Западно-Сибирской низменности имеют свои особенности. Так, напри-

мер, подзона смешанных лесов Русской равнины простираются на восток только до Урала. Дубовая лесостепь Русской равнины за Урал не переходит. Для Западной Сибири характерна осиново-березовая лесостепь [3].

Зауралье является составной частью подзон лиственных лесов и лесостепи. Подзону лиственных лесов образуют в основном береза и осина, чередующиеся с травяными и сфагновыми болотами, с лугами и сосновыми лесами. Березовые и осиновые леса приурочены к дерново-подзолистым почвам, выщелоченным черноземам и солодям. На песках произрастают сосновые леса, наибольшую площадь они занимают в бассейне р. Тобол [4].

В лесостепи и степи Западно-Сибирской равнины господствуют первичные плоские слабо дренированные равнины, покрытые обширными болотами, многочисленными пресными и солеными озерами, блюдцами, широкими ложбинами и гривами. Тысячи озер занимают впадины в древних ложбинах. Питаются озера талой и дождевой водой. Для многих водоемов существенное значение имеет и грунтовое питание [5]. Озера периодически меняют свой уровень, они то усыхают, то вновь наполняются водой. За последние триста лет установлено семь полных циклов колебания уровней степных озер продолжительностью обычно от 20 до 47 лет [6].

Зональными почвами лесостепи Западной Сибири являются лугово-черноземные, выщелоченные и оподзоленные черноземы. Широко распространены солончаки, солонцы и солоди [7].

Лесостепь Западной Сибири называют березовой лесостепью. В северной части этой зоны облесенность территории составляет 45-60% [8]. Триста-двести лет назад эта доля, вероятно, была чуть больше.

В Западной Сибири выделяются четыре физико-географические области: 1. Морские и моренные равнины тундровой и лесотундровых зон. 2. Моренные и зандровые равнины лесной зоны. 3. Аллювиально-озерные и аллювиальные равнины лесной и лесостепной зон. 4. Область озерно-аллювиальных и эрозионных равнин с покровом лессовидных пород лесостепной и степной зон [9]. Зауралье относится к двум последним физико-географическим областям.

Каждая из перечисленных областей имеет внутренние морфологические, климатические и почвенно-растительные различия, а поэтому делится на физико-географические районы. Нас прежде всего интересуют два, входящих в две разные области – Уральско-Иртышская озерно-аллювиальная лесная равнина и Тобольско-Ишимская аллювиальная лесостепная и степная равнина [10]. Отметим, что территории указанных районов не полностью совпадают с границами Зауралья.

Первый район расположен между Уралом, реками Иртышом и Тоболом в бассейнах рек Тавды и Туры. Климат континентальный, средняя температура января 17-19 градусов ниже нуля, средняя температура июля составляет 17-18 градусов выше нуля. Годовое количество осадков составляет около 400-500 мм. Летом бывают засухи. Большая часть района покрыта лесами, но в южной части бассейна Туры господствуют осиново-березовые и сосновые остепненные леса на дерново-подзолистых почвах, что роднит данную территорию с лесостепными ландшафтами и делает ее пограничной по своему характеру **[11]**.

Второй район – Тоболо-Ишимская аллювиальная лесостепная и степная равнина. Она расположена между Уралом и долиной Иртыша, в бассейнах рек Тобол и Ишима. Климат континентальный, средняя температура января около 19 градусов ниже нуля, средняя температура июля 18 градусов выше нуля. Годовое количество осадков составляет 300-400 мм. Северная часть равнины покрыта березово-осиновыми и сосновыми лесами, южнее простираются луговые степи и остепненные луга с березовыми перелесками. Почвенный покров очень пестрый: преобладают черноземы выщелоченные и оподзоленные, а также лугово-черноземные почвы. Пятнами развиты солоди, солонцы и солончаки. Как видим, и эта территория обладает внутренней дифференциацией – на севере и на востоке она имеет явный пограничный характер **[12]**.

Рассмотренная нами классификация физико-географических районов отчасти совпадает с классификацией известного советского географа И.В. Комара, использованной в частности В.А. Оборины при историко-географическом анализе Урала. Он выделяет следующие природные ареалы: «северный, тавдинско-сосьвинский таежный район с холодным климатом и сильной заболоченностью, туринско-ницынский с умеренным климатом и более плодородными почвами и лесостепное Зауралье с сухим климатом и черноземными почвами» **[13]**. Любопытно, что термин «Зауралье» используется в отношении исключительно лесостепной территории. Но в любом случае нас интересует два последних района (в рамках так называемого туринско-ницынского ареала мы обращаемся к южной его части).

Важное значение в определении природных условий территории имеет ее ботанико-географическое районирование. Тем более, что, как отмечают исследователи, лесостепная зона в Зауралье отличается древностью своего существования и устойчивостью ландшафта, поэтому может рассматриваться как самостоятельная зона **[14]**. Н.И. Науменко выделяет четыре основных флористических района в рамках исследуемой территории:

Северный (подтаежный), расположен преимущественно в Исетско-Пышминском междуречье с близлежайшими территориями. Характерным является преобладание мелколиственных и сосново-березовых лесов со злаково-разнотравными мезофитными лугами.

Приисетский, переходный от подтайги к лесостепи. Растительный покров сложен мелколиственными подтаежными лесами, которые чередуются с разнотравно-злаковыми мезофитными лугами и болотами. В долине Исети расположены пойменные луга, березовые леса. На сухих местах имеются сосновые боры.

Лесостепной (центральный). Растительный покров представлен зональными мелколиственными колочными лесами в западинах и на повышенных участках рельефа, сочетающимися с остепненными лугами, луговыми степями, солончаками, солонцовыми лугами.

Степной (южный), расположенный вдоль долины р. Уй. Растительный покров представлен участками разнотравно-дерновинно-злаковых степей, чередующихся с колочными, озерными и займищно-болотными западинами. По берегам соленых озер обычны солончаки и солонцовые луга **[15]**.

Отметим, что представленная выше классификация территории касается так называемой Притобольной лесостепной ландшафтной провинции, отличной по своим характеристикам от соседней Приишимской, что дает нам основание исключить последнюю из состава Зауралья, отнеся ее к сугубо Западно-Сибирской части лесостепи **[16]**.

От анализа зональных характеристик и ландшафтного районирования перейдем к рассмотрению следующей важной природно-географической характеристики – состояние речной системы. Реки на протяжении столетий играли роль важнвйших коммуникаций, а также выступали в качестве организующих пространство той или иной территории конструкций. Таковой для Зауралья стала система реки Тобол. Отметим также, что главным первоначальным речным путем проникновения русских в Сибирь был приток Тобола река Тура со своими притоками.

Все реки данного региона протекают в рыхлых, преимущественно в четвертичных отложениях, имеют большую извилистость русла, широкие долины с хорошо выраженными поймой и террасами **[17]**.

Тобол берет начало в отрогах Южного Урала, из хребта Кара-Азыр. В верховьях русло рвки зажато скалистыми берегами. При переходе реки с гор на Западно-Сибирскую равнину в него впадают реки Аять и Убаган, что значительно его расширяет, а после впадения в него реки Уй русло его расширяется еще больше. В начале XIX в. ширина Тобола составляла от 60 до 160 м, глубина редко превышала 4 метра **[18]**.

Особенностью речной системы Тобола является то, что наиболее

крупные притоки находятся с левой стороны, что определяется пространственным расположением реки по отношению к Уральским горам, с которых и стекают подавляющее большинство левых притоков Тобола. С правой стороны количество притоков значительно меньше. Кстати, это стало одним из важнейших факторов заселения Зауралья – первоначально заселялась как раз западная часть Зауралья, по западным, левым притокам Тобола. Так называемое Затоболье (территория по восточному, правому, берегу Тобола) длительнов время оставалось явно выраженной периферией региона, входя в состав Ишимской лесостепной ландшафтной провинции **[19]**.

По правой стороне долины Тобола тянется надпойменная терраса, называемая Увалом, а левый берег пологий, как у большинства равнинных рек. Режим рек не постоянен, весной бывают весьма значительные паводки. Справа в Тобол впадают реки Суерь, Утяк, Черная, Каменка, Глядянка, Верхняя и Нижняя Алабуга, Ялым и другие. Большинство правых притоков протекают в берегах высотой до 10 метров, имеют большие падения **[20]**.

Слева в Тобол впадают реки Уй, Убаган, Куртамыш, Юргамыш, Ик, Мендерка, Исеть с крупным притоком Миассом, Тура с притоками Пышмой, Ницей и Нейвой, Тавда. Таких крупных и многоводных притоков как Исеть, Тура и Тавда с восточной стороны в Тобол не впадает. В левой половине речной долины Тобола гряды холмов сочетаются с низменностями, в которых имеется значительное количество стоячих вод. Однако наличие многочисленных озер является более характерной чертой Затоболья.

Река Исеть берет свое начало возле современного Екатеринбурга в озере Исетском и протекает до впадения в Тобол (в 22 км выше современного Ялуторовска) 800 км. Течение Исети делится на три части. В среднем ее течении от впадения Синары до Далматовского монастыря длина реки составляет около 130 км, ширина русла – от 40 до 70 метров. В нижнем течении реки от впадвния в нее Течи до Исетского острога длина составляет 380 км. В этой части Исети есть поймы, покрытые таким количеством протоков, рукавов и стариц, что очень сложно отличить главное русло от других **[21]**.

Главный приток Исети Миасс своих притоков почти не имеет. В него впадают лишь небольшие ручьи и крохотные речки, которые летом пересыхают. Но по нижнвму течению много озер и стариц. Пойма Миасса в нижнем течвнии более километра, а в некоторых местах достигает 10-12 км **[22]**.

Значение таких притоков Тобола как Тура и Тавда заключалось в том, что именно по их берегам и бврегам их притоков стали появляться

первые русские поселения в Зауралье. Они стали и первыми водными коммуникациями для тех же переселенцев.

Из всех природных условий наиболее влияющими на хозяйственную деятельность русских переселенцев стали почвенные характеристики.

Выше уже отмечалось, что значительное место занимали черноземы. В местах их распространения (в основном в Приисетье) на плодородные черноземы приходилось 45% всех почв. Лучшие из них выщелоченные, они содержат от 6% до 9% перегноя, а толщина их достигала 12 вершков **[23]**.

Солонцеватые черноземы содержат меньшее количество перегноя – от 3 до 6 вершков, и в отличие от первых в подпочве у них лежат не песок, а глина, вследствие чего они плохо пропускают влагу, и в дождливые годы это могло приводить к вымоканию посевов **[24]**.

В приречных полосах расположены аллювиальные и оподзоленные почвы. Это различные впадины, луга, лога, ровные места под увалами, между лесами, по малым рекам. Эти земли, а также земли, лежащие «на болотах и высохших озерных местах, имеют в верхнем слое своем переплетенные между собою корни растений, перемешанных с глиной, и частью песком», а в подпочве обычно лежит глина или песок с глиной **[25]**.

Наименее плодородными, или «неудобями», являлись солонцовые земли. Они содержат в своем составе большое количество солей, что делало их малоплодородными. «Грунт земли солонцов – ил, в коем имеется солонцовая пыль от 2 до 5 вершков, подпочва – глина. На них растут травы: солонечная полынь, лебеда, а также жируха, в пищу для скота негодная» **[26]**.

В период русской колонизации уральских и сибирских земель вышеперечисленной терминологией, конечно, не оперировали. Но природные условия все-таки были предметом внимания и анализа индивидуального и общественного сознания. В писцовых и дозорных книгах XVI-XVII вв. описывалось качество земли. Земля делилась на «худую», «среднюю» и «добрую».

Для лучшего уяснения общих и особенных признаков Зауралья в рассматриваемой системе природных характеристик, в частности, качества почв, обратимся к историко-сравнительному анализу. Для сравнения мы рассмотрим территорию Предуралья, тесно связанную исторически с Зауральем.

По переписи 1579-1596 гг. по Перми Великой (Чердынский, Соликамский уезды, вотчины Строгановых, Ново-Николаевская слобода) показали следующий расклад качества земли: «худая» – 3420 деся-

тин, «средняя» – 1499 десятин, «добрая» – 2923 десятины. Соответственно – 43,6%, 19,1% и 37,3% **[27]**. Преобладали «худые» земли при достаточном количестве вполне плодородных.

С восточной стороны Урала распределение земель по их качеству было следующим: в Пелымском уезде преобладала «худая» земля, лишь около Новой слободы на р. Сосьве была средняя; в Верхотурском уезде по Салде, Тагилу и Туре преобладала «добрая», но возле самого Верхотурья почвы были быстро истощены **[28]**. В целом Зауралье обладало большим, чем Предуралье, фондом плодородных земель.

По мнению В.А. Оборина, ссылающегося на И.В. Комара, «в Зауралье худая земля совпадает с подзолами и песчаными, средняя – с торфяно- и подзолисто-болотными и серыми лесными, а добрая – с выщелоченными и оподзоленными черноземами и луговочерноземными почвами» **[29]**.

Более подробный анализ почвенных условий в Зауралье был дан П.А. Словцовым. Обратимся к его описаниям, они рассматривают поуездную специфику почвенных покровов.

«Земли уезда Верхотурского состоят по большей части из каменистой, болотной и глиноизвестковой почв, средственно плодородны в южной и юго-восточной частях.

Земли уезда Ирбитского к западу болотисты и частию каменисты, к востоку глинисты, песчанисты, во многих местах черноземны и везде более или менее годны для хлебопашества.

В восточной и южно-восточной стороне уезда Екатеринбургского, несмотря на каменистые подгорья, озера, болота, вырываются места, пригодные для пашни... к стороне Багаряка и Синары.

В уездах Камышловском и Шадринском земли вообще хлебородны» **[30]**.

Это данные по уездам Пермской губернии. В Оренбургской губернии он отмечает восточную часть Челябинского уезда, где много черноземов, а вот в Троицком почва мало пригодна для хлебопашества **[31]**.

Анализируется П.А. Словцовым и состояние земель в Тобольской губернии. В Туринском уезде «лучшие земли лежат по Тавде и особенно по обеим сторонам Туры, от границы Верхотурской до слободы Усть-Ницынской... В уезде Тюменском почва черноземна, глиниста, более беловато песчаниста... В уезде Тобольском почва по правую и левую сторону Иртыша глиниста, местами болотна или сыра, редко черноземна. Земледелие около Тобольска и южнее было ничтожно» **[32]**.

Значительно более плодородны земли в южных уездах Тобольской губернии: «В уезде Ялуторовском почва глиниста, супесчаниста, местами черноземна. Хлебородные земли лежат по большей части около

речек и озер... В уезде Курганском почва песчаниста, глиниста, супесчаниста, солонцевата и местами черноземна. Природа приглашает к земледелию» **[33]**.

И еще одно, весьма красноречивое и живописное утверждение П.А. Словцова о характере природы Зауралья: «Надобно взглянуть на пространство, между Турою и Исетью заключающееся, на эту живую трапецию с плодородною почвою, с текучими водами, с красивыми берегами, с веселыми местоположениями, которые сменяются увалами или наклоненными равнинами; надобно видеть, чтобы понять, сколь много было побуждений для водворений, которые сперва, как говорится, клик кликами, а после доброю волею с запада сбегались и присепялись тихомолком» **[34]**. А П.С. Паллас отмечал «обыкновенный, толщиною часто на локоть находимый чернозем» **[35]**.

Достаточно разнообразным был и животный мир Зауралья. «Вся Исетская провинция по причине множества озер рыбой изобилует, но в оной находятся только простые роды рыб, в малых озерах ловятся по большей части одни токмо караси» **[36]**. В XVII-XVIII вв. в Исети и Миассе попадались таймень и нельма. «Осетры ловятся только в Тоболе, а стерляди заходят иногда в реку Миасс, но весьма редко» **[37]**. В Тоболе же «чебаков, пискарей и ершей есть весьма довольно» **[38]**.

Еще во второй половине XVIII в. современники наблюдали гнездящихся на зауральских озерах больших белых журавлей – стерхов. Водились дикие свиньи, волки, лисы, бобры, выдры, лоси, олени, куницы, корсаки, белки, горностаи **[39]**. В 1640-х гг. на землях будущего Далматовского монастыря жители Ирбитской и Невьянской слобод Королевы и Шипицыны промышляли рыбу, выдр и бобров **[40]**. В XVII-XVIII вв. далеко в степь заходил медведь **[41]**.

Таким образом, характер природно-географической среды, ее конкретные характеристики довольно существенно должны были определить характер хозяйственной деятельности местного населения. Территория Зауралья обладала всеми признаками так называемого «вмещающего ландшафта», так как обладала внутренним природным единством. Если до прихода русских территория могла быть использована как угодья для кочевого и полукочевого хозяйствования, то с XVII в. она стала использоваться квк преимущественно земледельческая.

2.2. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ И ВОЕННЫЙ ФАКТОРЫ

Этнополитическая и военная ситуации в регионе определялись рядом обстоятельств, важнейшим из которых стало проникновение в Зауралье русского населения со стремлением прочно здесь обосноваться. Успехи и неудачи этого стремления зависели от степени сопротивления этому движению со стороны местного населения. Поэтому важное значение в уяснении характера изучаемой ситуации имеет анализ этнической структуры населения Зауралья.

К моменту прихода русских Зауралье являлось составной частью Сибирского ханства. Ведущим, политически господствующим этносом здесь являлись сибирские татары. Как отмечает В.А. Оборин, «в XIV-XV вв. началась сначала стихийная, а затем и регулированная миграция в лесостепное и лесное Зауралье сибирских татар, осваивавших плодородные земли по Исети, Пышме, нижнему и среднему течению р. Туры» **[42]**. Помимо них с XVI в. в Зауралье появляются и казанские татары, ушедшие с родины после присоединения Казанского ханства к России при Иване Грозном **[43]**.

В северной, лесной части Зауралья проживали финно-угорские народы – ханты и манси, но их политическое влияние, прежде всего, сказывалось в более северных территориях, выходящих за пределы территориальных рамок нашего исследования.

В западной части Зауралья, то есть непосредственно прилегающей к Уральским горам, проживали башкиры, которые с середины XVII в. усиливают свой натиск на восток, приведший к столкновениям с русскими поселенцами.

С конца XVII в. в Зауралье начинают вторгаться киргиз-кайсаки (казахи), а в начвле данного века серьезным препятствием для русской колонизации стали калмыки-торгоуты, кочевавшие в южных пределах региона вплоть до XVIII в.

Специфика межэтнических взаимодействий определялась также «характером и уровнем потребностей этнического развития субъектов взаимодействия». В свою очередь «характер потребностей этнического развития детерминирован функциональными отношениями этнического коллектива с природой» **[44]**.

Мы уже отмечали, что в отечественной, прежде всего, в советской, историогрвфии прочно утвердился тезис о мирном характере присоединения Сибири к Российскому государству. Но это утверждение требует существенной корректировки (см. историографический раздел настоящего издания). Как отмечает А.Ю. Огурцов, «тормозящий эф-

фект встречного движения кочевников на южных рубежах русской колонизации в Сибири уже известен в литературе. В этом заключалась специфика освоения всех южных земель России, входящих в контактную зону с кочевым миром... Впрочем, отсутствие специальных работ, посвященных изучению характера вооруженных столкновений между русскими и коренным населением, объективно создает иллюзию бесконфликтности присоединения Сибири» **[45]**. Однако в последнее десятилетие отмеченный А.Ю. Огурцовым пробел был в определенной мере восполнен. Так, С.В. Романов считает, что главные причины конфликтных отношений русских с аборигенами заключались в следующем: «Во-первых, причины, затрагивающие материальные стороны жизни инородцев: обложение ясаком, захват земель, на которой жило автохтонное население, соперничество русских с инородцами в их традиционных промыслах и т.д. Во-вторых, причины, затрагивающие вопросы личной свободы и семейных устоев инородцев: попытка решения женского вопроса в Сибири русскими зв счет инородцев, возникновение института рабствв и т.д. В-третьих, причины, затрагиввющие духовные и мировоззренческие стороны жизни инородцев: христианизация, бугрование и т.п.» **[46]**. Признание справедливости этих утверждений или их корректировка в отношении Зауралья возможна лишь в ходе конкретно-исторического анализа.

Первым исследователем, заложившим основы концепции военного присоединения Сибири к России, был Г.Ф. Миллер, собравший значительный материал по военным столкновениям русских с вборигенами. Поэтому обратимся, прежде всего, к анализу его «Истории Сибири». Исследователь писал: «Важнейшими врагами были сыновья изгнанного хана Кучума. Сами по себе они не были сильными, однако представляли опасность, потому что татары и другие сибирские народы смотрели на них как на законных владельцев страны» **[47]**. Последнее утверждение Миллера никак не аргументировано, хотя изложение последующих событий, кровавый характер столкновений и их длительность косвенным образом подтверждают этот тезис.

«Местом пребывания их (кучумовичей. – В.М.) служила преимущественно обширная степь в верховьях рек Ишима, Иртыша и Тобола» **[48]**. В 1606 г. на этих территориях появляются калмыки-торгоуты, которые сразу же начинают участвовать в походах против русских вместе с кучумовичами. В 1607 г. калмыкам было нанесено сокрушительное поражение. Но уже в следующем году на русские поселения в Тюменском уезде совершают нападения ногайские татары **[49]**.

Следующий период ухудшения отношений с калмыками начался в 1623 г. Калмыки понесли тяжелые потери в очередных столкновениях

с монголами и испортили отношения с казахами, совершив походы на их земли **[50]**. «В 1628 г. тайша Хоорлек, теснимый монголами, джунгарами и казахами, прикочевал к рекам Тобол, Яику, Эме с 50000 кибиток и подчинил себе ногайских татар... Татары жаловались, что калмыки подошли к Тюмени «Ближе, чем на три дня пути» **[51]**. Как отмечает В.Д. Пузанов, «все Зауралье в это время стало местом калмыцких кочевий, начались грабежи ясачных татар» **[52]**. В 1628 г. русским отрядам удалось вытеснить калмыков из Зауралья, но ненадолго. Уже в 1629-1631 гг. калмыки вновь кочуют по обе стороны Тобола, совершают грабительские набеги. В 1632 г. русские войска вновь наносят поражение калмыкам при впадении Уя в Тобол, но уже через год зауральские земли опять подвергаются нападениям. Принципиально калмыцкая угроза начинает исчезать с 1640-1660-х гг., когда калмыки из Зауралья начинают уходить на восток в Джунгарию и нв запад в прикаспийские степи **[53]**.

В материалах «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера мы встречаем многочисленные свидетельства о военных столкновениях на территории всего зауральского региона на протяжении первой половины XVII в. **[54].** Из внализа этого материала явствует, что южная часть Зауралья в первой половине XVII в. хотя и входила в сферу интересов Российского государства, но еще не стала зоной активной русской колонизации. Эта территория была своего рода «буферной» зоной между освоенными районвми Зауралья и территорией основных кочевий калмыков, кучумовичей и чуть дальше – ногайских татар.

Башкиры в первой половине XVII в. практически никак себя не проявляли, по крайней мере, сообщений об этом в источниках нет. До 1660-х гг. русская администрация активно использовала башкир в борьбе с калмыками и кучумовичами в качестве своих союзников **[55]**. Это оказалось возможным благодаря тому, что башкиры продолжали владеть своими землями на вотчинных правах и пока не стремились к активной колонизации Зауралья.

Опасность для русских поселений помимо калмыков в первой половине XVII в. представляли потомки хана Кучума. Е. Вершинин задает вопрос: «Претендовали ли потомки Кучума на утраченное отцом наследство?» и дает на него ответ: «Возможно, но вот реальных сил вернуть его у них не было. Кочевые юрты отдельных царевичей редко превышали одну-две сотни мужчин. И, тем не менее, в течение полувека Кучумовичи являлись серьезным дестабилизирующим фактором на южных границах от Уфы до Томска» **[56]**. Видимо, можно согласиться с тем, что у Кучумовичей действительно не было реальных возможностей возродить Сибирское ханство. Но сам же Е. Вершинин призна-

ет, что наследники Кучума создавали серьезные препятствия для русской колонизации на довольно значительной территории **[57]**. Это, прежде всего, объяснялось тем, что царевичи могли стать консолидирующей силой всего кочевого мира, противостоящего русским в контактной зоне Зауралья, да и всей Южной Сибири в целом. «В своей антирусской политике Кучумовичи старались – и небезуспешно – использовать военные силы ногаев и калмыков. Отдельные ногайские мурзы и беки, несмотря на отдаленность кочевий, время от времени участвовали в грабительских набегах царевичей» **[58]**. В 1649-1651 гг. были совершены набеги кучумовичей и калмыков на русские поселения по р. Исеть, была сожжена Исетская пустынь (Далматовский монастырь) **[59]**. Только после построения в середине XVII в. в Зауралье крупных острогов, прежде всего, в Приисетье, а также успехов крестьянской колонизации, совершать набеги степнякам становится все труднее.

Кучумовичи все в меньшей степени воспринимаются аборигенным населением как возможные претенденты нв обладание верховной властью в Зауралье и во всей Сибири. Происходит и своеобразное «рвспыление» этого некогда могущественного клана. Некоторые из них окончательно переходят на русскую службу, другие породнились с калмыцкими тайшами и постепенно растворились в иной этнической среде.

Во второй половине XVII в. в Зауралье происходят изменения в системе межэтнических отношений. На первый план в отношениях с русскими переселенцами выходят взаимоотношения с башкирами и киргиз-кайсаками (казахами). Башкирское население начинает постепенно перемещаться на восток, начинается башкирская колонизация Зауралья. В.А. Оборин пишет: «Башкиры в XIII-XV вв. из Южного Приуралья расселялись на север, а также на восток – в лесостепное Зауралье – на верховья Уфы, Чусовой, на Исеть, Пышму и Синару. Обычно они селились на свободных землях, сохраняя скотоводческое хозяйство и редко переходили к оседлости. Началось их смешение с тюркизированным угорским и сибирским твтарским населением» **[60]**.

В середине XVI-начале XVIII в. башкиры от Чусовой, по Миассу, с верховьев Яика и Уя постепенно расселяются в крае, достигая даже территорий по Тоболу.

Различные этнические группы башкир в разнов время появлялись в Зауралье. Так, например, род сызгы, очевидно, некогда входил в родо-племенное объединение Айле. Сызгинцы пришли в Зауралье в XVI-XVII вв. и осели по р. Мивсс и ближайшим озерам. Башкиры-сарты появились в Зауралье не позже начала XVII в. **[61]**.

Еще одна этническая группа башкир Зауралья – башкир-ялан-ка-

тайцы. М.В. Мурзабулатов отмечает, что известный исследователь Р.Г. Кузеев считал их потомками улу- и бала-катайцев, пересилившихся в XVIII в. в притобольские и приуйские степи в поисках свободных земель. Это утверждение находит подтверждение в наличии общности родовых тамг бала- и ялан-катайцев и народных преданий об их переселениях. «До выхода в Зауралье, согласно устным преданиям, катайцы жили на Южном Урале, в районе нынешнего Златоуста. В Зауралье они прикочевывали ради охоты, перегоняли на лето скот; позднее они остались здесь навсегда» **[62]**.

В целом структура башкирского населения Зауралья отличалась сложностью слагающих ее компонентов. Такие этнические группы как салтюты, бекатинцы, терсяки, сызгинцы, сынряне, по крайней мере, с конца XVII или начала XVIII в. живут в подавляющем большинстве в Зауралье в значительном отдалении от основной этнической территории башкир. Другие же группы (табынцы, катайцы, айлинцы, сврты) довольно большим количеством представлены на землях к западу от Урала **[63]**.

Эти обстоятельства имели важные последствия для значительного изменения военно-политической ситуации в Зауралье вплоть до конца XVIII в. Теперь российское правительство отходит от политики покровительства в отношении башкир (хотя и не последовательно), так как калмыки вскоре перестают быть серьезным противником, а затем и откочевывают в прикаспийские степи и на восток, и потребность в союзниках отпадает сама собой. Башкиры же в это время стали вести практически полуоседлый образ жизни, и их проникновение в Зауралье начинало создавать серьезные помехи для хозяйственного освоения этой территории русскими. Возникло два встречных колонизационных потока – башкирский с запада и русский с севера.

В 1662-1664 гг. вспыхнуло первое крупное башкирское восстание. Первоначально нападению подверглись Катайский острог, Ирбитская слобода и Далматовский монастырь. Катайский острог осаждался четыре дня, но так и не был взят. Под Далматовским монастырем были сожжены все деревни, женщины и дети были уведены в плен, многие были убиты, был угнан весь домашний скот **[64]**. Тобольский воевода был вынужден послать сюда вооруженный отряд под командованием Дмитрия Полуехтова. После этого произошло некоторое затишье, но в 1663 г. боевые действия возобновляются. Следующая вспышка боевой активности пришлось на март 1664 г. Отряд Д. Полуехтова смог нанести восставшим башкирам крупное поражение.

Размах этого восстания и потенциальная опасность его определялись тем, что часть башкир признала в качестве своих сюзеренов кал-

мыцких тайшей и связанного с ними царевича Кучука (сына Аблая), что явилось, видимо, последней вспышкой активности калмыков как серьезной антирусской силы.

Но данное восстание охватило лишь часть Зауралья, прежде всего Приисетье, не распространившись дальше Мехонского острога. Это косвенно доказывает, что башкирская колонизация, по все видимости, не распространилась в это время дальше указанного рубежа. Но это касается, прежде всего, башкирского населения, поддержавшие их часть татар, и даже часть ханты-мансийского населения действовали в пределах иных территорий. Однако наибольшего размаха восстание достигло именно там, где имелось башкирское население **[65]**.

Следующие крупныв военные столкновения башкир с русскими относятся к 1665-1667 гг., в затем к 1680-1685 гг. В это время нападения совершались уже на новые слободы в Среднем Притоболье **[66]**.

Ухудшение военно-политической ситуации, связанное с началом массовых башкирских восстаний, потребовало от русских властей обратить более пристальное внимание на защиту русских поселений. В период воеводства П.И. Годунова (1667-1670 гг.) была предпринята первая попытка создать единую линию оборонительных сооружений в Зауралье. Она должна была начинаться при впадении речки Тарханки в Тобол Тарханским острогом, затем через Ялуторовский острог вверх по Исети располагались Исетский острог, Шадринская слобода, Далматовский монастырь, Катайский острог. В каждом из указанных пунктов должны были размещаться воинские силы в размере от полуроты до роты драгун **[67]**. Причем драгунские роты создавались путем перевода исетских беломестных казаков в драгуны. В этом заключалось еще одно мероприятие воеводы П.И. Годунова по усилению эффективности обороны края. У воеводы были свои оригинальные мотивы проводимой им реформы: «К осаде... драгуны рейтар и солдат к татарскому бою прибыльнее, потому что рейтар татарина догнать в поле строем не поспеет», кроме того, драгуны сочетали все преимущества конного и пешего строя, «а драгун в походе – конный, а пеш драгун – солдат же» **[68]**.

В полном объеме эта реформа П.И. Годунова не была выполнена, твм не менее, ряд мероприятий сыграли свою положительную роль в закреплении Зауралья в составе Российского государства.

Наличие постоянной военной опасности требовало от власти постоянного реагирования на эти обстоятельства, это отражалось, в частности, и в деловой документации. В большинстве наказных грамот (документов на основание слобод) имелась традиционная «формула» требования обращать постоянное внимание на безопасность. Так, в на-

казной грамоте, выданной Семену Белошейкину на основание Крутихинской слободы в 1684 г., говорилось: «... не стесняя татар ясашных, жить в той слободе от калмыцких воинских людей с бережением, чтобы не только к ней, но и под городы под слободы безвестно войною они не пришли, и дурна какова не учинили» **[69]**.

Если в 1660-80-х гг. основной зоной военных столкновений было Приисетье, то с 1680-х гг., когда русская колонизация сместилась южнее долины р. Исеть, новым объектом нападения становятся поселения в Среднем Притоболье – слободы Царево Городище, Утятская, Иковская и др. Это может также свидетельствовать и о продолжении башкирской колонизации края.

В 1690-х гг. в пределах Зауралья появляется еще один грозный соперник русских поселенцев – киргиз-кайсаки (казахи). Их кочевья подошли вплотную к русским поселениям на юге региона. Приход новых кочевников не мог не отразиться в документальных источниках, например, в летописях, в том числе в одной из самых полных – Есиповской (начало XVIII в.). Эти первые набеги запомнились русским поселенцам надолго. Так в ответах на анкету Г.Ф. Миллера в 1741 г. жители слободы Царево Городище (в частности, деревни Шкоцкой) вспоминали не только ближайшие рвзорения 30-х гг. XVIII в., но и набеги 1695 г. **[70]**.

В Есиповской летописи (позднейшей редакции) под 1691 г. сообщалось, что «... воинские люди Казачьей Орды бесермены развоевали тобольского ведомства вверх Тобола реки две слободы, Утяцкую да Камышевскую, и в тех слободах приказщика Тобольского сына боярского Спиридона Рачковского з женою и з детьми и с ним много беломестных казаков и крестьян з женами и з детьми во дворе сожгли, а иных побили, и в полон з собою увезли человек з двести» **[71]**. Аналогичные сообщения с подробностями о прямых военных столкновениях имеются в записях летописи и под 1692, и 1693 гг. **[72]**.

На рубеже XVII-XVIII вв. русская колонизация обеспечила формирование в регионе устойчивой зоны компактного проживания русского населения. Но вся первая половина XVIII в. отмечена достаточно ожесточенными столкновениями русских с башкирами и киргиз-кайсаками. Как отмечает А.Ю. Огурцов, «специфический интерес исследователей к деятельности русских земледельцев часто приводил к тому, что они не обращали внимания на уровень военной опасности. Тем самым создавалась иллюзия бесконфликтности вхождения новых народов и их территорий в состав России» **[73]**. А уровень этой опасности был все-таки высоким. Иначе бы не вооружа-

лись копьями, бердышами, огнестрельным оружием крестьяне (слобода Царево Городище) **[74]**.

В 1704-1711 гг. в Башкирии вновь вспыхнуло крупное восстание, захватившее и Зауралье. В рамках только одного 1708 года с июня по сентябрь в рамках изучаемого региона произошло 87 столкновений башкир с русскими **[75]**. С 1709 г. по 1711 г. нападению подвергались Крутихинская, Красномысская слободы, Катайский острог, Далматовский монастырь **[76]**. В 1709 г. капитан В. Томилов доносил: «Августа-де во 2 день прибежали из степи воровские люди под слободу Царево городище из-за Тобола реки и деревни Смолино и трех человек русских взяли в полон, а лошадей и рогатого скота отогнали сто пять» **[77]**.

Отмечены военными столкновениями и 1720-е гг., а в мае-июне 1736 г. нападения башкир приняли массовый характер. Вооруженный конфликт охватил территорию полосой от Среднего Притоболья до верховьев р. Исеть. Эти набеги также упоминались в ответах на анкету Г.Ф. Миллера. Причем, практически все деревни слободы Царево Городище подверглись разорению именно в эти годы **[78]**.

Военные конфликты продолжался и в последующие годы. «Майор Павлуцкий с командою близ Кислянского села башкирцев побили 1737 года июня 8 дня» **[79]**. Более масштабные столкновения были в Утятской слободе – нападавшими башкирами было угнано 1026 голов скота. В этом же году башкирские предводители Бекень и Мандар с двухтысячным отрядом направились к Катайскому острогу и сожгли десять деревень. В 1740 г. были совершены нападения на притобольные слободы – Верх-Суерскую и Утятскую **[80]**, таким образом, практически все Среднее Притоболье было охвачено военным противостоянием русских и башкир.

Активизация военного противостояния башкирского населения была прежде всего связана в это время с ущемлением вотчинных прав башкир на свои земли в связи с активным горнозаводским строительством на Урале. Это вызвало в свою очередь усиление колонизационного натиска башкирского населения на территорию Зауралья. Теперь, в отличие от XVII в., башкирские набеги вплотную охватывают и Притоболье. Вопрос о владении землей стал одним из центральных в XVIII в., он был одним из главных мотивов башкирских восстаний. Так, в мае 1709 г. во время нападения на Крутихинскую слободу один из предводителей восставших подъезжал к стенам острога и кричал русским: «То де все нвша земля Башкирская» **[81]**.

Необходимо отметить еще одно важное обстоятельство, которое неизбежно должно было приводить к конфликту двух сторон в межэтнических взаимодействиях. Это различное понимание одних и тех же

терминов, прежде всего, касающиеся властных отношений, что было связано с разным уровнем политической культуры. «Стремление подойти к коренным народам Сибири с мерками русского общества XVII в., непонимание особого менталитета туземцев было, пожалуй, слабой стороной... системы взаимоотношений представителей российской государственности с сибирскими автохтонами» **[82]**. Р.Г. Кузеев отмечает, что «разное понимание характерв присоединения со стороны царского правительства (подданство) и со стороны башкир («свободный вассалитет») стало центральным моментом дальнейшего взаимодействия двух сторон» **[83]**. Это как раз и приводило к периодическому нарушению политического равновесия. В целом в XVII в., по словам того же Р.Г. Кузеева, в отношении башкирского населения «Москва осуществляла своеобразный российский вариант политики функционализма (активно используя местные родоплеменные структуры, влияние элит и т.д.)». Но уже с XVIII в. «политика России... круто меняется в сторону прямого, военного осуществления целей социально-политической интеграции» **[84]**. Это изменение стало одной из причин обострения русско-башкирских отношений и их большего ожесточения.

Несмотря на безусловные успехи русской колонизации края в первой половине XVIII в., русской администрации так и не удалось создать мирные условия жизни в регионе. Зауралье оставалось зоной постоянных столкновений с башкирским и киргиз-кайсацким населением. Все это требовало более эффективных действий. Таковыми стали действия по наращиванию воинских ресурсов в регионе. Одну из центральных ролей в этом деле сыграл в середине XVIII в. расквартированный в зауральских слободах и острогах Сибирский драгунский полк под командованием Я.С. Павлуцкого.

Несколько слов об этом человеке. Вот некоторые выдержки из послужного списка Якова Павлуцкого (1748 г.): «А определен из дворян в капитаны в Сибирский гарнизонный драгунский полк, в котором и поныне служит, и бывал во многих партиях и на боях против неприятелей... Да того ж 736 г. командирован был легкою партию обще с подполковником Миклашевским за воровскими башкирцами, кои немалым собранием приходили под Царев Курган, и оных догнав верстах во 100, чинили сильное сражение, при котором их воров побили и лошадей из под тех воров отбили немалое число... В 740 г. побито командою Павлуцкого 1830 человек (башкир. – В.М.), да в полон взято 1450 человек, из того числа, на страх прочим ворам повешено 183 человека; отбито лошадей, коров и овец довольное число, и немалое число деревень сожжено воровских разных волостей 82, в них 689 дворов» **[85]**.

Данный документ наглядно и весьма убедительно показывает оже-

сточенность русско-башкирского конфликта. Страдали не только русские поселенцы, периодически подвергавшиеся набегам, убиваемые и угоняемые в Среднюю Азию для продажи в рабство. Не менее жесткими были ответные меры русских властей. Как видно из приведенного нами документа, воинские команды не только преследовали нападавших, но и совершали карательные походы против мирного населения – «немалое число деревень сожжено», а из 1450 взятых в плен в 1740 г. 183 человека было повешено, причем как мера устрашения, а не в качестве справедливой меры наказания. Справедливости ради отметим, что подобное ожесточение в данных конфликтах – явление для того времени вполне обыденное. Понятие толерантности есть продукт современного общества, мы должны понимать наших предков, но не судить их с позиций современных норм морали. Поэтому и Яков Павлуцкий, и предводители восставших башкир в равной степени были ответственны за жестокости, творимые в ходе военных столкновений.

Но вернемся к русским военным ресурсам Зауралья. В 1744 г. в Царевом Городище, форпостах Утятском, Иковском, Верх-Суерском, Емуртлинском и Усть-Суерском располагалось 1351 человек воинской команды и имелось 38 пушек. Еще в десяти степных пунктах были размещены 803 человека. Таким образом, общее число профессиональных военных составило 2154 человека **[86]**.

Одной из косвенных характеристик состояния военно-политического положения в регионе является доля военных в совокупном населении края. По данным Г.Ф. Миллера в 1741 г. в слободе Царево Городище из 937 дворов драгунам принадлежали 373 **[87]**, то есть почти 40%. Рассмотрим, как этот показатель распределялся по отдельным деревням слободы. В деревне Шевелевой все 17 дворов были драгунскими, в д. Курганской из 31 двора драгунских было 11, в д. Смолиной – из 89 драгунских всего 18, в д. Красильниковой – 13 драгунских дворов из 22, в д. Малой Чеусовой – из 15 дворов 6 драгунских **[88]**. По деревням интересующий нас показатель имел довольно значительную вариативность – от 100% до 20%.

Подобные вычисления для сравнения мы можем сделать и в отношении данных 1710 г. **[89]**. В слободе Царево Городище военнослужилому населению принадлежало 30,2% дворов, сравнимый уровень имелся только еще в двух слободах Среднего Притоболья – Суерской (32,3%) и Иковской (20,8%). Как видно из приведенных выше данных, доля военного населения за более чем тридцатилетний период в среднем повысилась. Это, прежде всего, касается важнейшего в военном отношении населенного пункта – Царева Городища. Не случайно, что именно он стал основной базой Сибирского драгунского полка.

Отметим также, что в данных 1710 г. было учтено все военнослужилое население, не только драгуны, но представители других категорий, например, пушкари. Таким образом, реальное увеличение доли военных, вероятно, было более значительным, чем это представляется при первичном рассмотрении (хотя, возможно, некоторые представители категорий военного населения могли быть переведены в драгуны). Тем не менее, увеличение доли военного населения является неоспоримым фактом.

Однако какими бы крупными ни были профессиональные воинские формирования, большинство населения в Зауралье составляло крестьянство. В отечественной историографии уже давно закрепилось устойчивое выражение «мирная крестьянская колонизация». Хотя с точки зрения функциональных целей этой части русской колонизации деятельность крестьян-переселенцев по освоению территорий, безусловно, являлась мирной деятельностью, но повседневная жизнь на так называемом «фронтире», в зоне постоянных конфликтов, неизбежно накладывала отпечаток, причем далеко «не мирный», на образ жизни русских крестьян в Зауралье. Крестьяне не только пассивно оборонялись от набегов, но и с оружием в руках активно добивались права на освоение и заселение новых земель.

Е.В. Вершинин приводит краткую хронику событий периода башкирского восстания 1662-1664 гг. Вот некоторые выдержки: «26 апреля. Ездили на свою старую разоренную заимку 7 крестьян. Наехали на них 20 татар, случился бой, 4-х крестьян убили, а 3 прибежали в Невьянский острог... 8 мая. Прибежали в Ирбитскую слободу крестьянин В. Михеев, привез убитого сына Никиту. Был сын в лесу, дрова сек, когда наехали на него трое татар... 11 мая. Наехали татары на трех ирбитских крестьян, начали их стрелять. Двое крестьян были на конях, но без оружия, и они от тех татар убежали в деревню. А Сергушка Суслов был с луком, без лошади, и он, бегучи, от татар отстреливался и, ранен, забежал в болото. В ту же пору набежали из деревни крестьяне, выручили его... 15 июня. Приехали в деревню к В. Завьялову 10 человек татар и сожгли 4 двора. А люди той деревни сбежались в один двор и сидят в осаде...» **[90].**

В связи с этим имеет смысл вновь поднять вопрос о характере русской колонизации Сибири. Исследовательница Е.А. Ерохина отмечает: «Говоря о взаимодействии русской старожильческой и традиционных культур народов Сибири, следует подчеркнуть комплиментарный характер их взаимоотношений» **[91]**. С общей теоретической точки зрения это утверждение возможно и верно, имея в виду то, что и русская крестьянская, и аборигенная культуры типологически находились

в рамках традиционной культуры. Однако, как видно из источников, в XVII-XVIII вв. комплиментарность в русско-аборигенных отношениях, по крайней мере в Зауралье, проявлялась весьма слабо.

Такая двойственность положения – необходимость постоянно быть готовым к неприятельскому нападению и вести свое хозяйство - формировала и особую психологию зауральского крестьянства, и повседневный быт, и даже породило особую, специфическую социальную категорию – беломестное казачество (но об этом будет сказано отдельно). Это обстоятельство усугублялось и противоречивостью государственной политики в процессе присоединения новых земель. Новосибирский исследователь А.С. Зуев довольно определенно пишет об этом: «... сделав ставку в деле присоединения новых земель и народов на максимальное извлечение с них прибыли, Московское государство рассматривало иноземцев только как потенциальных плательщиков ясака. И это обстоятельство привело к принципиальному противоречию в конкретной политике и тактике правительства и его агентов на местах. С одной стороны, государство постоянно провозглашало миролюбивое и покровительственное отношение к аборигенам, пытаясь оградить их от злоупотреблений и лихоимств, к которым прибегали местная администрация и служилые люди. Но, с другой стороны, оно же требовало безусловного объясачивания иноземцев, рекомендуя воеводам и приказчикам использовать для этого любые способы и меры вплоть до силовых». И далее А.С. Зуев делает окончательный вывод: «В результате заложенный в правительственной установке приоритет «ласки» над «жесточью» на практике воплощался, как правило, с точностью до наоборот, а провозглашаемая охранительная патерналистски-прагматическая политика государства на этапе присоединения новых территорий превращалась в пустую декларацию и даже фикцию» **[92]**.

Однако столь категоричные утверждения А.С. Зуева при обращении к конкретно-историческому материалу приобретают скорее относительный, чем абсолютный характер. В 1729 г. крестьянин Крутихинской слободы Степан Ильич Кузнецов обратился с прошением к императору Петру II, в котором в частности отмечал: «А в прошлые годы, будет лет з двадцать, оныя татары и башкирцы своевольством своим тамошнего краю россиян селы и деревни... воевали и церкви божии жгли и людей русских многое число вырубили, а других в полон брали и продовали во оные калмыки, в Казачью Орду, чего от них и впредь весьма мы жить опасны, понеже место то стало быть на рубеже. Да оные башкирцы владеют и безоброчно рыбными озерными ловлями с угодьями и отдают многим на кортому, в чем получают себе корысть немалую,

от чего Вашему Императорскому Величиству интересу немалая трата. А в тех местах для осторожности и охранения в близости крепости не имеетца, и для лутчего смотрения и распространения во оной Сибирской стране близь оного Каменя Урала надлежит быть крепости и к той крепости для поселения вновь сколько надлежит в переведенцы дворов, а в близи того места Каменя Урала у Чебаркуля озера имеют жительство Далматова монастыря крестьяне» **[93]**.

В этом прошении крестьянина Кузнецова мы не видим ни комплиментарности в отношении к аборигенам, ни проявления толерантности русской традиционной культуры. Существует устойчивое представление о пограничном положении родных для крестьянина мест – Крутихинская слобода («... место то стало быть на рубеже»), а это ведь Приисетье, которое стало заселяться еще в XVII в. Строительство же крепости у озера Чебаркуля являлось бы выдвинутым в сторону башкирских земель форпостом, призванным быть устрашением для местного населения. Вроде бы этот документ подтверждает утверждения А.С. Зуева. Но весьма интересна реакция властей на это прошение крестьянина. Его рассматривал Сенат, в решении было отмечено, что «в том ему, Кузнецову, отказать для того: ежели в том месте построить крепость, то могут иноверцы, с которыми велено поступать ласкою, причитать к себе в озлобление, к том ж не безопасно есть в селении слобод, что будут принимать беглых, а за дальностию туда помещикам ездить и сыскивать будет не мочно» **[94]**.

Как выясняется, поступать с иноверцами «ласкою» было не пустым словом, не фикцией. Власти не посчитали возможным строить новую крепость, хотя конфликтность в межэтнических отношениях в этом регионе оставалась достаточно высокой, и она (крепость) могла бы усилить военное присутствие русских в крае, но это привело бы к недовольству со стороны башкирского населения. Конечно, в этом решении Сената преобладали прагматические интересы, в том числе корпоративные экономические интересы дворянства. Но в любом случае историческая реальность регионального масштаба оказывается более многообразной и неоднозначной, чем категорические и, порою, односложные оценки общего характера российской политики.

Сохранение военной опасности в первой половине XVIII в. продолжало требовать от крестьян быть готовыми к военным опасностям «фронтирной» (пограничной) жизни. Русская администрация специально обращала внимание на необходимость крестьянскому населению быть готовым к участию в боевых действиях. Так, в Указе от 24 августа 1723 г. говорилось: «... чтобы во всех Тобольского уезду острогах и слободах всякого чина людей от внезапного приходу воинских людей Каза-

чьи Орды и Башкирцов жили с великим опасением и осторожностью и ко обороне имели ружье, как огненное, так и острое...» **[95]**.

Чреватая постоянной военной опасностью повседневная жизнь русских поселенцев заставляла крестьян самим, без специальных рвшений администрации, обзаводиться собственным оружием. Так, в отписке тобольских воевод от 27 июня 1709 г. читаем: «... апреля де в 26 день под Пещанскую слободу пришли башкирцы и отогнали скот с поскотины. И крестьяне той же Пещанской слободы, 34 человека с ружьвм бегали за теми Башкирцами в погоню и нагнав с ними бились, и под Уракаем подстрелили лошадь, а скот отбили» **[96]**. В другом сообщении от 7 июня того же года сообщалось о том, что башкиры, придя в деревню Ключевскую Далматовской вотчины, взяли в полон людей и отогнали скот. Далее: «И они де полуполковник и майор с капитаны и с драгунами и со крестьяны, всего сот с пять и больши, за теми воровскими людьми гонялись в погоню, и нвстигли на дороге» **[97]**.

Как видим, порою крестьяне весьма активно участвовали в военных столкновениях с башкирвми и киргиз-кайсаками. Они не только пассивно оборонялись, но и принимали участие пусть и в небольших, но активных преследованиях неприятеля вмвств с военными.

В 1748-1749 гг. командующий сибирскими войсками генерал Киндерман, выясняя воинские ресурсы Западной Сибири, приказал в первую очередь переписать крестьянсков мужское население в возрасте от 16 до 50 лет, количество дворов в селениях, а также наличное огнестрельное оружие, имевшееся у крестьян. Данная перепись как раз интересна тем, что дает содержательную информацию о постоянной готовности крестьян к военному отпору.

По данным этой переписи, крестьяне имели слвдующее количество огнестрельного оружия: Тебеняцкая слобода – 32 единицы, Солтосарайская – 16 единиц, Иковская – 106 единиц, Царево Городище – 154 единицы, Утятская – 123 единицы, Белозерская – 93 единицы, Верх-Суерская – 56 единиц, Усть-Суерская – 117 единиц. Таким образом, в восьми зауральских слободах у крестьян имелось 697 стволов огнестрельного оружия **[98]**. Обращает на себя внимание разнообразие этого оружия. Здесь и самопалы, и так называемые «турки», фузеи и глади, мушкеты и даже пистолеты. Так в деревне Чекалина Иковской слободы Григорий Губин имел одну единицу огнестрельного оружия, Иван Курбатов – три единицы, Семен Замятин – одну единицу, Яков Курбатов – одну единицу; двревни Кошкиной той же слободы крестьянин Мартемьян Гусев имел одну единицу огнестрельного оружия, Степан Кривоносов – одну единицу, Иван Зверев – одну; деревни Говорухиной той же слободы крестьянин Владимир Щекин имел одну единицу

огнестрельного оружия, Яков Щекин – одну, Иван Боботков – одну, Василий Боботков – одну, Егор Лушников – одну. Наконец, деревни Бакланской той же Иковской слободы крестьянин Иван Демин имел одну фузею, один карвбин, два пистолета **[99]**.

Постоянная военная опасность также заставляла жителей укреплять свои населенные пункты. По данным 1749-1750 гг. укрепления имели следующие населенные пункты: Ялуторовский острог, Суерский острог, Верх-Суерская слобода, Усть-Суерская слобода, село Шмаковское, Белозерская слобода, Тебеняцкая слобода, Солтосарайская слобода, Иковская слобода, деревни Бакланская, Чунеева, Варлакова, слобода Царево Городище, село Введенское, Утятская слобода, слобода Абацкая, деревни Менщикова, Предеина **[100]**. «Укрепления главным образом состояли из рогаток и надолбов... Стены вокруг селений были или лежачие или стоячие, по преимуществу первые, то есть бревна, положенные горизонтально» **[101]**. Как видим, укрепления имелись не только в острогах и административных центрах той или иной территории, но и в обыкновенных деревнях.

Как уже отмечалось выше, в XVIII в. все большую опасность для русских поселений в Зауралье стали создавать набеги киргиз-кайсаков (казахов). Если борьба с башкирскими восстаниями шла путем военного подавления восставших фактически внутри границ Российского государства, то борьба с киргиз-кайсаками носила характер пригравничных конфликтов, так как южнее линии р. Уй к середине и даже к 80-м гг. XVIII в. русских поселений практически не было.

Однвко известно, что территория Северного Казахстана, объединенная под властью Младшего Казахского жуза, формально вошла в состав России в 1731 г. В советской историографии это событие рассматривалось как «результат дальновидной политики хана Абулхаира, сумевшего раньше других понять, что устранить угрозу со стороны Джунгарии, а также Цинской империи... можно лишь с помощью России в условиях включения, в первую очередь, Младшего жуза в состав России» **[102]**. Но набеги киргиз-кайсаков продолжались на протяжении практически всего XVIII в. и после вхождения Северного Казахстана в состав Российской империи, поэтому приведенное выше суждение не объясняет причин продолжавшихся набегов.

Видимо, решение Абулхаира было продиктовано иными целями. Как отмечает К.К. Абуев, «желание Абулхаира принять российское поддвнство было связано главным образом с его личными интересами» **[103]**. Постараемся выяснить их. Причины, по всей видимости, связаны с внутриполитической ситуацией, царившей в казахском обществе. К началу 1730-х гг. власть в Младшем Казахском жузе захватил представитель

младшей ханской династии Осека Абулхаир. Но власть его не была авторитетной, так как его приход к власти прерывал традиционное престолонаследие. Возникла серьезная оппозиция в лице султанов Батыра и Барака, потомков старшей династии Жадига **[104]**. «С помощью русского императора Абулхаир надеялся укрепить свою власть, а, возможно, даже стать общеказвхским ханом» **[105]**.

Политическая нестабильность, вероятно, и заставила Абулхаира обратиться к Анне Иоанновне с прошением о вхождении Северного Казахстана в состав Российской империи. Но фактически Абулхаир не контролировал своих подданных, а контроль со стороны русской администрации практически отсутствовал.

Немаловажное значение в сохранении практики военных набегов имело и указанное нами выше разное понимание характера присоединения. Характерное и для башкир в XVI-XVII вв., и для казахов в XVIII в. понимание отношений с русской влвстью как «свободный вассалитет» приводило к весьма «свободному» поведению кочевников, периодически позволявших себе совершать грабительские набеги на русские поселения. Это отразилось также и в системе взаимоотношений казахских ханов с русскими властями. Так Абулхаир, а после его смерти Нуралы приезжали в Оренбург через каждые два-три года, периодически подтверждая свое подданство **[106]**, а в промежутках между этими событиями позволяли смотреть «сквозь пальцы» на акты агрессии своего батырства против русских.

В 1740 г. произошло также формальное вхождение Среднего жуза в состав России. Но это событие тоже не привело к снижению военной напряженности на юге зауральского края. Хан Абылвй, осуществивший это, в отличие от Абулхаира, лишь однажды прибыл в русский город (Оренбург). «В последующие 40 лет жизни хан Абылай, несмотря на неоднократные приглашения властей, ни разу ни в Оренбург, ни в какой-либо другой русский город не приезжал, усматривая в этом ограничение своего суверенитета» **[107]**. Последнее утверждение современного казахстанского исследователя К.К. Абуева весьма красноречиво. Сами казахские правители не хотели полного подчинения. Видимо, совершение походов на русские поселения было для правителей Младшего и Среднего жузов своеобразным подтверждением их политической самостоятельности.

Русская администрация не могла смириться с наличием постоянной военной угрозы по всему югу Сибири, понимая заключенные соглашения с казахскими правителями как отношения подданства. Поэтому борьба с агрессивными действиями казахского батырства до построения пограничной линии сводилась к мерам, изложенным

в Указе от 6 ноября 1749 г.: «... если казахские батыры уведут людей, угонят скот или совершат грабежи, то в таком случае нужно писать хану с требованием возвращения людей и скота с возмещением убытков. Если же поблизости нет хана, то можно принять ответные меры» **[108]**.

Только строительство пограничных линий могло как-то сдержать натиск кочевников. В условиях лесостепи это стало достаточно эффективной мерой обороны. Эти линии состояли из целого ряда крепостей и укрепленных населенных пунктов, как это в свое время планировал тобольский воевода П.И. Годунов в Приисетье. В XVIII в. правительство продолжает политику строительства пограничных линий в Зауралье, но теперь они проходили южнее. Еще в 1739-1740 гг. В.Н. Татищев предлагал соорудить погрвничную линию: «... чтоб линию вверх по Яику до Верхояицкой пристани, в оттоль по реке Ую до Царева Городища... на оной поселить гарнизонныв и ландмилицкие полки» **[109]**. В 1740-е гг. эта линия, получившая название Уйская, стала строиться.

Важнейшее значение в снижении уровня военной опасности в Зауралье имела так называемая Пресногорьковская сторожевая линия. Из сообщвний середины XVIII в. узнаем: «Еще до царствования Императрицы Елизаветы Петровны предлагалось соединить линию Иртышских крепостей с линией Оренбургского ведомства через степь, лежащую между реками Иртышем и Тоболом. Было представлено в Сенат два проекта. По проекту подполковника Кутузова предполагалось сократить линию от слободы Чернолуцкой Омского округа до форпоста Утятского Курганского округв в 426 верст, вместо 985 верст прежних. Но Киндерман, командовавший в то время войсками на границе, согласно с проектом географа Шишкова, предлагал вытянуть линию к Тоболу еще прямее, именно на урочище Звериная Голова. Был принят последний вариант. Предполагалось возвести 2 шестиугольные и 4 четырвхугольные крепости с несколькими редутами, но при окончатепьном устройстве в 1758 г. явипось 16 крепостей с 16 редутами. Центральной была Петропавловская крепость, от нее к Омску было 4 крепости (Полуденная, Лебяжья, Николаевская, Покровская с 9 редутами), на запад шли 6 крепостей (Скопинская, Становая, Пресновская, Кабанья, Пресногорьковская, Звериноголовская с 10 редутами)» **[110]**. Именно эта конфигурация данной пограничной линии позволило поставить под контроль знвчительную территорию Затоболья. Соединение двух линий в районе крепости Звериноголовской также способствовало укреплению безопасности новых крес-

тьянских поселений в районе Куртамышской, Каминской и Таловской слобод.

Пограничные линии строились по всей границе Российского государства на Южном Урале и в Сибири. В 1740-х гг. по приказу оренбургского губернатора И. Неплюева форсировалось строительство Уйской, Ново-Ишимской и Иртышской линий. Ко второй половине 1740-х гг. только в Оренбургской линии уже насчитывалось 28 крепостей, 36 редутов, 3 казачьи станицы и одна слобода. В 1750-е гг. завершилось строительство 11 крепостей, 33-х редутов и 42 маяков в Ново-Ишимской линии. На 920 верст протянулась Иртышская линия. Общая протяженность указанных линий составляла 3976 верст, где во второй половине XVIII в. были возведены более 200 военных крепостей, редутов и казачьих станиц **[111]**.

Однако в последнее время в ряде исследований современных казахстанских историков указанные меры русской администрации рассматриваются как проявление активной колониальной политики, например, в работах К.К. Абуева **[112]**. Но наш анализ показывает, что подобная оценка является все-таки односторонней. Нисколько не сомневаясь в колониальных устремлениях российской политики в указанное время, мы должны видеть и вынужденность строительства подобных пограничных линий. Смеем предположить, что в отсутствие постоянных набегов казахов на русские поселения в Зауралье российские власти навряд ли стали бы затевать столь дорогостоящие проекты. Другое дело, что и строительство русских поселений в степи и лесостепи могло рассматриваться казахами как посягательство на свои жизненные интересы. Поэтому в очередной раз мы убеждаемся в том, что исторической реальности наиболее адекватно соответствуют неоднозначные, более сложные, порою более противоречивые, оценки и суждения.

Но даже после строительства Пресногорьковской сторожевой линии набеги продолжались. Это потребовало принятия еще одного Указа от 18 июня 1760 г.: «При случаях происходящих от киргиз-кайсак при здешних местах продерзостей, чтоб оные злодеи без отмщения не оставались, отправлять до самых их улусов немалолюдные команды и через оных людям и скоту делать захват» **[113]**.

Только к 1780-м гг. произошла военно-политическая стабилизация в Зауралье. С этого времени начинается процесс исключительно мирного развития региона, не отягощенного военной опасностью извне или наличием внутренней этнополитической опасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.Давыдова М.И., Каменский А.И., Неклюкова Н.П., Тушинский Г.К. Физическая география СССР. - М., 1966. - С. 450.
2.Там же. С. 462.
3.Там же.
4.Там же. С. 469.
5.Там же. С. 470.
6.Там же. С. 471; Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария// Записки Географического общества СССР. - М.-Л., 1957. - Т. 16.
7.Давыдова М.И. и др. Указ. соч. С. 473.
8.Там же.
9.Там же. С. 476.
10.Там же. С. 481-482, 484-485.
11.Там же. С. 481-482.
12.Там же. С. 484-485.
13.Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI-начале XVII века. - Иркутск, 1990. - С. 27; Комар И.В. Урал. Экономико-географическая характеристика. - М., 1959. - С. 71-74.
14. Науменко Н.И. Ботанико-географические границы в лесостепном Зауралье// Вопросы экологии Зауралья. Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник. - Вып. 12. - Курган, 1995. - С. 142.
15. Там же. С. 143-144.
16. Советский Союз. Урал. Географическое описание. - М., 1969. - С. 68.
17. Давыдова М.И. и др. Указ. соч. С. 455.
18. История Курганской области (с древнейших времен до 1861 г.). - Курган, 1995. - Т. 1. - С. 196.
19.Советский Союз. Урал. Географическое описание. С. 68.
20. История Курганской области. Т. 1. С. 196.
21.Там же. С. 197.
22.Там же. С. 198.
23. Там же. С. 199.
24.Там же.
25. Там же; ГАКО, ф. 245, оп. 1, д. 1019, 1772.
26.Там же.
27. Оборин В.А. Указ. соч. С. 31.
28. Там же. С. 30.
29. Там же. С. 31; Комар И.В. Указ. соч. С. 57-59.

30. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. - Новосибирск, 1995. - С. 471-472.
31. Там же. С. 473.
32. Там же. С. 475-476.
33. Там же. С. 477-478.
34. Там же. С. 104.
35. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. - СПб., 1786. Ч. 1. Кн. 2. - С. 14-15. См. твкже: Колтышев А.Ф. П.С. Паллас и Зауралье// Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. - Вып. 1. - Курган, 1990. - С. 87.
36. Паллас П.С. Указ. соч. С. 15.
37. Там же.
38. Там же. С. 43.
39. Там же; Колтышев А.Ф. Указ. соч. С. 87.
40. Паллас П.С. Указ. соч. С. 14; Плотников Г.С. Описание мужского Далматовского Успенского общежительного монастыря. - Екатеринбург, 1906. С. 25.
41. Давыдова М.И. Указ. соч. С. 475; Кириков С.В. Исторические изменения животного мира нашей страны в XIII-XIX вв.// Изв. АН СССР, серия географическая. - 1955. - №1.
42. Оборин В.А. Указ. соч. С. 59.
43. История Курганской области. Т. 1. С. 103.
44. Ерохина Е.А. Народы Сибири: к вопросу о специфике межэтнических взаимодействий// Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. - Вып. 1: Культурный космос Евразии. - Новосибирск, 1999. С. 142-145 или «Сибирская заимка». - 2001. - №3/ / www.zaimka.ru
45. Огурцов А.Ю. Особенности русско-башкирского территориального спора в конце XVII века// Проблемы истории Сибири: общее и особенное. Сборник научных трудов. - Новосибирск, 1990. - С. 31.
46. Романов С.В. К вопросу о характере взаимоотношений русского и аборигенного населения в XVII-первой половине XVIII вв./ / Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII-начале XX вв.: Сборник научных трудов. - Кемерово, 1997. - С. 85.
47. Миллер Г.Ф. История Сибири. В 2 т. - М.-Л., 1941. - Т. 2. - С. 26.
48. Там же.
49. Там же. С. 31.
50. Там же. С. 96.
51. Пузанов В.Д. К проблеме контактов русских и кочевников первой половины XVII века в Южном Зауралье// Урал в прошлом и

настоящем. Материалы научной конференции: В 2 ч. - Екатеринбург, 1998. - Ч. 1. - С. 328.
52. Там же.
53. Там же. С. 328-329.
54. Миллер Г.Ф. История Сибири. Приложения.
55. Рахматуллин У.Х. Крестьянское заселение Башкирии в XVII-XVIII вв.// Крестьянство и крестьянские движения в Башкирии в XVII-начале XX вв. Сборник научных трудов. - Уфа, 1981. - С. 10.
56. Вершинин Е.В. Неверность «бродячих царевичей». Зауральское степное пограничье в XVII веке// Родина. - 1998. - №1.
57. Там же.
58. Там же.
59. Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. В 2 ч. - Челябинск, 1966. - Ч. 1. - С. 88.
60. Оборин В.А. Указ. соч. С. 60-61.
61. Мурзабулатов М.В. Зауральские башкиры в XIX-начале XX веков// Урал в прошлом и настоящем. С. 182.
62. Там же. С. 179.
63. Там же. С. 183.
64. Кондрашенков А.А. Указ. соч. С. 89-90.
85. Акманов И.Г. Восстание 1662-1664 гг. – первое массовое движение в Башкирии// Крестьянство и крестьянские движения... С. 55, 61.
68. Кондрашенков А.А. Указ. соч. С. 92.
67. Бахрушин С.В. Научные труды: В 4 т. - М., 1955. - Т. 3. - С. 278.
68. Там же.
69. ГАГШ, ф. 224, д. 3243, л. 168об.
70. РГАДА, ф. 199, д. 481, т. 2, л. 243-253.
71. ПСРЛ. Т. 38. - М., 1987. - С. 104.
72. Там же.
73. Огурцов А.Ю. Вовнно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: Авторефврат дис... канд. ист. наук. - Свердловск, 1990. - С. 8.
74. Абрамов Н. Слобода Царево Городище// Тобольские губернские ведомости. - 1860. - №5.
75. Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика... С. 8.
76. Кондрашенков А.А. Указ. соч. С. 92-93.
77. Там же.
78. РГАДА, ф. 199, д. 481, т. 2, л. 243-253.
79. ГАГШ, ф. 224, д. 3243, л. 31об.
80. Кондрашенков А.А. Уквз. соч. С. 107.

81. Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1. - СПб., 1882. - С. 344.
82. Демин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. - СПб.; Барнаул, 1995. - С. 107.
83. Кузеев Р.Г. Особенности присоединения Башкирии к Русскому государству// Урал в прошлом и настоящем. - С. 268.
84. Там же.
85. Материалы для истории Сибири/ Сост. Г.Н. Потанин. - М., 1867. - С. 1-5.
86. Там же. С. 17.
87. РГАДА, ф. 199, д. 481, т. 2, л. 243-253.
88. Там же.
89. РГАДА, ф. 214, кн. 1526.
90. Вершинин Е.В. Указ. соч.
91. Ерохина Е.А. Указ. соч.
92. Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.)// Вестник НГУ. Серия: История, филология. - Т. 1. Вып. 3.: История. - Новосибирск, 2002. - С. 14-24 или «Сибирская заимка». - 2002. - №7// www.zaimka.ru.
93. Материалы по истории Башкирской АССР. - М.-Л., 1949. - Т. III. - С. 487-489.
94. Там же.
95. Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 2. - СПб., 1885. - С. 421.
96. Памятники Сибирской истории... Кн. 1. - С. 378.
97. Там же. С. 384.
98. ГАКО, ф. 2260, оп. 1, д. 97.
99. Там же, л. 91-92, 95об.
100. Список населенных мест Тобольской губернии. - СПб., 1871. - С. 52-53.
101. Там же.
102. История Казахстана. - Алма-Ата, 1979. - Т. 3. - С. 35.
103. Абуев К.К. Деятельность хана Абылая по объединению казахских земель и развитию казахско-российских отношений: Автореферат дис... д-ра ист. наук. - Омск, 2002. - С. 32.
104. Сабырханов А. Исторические предпосылки ликвидации ханской власти в Казахстане// Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). - Алма-Ата, 1981. - С. 151.
105. Абуев К.К. Указ. соч. С. 32.
106. Там же. С. 34.
107. Там же.
108. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII-начале XX

века. - Алма-Ата, 1971. - С. 273.
109.Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). - Оренбург, 1896. - С. 42.
110.Список населенных мест... - С. 84.
111.Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII-начале XIX вв. - М., 1960. - С. 123; Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. - М., 1994. - С. 240.
112.Абуев К.К. Указ. соч. С. 33; он же. Хан Абылай и его время. - Кокшетау, 2002.
113.Толыбеков С.Е. Указ. соч. С. 273.

Глава 3. Демографическое развитие Зауралья

3.1. МЕСТА ВЫХОДА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Структурно важным элементом системы знания о процессах заселения осваиваемых территориях являются места выхода переселенцев.

В литературе уже достаточно давно утвердилось мнение, и вполне обоснованнов, о преобладающей роли Поморья и всей Северной Руси в звселении сибирских территорий **[1]**. Не является в этом смысле исключвнием и Зауралье **[2]**. Однако постараемся выяснить этот вопрос более подробно.

Итак, данные переписей 1629/30, 1648, 1655/57, 1689/91 гг. показывают, например, по Мангазейскому и Енисейскому уездам, что выходцы из Поморья составляли от 70 до 80% **[3]**. О.Н. Вилков отмечал, что в 1698 г. выходцы из Поморья в Тобольском посаде составляли 80,3% **[4]**. Подобные примеры можно приводить и дальше. Но общей картины они не изменят. Поэтому обратимся непосредственно к зауральским землям.

Одной из первых в исследуемом регионе была перепись 1668/69 гг. ряда приисетских духовных вотчин (Далматов монастырь, Кодская заимка, Архангвльская заимка, Рафайлов монастырь). Для большей детальности анализа разделим данные этой переписи по местам выхода переселенцев. Мы выделили четыре основных региона, обладавших внутреннвй экономической, природно-географической и социаль-

ной целостностью. Это Поморье, Предуралье (Прикамье), Центральная Россия и непосредственно само Зауралье. Выделение последнего обусловлено стремлением проанализировать и внутренние региональные миграции. Данный материал обобщен в табл. 1-4.

Таблица 1

Места выхода поморских переселенцев в Приисетье в 1666-69 гг.*

Места выхода	Далматовский монастырь	Кодская заимка	Архангельская заимка	Рафайлов монастырь	Всего
1	2	3	4	5	6
Вага	8	-	-	-	8
Вологда	-	1	-	-	1
Вымь	-	1	-	-	1
Вычегда	1	-	-	-	1
Двина	1	1	-	1	3
Яренск	1	-	-	-	1
Заонежье	1	-	-	-	1
Каргополь	7	-	-	-	7
Вятка	-	1	-	3	4
Холмогоры	1	-	-	-	1
Пинега	2	-	-	-	2
Соль Вычегодская	1	-	-	-	1
Устюг Великий	7	1	10	1	19
Пыскорский монастырь	1	-	-	-	1
Итого	31	5	10	5	51

*Таблица составлена по: РГАДА, ф. 214, кн. 535, л. 25-34.

Как хорошо видно из табл. 1, существенно преобладают выходцы из Устюга Великого, затем идут переселенцы с Ваги. Примечательно, что подобное распределение было характерно и для некоторых других сибирских территорий. По данным 1657/58 гг. среди новоприходцев в г. Илимск существенно преобладали выходцы из Устюга (168 человек) и Ваги (81 человек) из 373 зафиксированных переписью **[5]**. Это составляет 58,7%. Переселенцы из этих двух поморских центров в церковно-монастырских вотчинах Приисетья составили 51,9%.

Еще одно важное обстоятельство – существенно преобладали в Приисетье выходцы из Центрального Поморья. Нами уже упоминались данные по Мангазейскому и Енисейскому уездам. Среди новоприходцев в первый уезд преобладали выходцы из Северного Поморья, а среди второго – из Центрального **[6]**. Как нам представляется, в этих фактах просматривается вполне определенная пространственная направленность переселенческих потоков, а именно – широтная.

Теперь обратимся к следующей таблице, к данным по выходцам из Предуралья.

Таблица 2

Места выхода переселеицев в Приисетье из Предуралья в 1666-69 гг.*

Места выхода	Далматов монастырь	Кодская заимка	Архангельская заимка	Рафайлов монастырь	Всего
1	2	3	4	5	6
Кунгур	26	4	-	-	30
Кай-городок	2	-	-	3	5
Оса	-	3	-	-	3
Соль Камская	10	1	-	1	12
Чердынь	-	2	-	-	2
Строгановские вотчины	-	-	-	4	4
Итого	38	10	-	8	56

*Таблица составлена по: РГАДА, ф. 214, кн. 535, л. 25-34.

Более половины переселенцев из Предуралья дал Кунгур, что может, в частности, свидетельствовать о важности этого центра как перевалочного, транзитного пункта. А также, что, по всей видимости, более важно, Кунгур из всех указанных населенных пунктов был максимально приближен к Зауралью.

В следующей таблице представлен материал по переселенцам из звуральских населенных пунктов, который дает возможность проанализировать внутрирегиональные миграции.

Таблица 3

Внутрирегиональиые зауральские миграции в 1668-69 гг.*

Места выхода	Далматовский монастырь	Кодская заимка	Архангельская заимка	Рафайлов монастырь	Всего
1	2	3	4	5	6
Тобольск	-	-	-	-	1
Туринск	7	-	-	2	9
Тюмень	1	-	-	1	2
Верхотурье	1	1	-	2	4
Белоковская слобода	-	-	-	1	1
Исетский острог	-	-	-	4	4
Кондинский монастырь	-	4	-	-	4
Киргинская слобода	1	2	-	-	3
Мурзинская слобода	4	-	-	4	8
Невьянская слобода	-	2	4	3	9
Тагильская слобода	-	-	-	3	3
Итого	14	9	4	21	48

*Таблица составлена по: РГАДА, ф. 214, кн. 535, л. 25-34.

Из твбл. 3 видно, что максимальное количество переселенцев из самого Зауралья принял наиболее продвинутый вглубь Сибири Рафайлов монастырь. А дали наибольшее количество переселенцев самые западные районы Зауралья.

И, наконец, в табл. 4 представлены переселенцы из Центральной России.

Таблица 4

Места выхода переселенцев в Приисетье из Центральной России в 1668-69 гг.*

Места выхода	Далматовский монастырь	Кодская заимка	Архангельская заимка	Рафайлов монастырь	Всего
1	2	3	4	5	6
Мензели	3	-	-	-	3
Казань	1	-	-	1	2
Подмосковье	1	-	-	-	1
Итого	5	-	-	1	6

*Таблица составлена по: РГАДА, ф. 214, кн. 535, л.25-34.

Вновь мы можем зафиксировать вполне определенную закономерность в процессе переселения в Сибирь. Далматовский монастырь, как наиболее близко расположенный к Европейской России, принял максимальное количество переселенцев из Центральной России. Чем дальше расположено место выхода переселенца (Подмосковье), тем меньше количество новоприходцев, и наоборот (Мензели).

Итак, места выхода переселенцев распределяются следующим образом: Предуралье – 56 человек, Поморье – 51, Зауралье – 48, Центральная Россия – 6. Отметим, что в количественных показателях Поморье и Предуралье вполне сопоставимы.

Для сравнения рассмотрим данные еще по одному населенному пункту Приисетья – Мехонской слободе. Это данные переписи 1699/1700 гг. Мы также разделили эти данные по местам выхода переселенцев – Поморье, Предуралье, Зауралье и Казань.

Таблица 5

Места выхода переселенцев в Мехонскую слободу в 1699-1700 гг.*

Места выхода	Количество людей	Доля в %
1	2	3
Всего из Поморья	324	53,5
В том числе из:		
Ваги	219	36,2
Тотьмы	62	10,2
Устюга Великого	43	7,1
Всего из Предуралья,	165	27,2
В том числе из:		
Кунгура	136	22,4
Чердыни	29	4,8
Всего из Зауралья,	65	10,7
В том числе из:		
Арамильской слободы	27	4,5
Арамышевской слободы	19	3,1
Багаряцкой слободы	19	3,1
Всего из Казани	52	8,6
Итого	606	100

*Таблица составлена по: РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 434, л. 274-360об.

Итак, наибольшее количество переселенцев - из Поморья, почти в два раза меньше – из Предуралья, минимальное количество - из Зауралья и Поволжья. По сравнению с данными по приисетским церковно-монастырским вотчинам среди новоприходцев Мехонской слободы поморцев значительно больше, чем представителей других территорий. Церковно-монастырские поселения в большей степени, или, по крайней мере, не меньше, привлекали население Предуралья, более близких русских поселений. Скорее всего, в данном случае мы сталкиваемся с особенностями мотивации переселенцев.

Рассмотрев данные по конкретным населенным пунктам, обратимся к более обобщенным данным, к материалам целых уездов и, в первую очередь, к записям служебных книг 1635-36 гг., 1678 г. и переписи Л. Поскочина 1680 г. по Верхотурскому уезду. Отметим, что хотя часть территории этого уезда и не входит в рассматриваемые нами рамки Зауральского региона, тем не менее, большая часть населения уезда, по крайней мере, во второй половине XVII в., проживала в южной части уезда и имела непосредственное отношение к изучаемой территории. Имеющийся материал распределен нами по тем же критериям – выходцы из Поморья, Предуралья, Центральной России и Поволжья, Зауралья.

По данным 1635-36 гг., выходцы из Поморья распределялись следующим образом: Устюг – 23%, Вага – 12,8%, Вычегда – 11,5%, Сольвы-

чегодск – 11%, Пинега – 9,04%; итого – 67,34% всех переселенцев. Далее идут выходцы из Предуралья: Пермь Великая – 1,53%, Соликамск – 0,63%; всего 2,16% **[7]**. Как видим, существенно преобладает поморское переселение.

Данные служебной книги 1678 г.: Устюг – 20,5%, Вага – 14%, Яренск – 12%, Сольвычегодск – 10%, Пинега – 8%, Кевроль – 7% **[8]**. Доля Поморья – 71,5%. Доля же Предуралья еще меньше, чем в 30-е гг. Однако, справедливости ради отметим, что данные служебных книг не могут рассматриваться нами как информационно исчерпывающие. Данную неполноту постараемся восполнить данными переписи Л. Поскочина 1680 г.

Таблица 6

Места выхода поморских переселенцев в Верхотурский уезд в 1680 г.*

Места выхода (уезды)	Количество людей	Доля в %
1	2	3
Устюжский	106	20,9
Важский	88	17,5
Сольвычегодский	59	11,6
Пинежский	58	11,4
Кеврольский	31	6,1
Тотемский	28	5,5
Чарондский	23	4,5
Яренский	22	4,3
Мезенский	21	4,1
Вятский	21	4,1
Устьянская волость	13	2,6
Каргапольский	12	2,4
Вологодский	11	2,2
Холмогорский	9	1,8
Архангельский	3	0,6
Лальский	2	0,4
Итого	507	100

*Таблица составлена по: Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII-первой половине XIX века. - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – С. 60-61.

Как и в предшествующих случаях, «лидерами» нашего рейтинга среди мест выхода переселенцев Поморья являются Устюжский и Важский уезды. Что касается Предуралья, то материалы по этому региону представлены в табл. 7.

Таблица 7

Места выхода переселенцев в Верхотурский уезд из Предуралья в 1680 г.*

Места выхода (уезды)	Количество людей	Доля в %
1	2	3
Соликамский	163	43,6
Новоникольская слобода (Оса)	79	21,1
Чердынский	64	17,1
Кайгородский	31	8,3
Кунгурский	23	6,1
Сарапуяьский	7	1,9
Уфимский	7	1,9
Итого	374	100

*Таблица составлена по: Чагин Г.Н. Указ. соч. – С. 60-61.

В отличие от данных по церковно-монастырским вотчинам Приисетья, в целом по Верхотурскому уезду среди выходцев из Предуралья преобладали выходцы из северной части Прикамья – Соликамского и Чердынского уездов. Представители Кунгура и других более южных территорий занимают последние места. В данном случае, по всей видимости, вновь важнейшую роль играет пространственно-географический фактор. Преобладающим направлением миграций является широтноориентированное, или приближающееся к нему. Выходцы из Кунгурского уезда предпочитали переселяться в более южные и плодородные места Зауралья. Население же северных Соликамского и Чердынского уездов перемещались в рамках привычной для них природно-географической зоны по направлению к восточным склонам Урала, большую часть которых занимал как раз Верхотурский уезд.

В следующей таблице представлены материалы по Центральной России и Поволжью.

Как видим, наиболее важную роль в процессе переселения из Центральной России играло, прежде всего, Поволжье, в первую очередь Казанский уезд.

Внутрирегиональных переселенцев из других мест Зауралья насчитывалось 24 человека. Они поровну делились по 12 человек из Тобольского и Туринского уездов.

Таблица 8

Места выхода переселеицев в Верхотурский уезд из Цеитральиой России и Поволжья в 1680 г.*

Места выхода (уезды)	Количество людей	Доля в %
1	2	3
Казанский	37	71,5
Елабужский	4	7,6
Галицкий	4	7,6
Юрьевец-Поволжский	2	3,8
Суздальский	1	1,9
Нижегородский	1	1,9
Царево-Кокшайский	1	1,9
Новгород Великий	1	1,9
Подмосковье	1	1,9
Итого	52	100

*Таблица составлена по: Чагин Г.Н. Указ. соч. – С. 60-61.

Всего переписью Л. Поскочина 1680 г. в Верхотурском уезде было зафиксировано 957 переселенцев, из них на Поморье приходилось 52,9%, на Предуралье – 39,1%, на Центральную Россию и Поволжье – 5,5%, на Зауралье – 2,5%. Эти обобщенные данные несколько расходятся с данными по отдельным населенным пунктам, причем находящимися южнее (Приисетье) в пределах Тобольского уезда. Незначительная доля внутрирегиональных переселений объясняется значительным территориальным охватом анализа, в пределах Верхотурского уезда внутриуездные миграции не учитывались. Естественно, что подобные данные по отдельным населенным пунктам дают более подробную информацию по внутрирегиональным миграциям.

Пространственная близость Приисетья (церковно-монастырских вотчин и Мехонской слободы) к более заселенной, южной части Предуралья по сравнению с основной частью Верхотурского уезда определило более важную роль именно Предуралья в заселении Зауралья, прежде всего его южной части. С этим утверждением вполне корреспондирувтся информация 1698-99 гг. по Чусовской слободе, среди переселенцев существенно преобладали выходцы из Кунгурского уезда, а затем шли поморцы **[9]**. Это вполне соответствует вышеуказанным данным по Мехонской слободе (см. табл. 5), причем практически в то же самое время – конец XVII в.

Отмеченная нами значительная роль Предуралья в процессе заселения Зауралья доказывает глубокую историческую взаимосвязь меж-

ду этими регионами. Данная взаимосвязь не могла не сказаться и на особенностях, в частности, демографического развития этих территорий. Для того, чтобы убедиться в этом или внести какие-либо коррективы в это представление, обратимся к некоторым количественным показателям развития Предуралья. Этот материал необходим нам также для проведения сравнительно-исторического анализа для выявления специфических черт изучаемого нами Зауралья, а для этого как нельзя лучше подходит, прежде всего, сопредельная территория.

Активное русское заселение Предуралья в пределах Чердынского, Кайгородского, Соликамского, Кунгурского уездов, Строгановских вотчин, Новоникольской (Осинской) слободы начинается в XVI в. Как отмечал В.А. Оборин, «определилось основное направление и исходный район перемещения русского населения – из северных районов Русского государства – из Поморья» **[10]**.

Переписи 1579 и 1596 гг. показали крайне низкую плотность населения Предуралья – 0,09 человек на один квадратный километр **[11]**. Самый высокий показатель был в то время на севере – в Чердынском и Соликамском уездах. Эти же переписи показали, что большинство крестьян переселялось в Предуралье из Северного Поморья (Двина, Холмогоры), в том числе со значительным коми-зырянским населением (Мезень, Вычегда, Вымь) и из центрального (Вологда, Великий Устюг, Тотьма, Вага) и реже – из западного **[12]**.

На протяжении XVII в. заселение Предуралья продолжалось. Перепись 1678 г. **[13]** показала по Соликамскому посаду следующие данные: переселенцы из Великого Устюга – 13,6%, с Вятки – 10,4%, из Сольвычегодска – 10,4%, с Ваги – 5,2%, с Двины – 4,1%, из Каргополя – 4,1%. Всего поморцы составили 47,8%. Само Предуралье дало 35,9% (Чердынь – 28,9%, Кай-городок – 7%). Данные в целом по Соликамскому уезду: 8,4% - Сольвычегодск, 7,9% - Вага, 7% - Вятка, 4,4% - Чаронда, 2,6% - Пинега. Всего 30,3% поморских переселенцев. Внутрирегиональные миграции составили 48,2% (Чердынь – 46,1%, Кай-городок – 2,1%).

Та же перепись по Строгановским вотчинам **[14]** показала следующие результаты: Сольвычегодск – 19,8%, Вятка – 12,8%, Великий Устюг – 10,9%, Яренск – 6,2%, Двина – 5%, Вага – 4,7%. Поморье тем самым дало 59,4% переселенцев, Предуралье – 20,6% (Чердынь – 9,3%, Соликамск – 7,8%, Кай-городок – 3,5%).

И, наконец, Кунгурский уезд. Данные 1648-51 гг. **[15]** показали существенное преобладание переселенцев из самого Предуралья – 64,1% (Кайгородский уезд – 29,4%, Чердынь – 18,8%, Соликамск – 11,3%, Осинский уезд – 4,6%). Поморье дало всего 31,2% (Сольвычегодск – 19,7%, Вятка – 3%, Устюг – 3%, Вага – 2,4%, Кевроль – 1,7%, Яренск

– 0,6%, Холмогоры – 0,5%, Вологда – 0,3%). Для сравнения рассмотрим данные 1704 г. **[16]**. Начнем с Поморья: Устюг – 15,1%, Вага – 11,1%, Сольвычегодск – 4,6%, Тотьма – 3,1%, Яренск – 3,1%. Всего – 37%. Предуралье: Оса – 11,4%, Чердынь – 10,9%, Кай-городок – 10,9%, Соликамск – 6,4%, Строгановские вотчины – 1,1%. Внутрирегиональные миграции составили 40,7%.

Таким образом, приведенные нами данные по предуральским уездам в XVII в. показывают значительную роль внутрирегиональных миграций, порой превышающих по количественным показателям внешнюю миграцию населения, в частности из Поморья. Это существенно отличает данный регион от Зауралья в этот исторический период. Изучаемый нами регион на протяжении всего XVII в. являлся активно осваиваемой и заселяемой территорией и внутрирегиональные перемещения населения со всей очевидностью не могли быть преобладающими над внешними.

Еще одно важное наблюдение. Во второй половине XVII в. становится вполне заметным главный поток переселений внутри Предуральского региона – с севера на юг. Если в конце XVI в., как мы отмечали выше, наиболее населенными являлись северные уезды – Чердынский и Соликамский, то через столетие наиболее плотно заселенными стали Кунгурский уезд и территория вокруг Новоникольской (Осинской) слободы. Интересно, что еще для дорусского периода заселения Предуралья В.А. Оборин отмечал, что «основными направлениями миграций было встречное движение по рекам: с юга на север и с севера на юг – по Каме и Оби с их притоками. Меньшее значение имели широтные перемещения с запада на восток и с востока на запад» **[17]**. И далее: «Переселение с севера на юг преобладало на обоих склонах Урала» **[18]**. Данное утверждение оказывается справедливым как для русской колонизации Предуралья, так и Зауралья. Первоначально русские переселенцы из Поморья на ранних этапах заселяли север данных регионов, а затем население постепенно как бы «сползало» в южном направлении, а для Зауралья было еще характерным активное перемещение в его южную часть населения из южных районов Предуралья (Кунгур). Немаловажную, если не определяющую, роль в этом играло наличие соответствующих водных путей проникновения на восточный склон Уральских гор.

До сих пор мы, прежде всего, рассматривали места выхода переселенцев, так сказать, в обобщенном виде. Безусловный интерес представляет собой информация о том, какие конкретные места тех или иных территорий дали наибольшее количество переселенцев. Мы вновь обратимся к уже рассмотренным нами данным XVII в. по приисетским

слободам и церковно-монастырским вотчинам и Верхотурскому уезду.

Итак, безусловным лидером для Зауралья стал Важский уезд, из которого прибыло 315 переселенцев. На втором месте находится Кунгурский уезд – 189 человек, затем идет Соликамский – 175 человек, Устюжский уезд занимает четвертое место – 168 переселенцев, и, наконец, на пятой позиции находится Чердынский уезд – 95 человек. Как видим, подобный количественный расклад лишний раз подтверждает наши предшествующие выводы о значительной роли Предуралья в заселении Зауралья.

Подобный анализ проведем и в отношении Предуралья, как мы это делали раньше. Мы используем уже приводимые нами материалы по Соликамскому, Кунгурскому уездам и вотчинам Строгановых за 1678 и 1704 гг. Безусловным лидером является Устюжский уезд – 123 человека, затем идет Сольвычегодский уезд – 101 переселенец, лишь на третьем месте находится Важский уезд – 91 человек, следующим является Вятка – 81 переселенец, на пятом месте находится Яренский уезд – 38 мигрантов.

При сравнении вышеприведенных данных видно, что основными центрами выхода переселенцев были Важский и Устюжский уезды.

XVII в. в истории Зауралья являлся временем, как мы отмечали выше, активного заселения. Не выглядел исключением в этой связи и рубеж XVII-XVIII вв. Как отмечал известный специалист в области исторической демографии Я.Е. Водарский, «большое увеличение численности населения (Сибири. – В. М.) с последней четверти XVII века по 1710 год должно быть поставлено в связь со значительной убылью населения за этот же период в Европейской России. Бежали, главным образом, в первое десятилетие XVIII века, то есть после начала войны и вызванных ею тягот» **[19]**. Не отрицая общую правоту данного утверждения, заметим, что этот тезис отражает макроисторический аспект демографических процессов в России и в Сибири. Если мы обратимся к региональному масштабу исторического видения, то перед нами может возникнуть иной образ исторической действительности.

Выше было отмечено, что значительный уровень внутрирегиональных миграций в предлах Прдуралья по сравнению с межрегиональными может свидетельствовать о создании в регионе стабильного населения и начала перехода к преобладанию естественного прироста. То же самое, по всей видимости, можно сказать и про некоторые районы Зауралья, имея в виду данные переписи 1710 г. по трем притобольным слободам – Царевогородищенской, Белозерской и Утятской **[20]**. Среди жителей слобод новоприходцами с конкретным указанием мест

выхода соответственно было отмечено 7,3%, 10% и 2,75% от общего числа жителей. Интересен в этой связи анализ мест выхода переселенцев. В Царевом Городище выходцы из Предуралья (Кунгур, Чердынь, Сарапул, Оса) составили 71,1% от общего числа новоприходцев, из Зауралья (Ирбит, Тюмень, Ощепковская, Арамышевская, Арамильская и Ашкарская слободы) – 14,8%, из Поморья – 5,6%, из Казани – 7,1%, из Центральной России (Суздаль) – 1,4%. По Белозерской слободе мы получили следующие данные: Зауралье (Верхотурье, Ирбит, Невьянский монастырь, Пышминская, Арамильская, Арамышевская, Белослудская и Красноярская слободы) – 60,4% новоприходцев, Поморье (Вятка, Пинега) – 27,9%, Предуралье (Кунгур) – 11,7%. Утятская слобода: Зауралье (Арамышевская слобода) – 63,6%, Предуралье (Кунгур) – 31,8%, Центральная Россия – 4,6%.

Обращает на себя внимание примерно 60-процентный уровень выходцев из Зауралья по двум слободам (Утятской и Белозерской). Для конца XVII в. по Предуралью нами были получены те же самые результаты внутрирегиональных миграций (см. выше) – примерно 60-процентный уровень. Более низкий данный показатель по Цареву Городищу в нашем случае является той несовпадающей переменной, которая существует в любом сравнении макро- и микроисторических аспектов.

3.2. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЗАУРАЛЬЯ

С точки зрения пространственного распространения миграционного потока русских можно сказать следующее – восточная оривнтация рек и то, что их истоки находились на восточных склонах Урала, обусловили первоначальное продвижение русских по течению этих рек по направлению к р. Тобол. Продвижение же вверх по р. Тобол затруднялось сложной военно-политической ситуацией. С точки зрения колонизации Сибири как макроисторического процесса южная часть Зауралья находилась как бы на периферии основного колонизационного потока. Это подтверждает вывод В.В. Покшишевского о характере колонизационных процессов, как во всей России, так и в Сибири: «Русское движение как бы скользило по касательной «вдоль» лесостепи и степи, и незначительное проникновение на юг являлось пока лишь слабым, вторичным отражением движения на восток» **[21]**. Однако, с точки зрения регионального масштаба рассмотрения колонизационного процесса в рамках Зауралья, в сравнении с прилегающей территори-

ей Предуралья картина оказывается несколько иной, перед нами предстает другой образ исторической действительности, более точно описанный В.А. Обориным – о преобладании меридиональных миграций по обе стороны Урала. В Зауралье преобладающим направлением миграционных движений русского населения было с севера на юг. Поэтому для данного региона именно южное направление было первичным, а движение на восток, выражаясь словами В.В. Покшишевского, «вторичным отражением» первого.

Основные этапы продвижения русских в Зауралье можно проследить на основе данных табл. 9.

Таблица 9

Основание острогов и слобод в Зауралье XVII в.*

Годы	Остроги и слободы (год основания)
1610-е	Тагильская (1613), Невьянская (1619)
1620-е	Ницынская (1622), Чубаровская (1624), Усть-Ницынская (1624), Яланская (1627), Верх-Ницынская (1627)
1630-е	Арамышевская (1631), Киргинская (1633), Ирбитская (1633), Мурзинская (1639)
1640-е	Белослудская (1644), Далматов монастырь (1644), Рафайлов монастырь (1645), Усть-Ирбитская (1645), Краснопольская (1645), Пышминская (1646), Беляковская (1646)
1650-е	Исетский (1650), Катайский (1655), Ялуторовская (1659)
1660-е	Мехонская (1660), Барневская (1660), Царево Городище на Исети (1662?) Шадринская (1662), Терсюцкая (1662), Камышловская (1667), Маслянский (1668), Бешкильский (1668), Аятская (1669)
1670-е	Усть-Миасская (1670), Красногорский (1671), Красномысская (1674), Калиновская (1674), Ингалинская (1674), Буткинская (1676), Окуневская (1676), Арамильская (1677), Среднемиасский (1677), Юрмытская (1677), Царево Городище (1678-79), Белозерская (1678-79), Коневская (1679)
1680-е	Иковская (1680), Утятская (1680), Теченская (1682), Белоярская (1682), Крутихинская (1684), с. Воскресенское (1684), Чумлякская (1684), Верхнемиасский (1685), Тамакульская (1686), Бродокалмацкий (1687), Багаряцкий (1688), Новопесчанский (1688), Емуртлинская (1689)
1690-е	Тебенякская (1694), Солтосарайская (1693)

* Таблица составлена по: История Курганской области (с древнейших времен до 1861 г.). Т. 1. - Курган, 1995. – С. 115; Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. - Новосибирск, 1995. - С. 103-104, 163.

Приведенные данные достаточно убедительно свидетельствуют о том, что значительная часть наиболее крупных и важных населенных пунктов Зауралья была основана уже в XVII в. Это вновь дает нам возможность уточнить утверждение Я.Е. Водарского о значительном росте сибирского населения на рубеже XVII-XVIII веков – в пределах данного периода не менее значимыми, чем начало XVIII в., в процессе

механического прироста населения стали 1680-е гг.

Первым русским поселением в южной части Зауралья был Далматов монастырь, основанный в 1644 г. монахом Богоявленского Невьянского монастыря Далматом, в миру Дмитрием Ивановичем Мокринским **[22]**. Первоначально это была обыкновенная пустынь монаха-отшельника, но очень быстро, к 1650-м гг., сюда стали стекаться люди, не только монахи, но и крестьяне, что являлось вполне типичным для всех русских монастырей и в предшествующий период в европейской России. В начале 1650-х гг. Далматов монастырь – это уже собственник земли и крестьян **[23]**.

Развитие вотчины Далматовского Успенского монастыря может быть рассмотрено нами как модель пространственного расширения внутренней колонизации края. Безусловным центром рассматриваемой территориальной целостности был сам монастырь, а также появившаяся в начале 1650-х гг. слобода Служилая, в 1691 г. впервые в документах названная селом Николаевским. Именно выходцы из этого села стали основателями большинства первых населенных пунктов вотчины – деревень и починков.

Новые деревни появляются первоначально по течению рек Исеть и Теча, постепенно удаляясь от центра вотчины. Например, поселения, основанные до 1711 г., – деревни Верхнеярская в 7 верстах от монастыря, Затеченская в 3 верстах, Притыка в 6 верстах; деревни, основанные с 1711 по 1719 гг., – Пески в 15 верстах, Бисерова в 27 верстах, Лобанова в 55 верстах и т.д. **[24]**. На протяжении XVIII в. новые поселения, а также в целом население смещалось к югу. Из семи деревень, основанных с 1719 г. до секуляризации вотчины в 1764 г., шесть были расположены к югу или к юго-западу от исторического центра этой территории **[25]**.

Подобная ситуация характерна и для еще одной территориальной структуры Приисетья – Крутихинской слободы, основанной в 1695 г. По переписи 1710 г. в слободе было зафиксировано всего две деревни – Загайнова и Дерганова **[26]**. В 1719 г. в рамках слободы уже числятся одно село – Уксянское и шесть деревень – Загайнова, Новодерганова, Еровская, Любимова, Татарская и Таушканова **[27]**. Причем новые деревни были основаны уже на довольно отдаленном расстоянии от центра слободы, в отличие от первой деревни (Загайновв), находившейся в непосредственной близости от самой слободы. Все новые населенные пункты были основаны к югу и юго-западу от центра этой территориальной единицы.

Весьма красноречивы и пространственно-демографические показатели переписей 1710 и 1719 гг. Из 100 крестьян-дворохозяев Крути-

хинской слободы, учтенных в 1710 г., к 1719 г. 33 человека мигрировали в населенные пункты слободы, еще 17 человек ушли в другие слободы. По данным переписи 1710 г., в центре слободы насчитывалось 20 подворников - глав семейств, большая их часть (15) к 1719 г. мигрировали в деревни данной слободы, став дворохозяевами. В целом за девять лет, прошедших между двумя переписями, общее количество дворов в слободе (вместе с селом и деревнями) увеличилось, однако в самом слободском центре этот показатель уменьшился практически в два раза **[28]**.

Таким образом, можно сконструировать следующую модель формирования слободских территориальных структур Зауралья. Первоначально основывалось укрепленное поселение (острог, слобода, монастырь), а затем иногда вокруг по концентрической траектории или по направлению к югу возникали новые поселения (села и деревни), основателями которых были выходцы из этой слободы, острога или монастыря, причем обязательно формально связанные с ними, откуда были отпущены с разрешения местной администрации. Центры слобод становились своеобразными перевалочными пунктами в процессе внутренней и внешней колонизации. В результате складывалась определенная микротерриториальная целостность, имевшая административно-территориальный характер. Данная территориальная единица в итоге может быть нами охарактеризована как структурная, иерархичная, целостная и относительно автономная, что придает ей определенный системный характер.

Принципиально важным вопросом в рамках регионального анализа процесса русской колонизации отдельных сибирских территорий является то, когда конкретно были основаны те или иные населенные пункты. В первую очередь это касается наиболее важных центров (экономической, военно-оборонительной и тому подобной значимости). Одним из таких центров являлось Царево Городище, очень быстро ставшее главным центром Среднего Притоболья. До сих пор внятного ответа на вопрос о дате основания этого населенного пункта нет. Тем не менее, в разное время различные исследователи на основании исключительно косвенных данных предлагали свои варианты датировки основания слободы. Это 1596 г., 1616 г., 1633 г., 1639 г., 1653 г. **[29]**. Но, к сожалению, в подавляющем большинстве авторы не удосуживались указывать источники, на которых они основывали свои выводы. Особое место в этом ряду занимает утверждение «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона об основании Царева Городища в 1553 г., что абсолютно невероятно, так как самые восточные рубежи российского влияния проходили где-то в Предуралье, а Притоболье находи-

лось под контролем Сибирского ханства. Что это, опечатка или досадная ошибка, пока выяснить не удалось.

Первыми исследователями, кто решил окончательно разобраться с этой проблемой, были курганские историки А.А.Кондрашенков и Н.А.Лапин. В начале 60-х гг. XX в. они попытались обосновать наиболее приемлемую дату основания. Это 1662 г. Приведем их аргументы. «Первое упоминание о Царевом Городище находится в архивных документах, возникших в связи с перепиской по поводу русских поселений, основанных в 1662 году. Отписка верхотурского воеводы Камынина тобольскому воеводе Хилкову, написанная весной 1662 года, в числе других слобод прямо называет Царево Городище «новой слободой». Осенью 1662 года Хилков направил в Верхотурье грамоту, которая предписывала в слободах Царево Городище, Мехонской и Барневской «с громленных крестьян оброчного хлеба не брать... а пожженные дворы велеть застроить». Эта грамота еще раз подтверждает, что слобода Царево Городище существовала в 1662 году, но основана была недавно, и население пользовалось льготами. Существование Царева Городища осенью 1662 года подтверждается еще одним документом. Это челобитная приказчика Катайского острога Ильи Бакшеева от 9 сентября 1662 года, где Бакшеев сообщает верхотурскому воеводе о прибытии в Катайский острог беглецов из татарского плена, которые, по их словам, «Тобол... переехали выше Царева Городища»**[30].**

Однако, на наш взгляд, более глубокий источниковедческий анализ приводимых Н.А.Лапиным и А.А.Кондрашенковым документов показывает ошибочность выводов этих исследователей. В отписке верхотурского воеводы Камынина тобольскому воеводе князю Хилкову действительно говорится о новой слободе Царево Городище в 1662 году, однако здесь речь идет совсем о другом населенном пункте, не на Тоболе, а на Исети! Приведем более полный отрывок из цитируемого Н.А.Лапиным и А.А.Кондрашенковым документа: «... чтоб ис Катайского острогу и из иных верхотурских слобод приказчики впредь на Исеть реку на Мехонину курью и на Царево Городище и на Барнево в уезд для пошлинного збору никово не посылали... А Илья Бакшеев ис Катайского острогу ко мне и к подъячему к Ивану Артемьеву писал: посылал де он Илья ис Катайского острога вниз по Исети реке, где промышляют Верхотурского уезду из слобод крестьяне рыбу, Катайского острогу таможенного зборщика беломестного казака Ефсейка Ерафеева да беломестного казака Федьку на великих государей пошлины сбирать по-прежнему; и на Царево Городище Верхотурского уезду слободских крестьян у Меркуша Заикова с товарищами десятые пошлины взял 3 рубли; и слободчик – де Юшко Соловей тех Ефсефейка

да Федьку посадил в студеную баню и держал 3 дни и послал на Мехонину курью по прикацика по Давыда Андреева...»**[31]**.

Как видно, вполне определенно говорится о приисетских слободах. Здесь же упоминается хорошо известный исследователям Юшка Соловей, он же Юрий Малечкин, основатель Шадринской слободы, который именно в Царевом Городище арестовал злополучных сборщиков пошлины. С исетским Царевым Городищем мы вновь встречаемся в материалах 1668 г. по делу того же Юрия Малечкина: «... в прошлом во 170-м году (1662 г. – В.М.) по указу великих государей по тобольской памяти велено Юшку Соловью в Тобольском уезде по Исете реке на Царево Городище слободу строить и крестьян призывать и вольных гулящих людей...»**[32]**. Вот оно – прямое указание источника 60-х гг. XVII в. о слободе Царево Городище, но не на р. Тобол, а на р. Исеть, которое не имеет никакого отношения к будущему городу Кургану.

Еще в одном документе, цитируемом Н.А.Лвпиным и А.А.Кондрашенковым, говорится о разорениях в слободах Царево Городище, Мехонской и Барневской в 1662 году. Здесь, по всей видимости, речь идет о последствиях крупного башкирского восстания 1662-64 гг., которое затронуло в Зауралье лишь Приисетье, не достигнув Прнтоболья **[33]**.

Однако есть один довод – «Тобол ... переехали выше Царева Городища»**[34]**. Здесь, как нам представляется, речь идет о географическом объекте под аналогичным назввнием, так как здесь нет четкого указания на то, что это такое – слобода или острог, тогда как в других документах того времени всегда были указания на статус того или иного населенного пункта, если таковой имелся ввиду. В данном случае, скорее всего, мы имеем дело с остатками старого татарского укрепления с одноименным названием, на месте которого и была позже основана тобольская слобода Царево Городище, нв это, кстати, указывал Р.М. Кабо, ссылаясь на С. Ремезова **[35]**.

Таким образом, Н.А.Лапин и А.А.Кондрашенков были не правы, когда отождествляли упоминавшееся в документах 60-х гг. XVII в. Царево Городище со среднепритобольной слободой. Но почему столь квалифицированные историки не заметили столь очевидных противоречий в их систвме аргументации?

Ответ на этот вопрос может содержаться в анализе тех обстоятельств, при которых появилась на страницах научных изданий их точка зрения. Впервые обоснование новой даты основания слободы появилось в № 10 «Вопросов истории» за 1962 г. и «Ученых записках Кургвнского государственного педагогического института» за этот же год, на который в данном случае приходилось 300-летие со дня осно-

вания Кургана. Видимо, не случайное совпадение – кому-то очень хотелось отметить крупный юбилей со всеми вытекающими из него приятными обстоятельствами.

Но, возможно, было совсем по-другому. Можно предположить, что эти историки посчитали данное название уникальным, но это, как мы считаем, далеко не так. Еще И. Завалишин писал: «Остатки вала и рва, следы татарского владычества, еще до сих пор приметны в той части нынешней Тюмени, которую называют «Царевым Городищем»**[36]**. Подобнов название вполне могло быть достаточно распространенным в Зауралье, которое изобиловало курганами, удобными для расположения на них укреплений. Вероятно, что именно о таком месте на реке Исеть писал П.Словцов: «Равномерно в 6 верстах от Шадринска подле протоки найдено городище с земляным валом и рвом»**[37]**. Возможно, что на этом месте в начале 60-х гг. XVII в. возникла исетская слобода Царево Городище, вскоре по каким-либо причинам исчезнувшая. Может быть, причиной этому послужили разорения в ходе башкирского восстания 1662 г., после которого эта слобода так и не была восстановлена.

Однако вопрос о дате основания слободы остается открытым. Постараемся его отчасти разрешить. Первое реальное упоминание слободы Царево Городище на р. Тобол в документах XVII в. содержится в «наказной» грамоте на основание Иковской слободы в 1680 г.: «...строить вверху Тоболу реке на проезжей земле, промеж слободы Иковской слободчика Стенки Нестерова да промеж слободы Царева городища слободчика Тимошки Невежина...»**[38]**. Здесь говорится об основателе слободы слободчике Тимофее Невежине, он назван именно слободчиком; а не приказчиком, которые сменяли через некоторое время первых. Навряд ли он смог бы быть слободчиком в течение 20-ти лет, когда основная масса основателей сибирских слобод руководила этими населенными пунктами в среднем не более 6-ти лет **[39]**.

Анализ косвенных данных более раннего времени не дает удовлетворительного ответа о существовании слободы Царево Городище на Тоболе до 1680 г. В 1667 г. по приказу нового тобольского воеводы П.И. Годунова было проведено описание подведомственных ему земель, на основании которого начиналось строительство Исетской сторожевой линии. Она шла от Тарханского острога к Исетскому, а затем вверх по р.Исеть **[40]**. В этом документе ничего не говорится о каких-либо русских поселениях выше по р.Тобол от устья р.Исеть, нет ни Белозерской слободы, ни Царева Городища. Безусловно, что данное географическое описание не может претендовать на абсолютную полноту, так как в нем не упоминаются уже точно существовавшие к это-

му времени населенные пункты на Исети, например, Рафайлов монастырь и Кодская заимка. Но навряд ли пограничная линия прошла бы севернее, если бы южнее, в Среднем Притоболье, существовали уже более или менее крупные русские поселения, которые обладали важным стратегическим положением ввиду значительной продвинутости в лесостепные районы.

В Тобольской редакции 1673 г. так называемой «Книги Большому Чертежу» граница русских поселений в Южном Зауралье также проходила по р.Исеть и не захватывала Среднее Притоболье **[41]**.

Еще раз повторим, что все вышеприведенные данные носят все-таки косвенный характер. Но совсем недавно екатеринбургские исследователи Ю.В.Коновалов и С.В.Трофимов **[42]** смогли обнаружить информацию, которая подтверждает наши выводы, изложенные в 1-м томе «Истории Курганской области», о том, что Царево Городище было основано не ранее 1673 г. и не позднее 1680 г. **[43]** В переписи Тобольского уезда 1681-1683 гг., проведенной Л.М.Поскочиным, говорится: «Слобода Царево Городище... построена во 187-м году» **[44]**, и далее: «Слоботчик Тимошка Онисимов сказал: родился он Верхотурского уезду в Невьянской слободе и жил в Долматове монастыре за вклад. И во 187-м году велено ему на Цареве Городище строить слободу» **[45]**. Получается, что основана слобода была по этим данным в 1678-79 гг. Как отмечают С.В. Трофимов и Ю.В. Коновалов, «уточняются и сведения об основателе слободы. Звали его действительно Тимофей. Не противоречат друг другу и его именования в источниках Анисимовым и Невежиным; он вполне мог быть «Анисимовым сыном Невежиным». А вот уроженцем он оказывается не Тюменского, а Верхотурского уезда». Далее исследователи утверждают, что «прозвания с корнем «Невеж-» не относится к числу широко распространенных в XVII в.» **[46]**. Как видим, вопрос остается открытым. Окончательно эта проблема будет решена лишь в случае нахождения наказной грамоты на основание Царева Городища.

Тем не менее, наши изыскания позволяют создать более логичную и внутренне не противоречивую картину проникновения русского колонизационного потока на юг Зауралья. В 1660-х и даже в начале 1670-х гг., когда река Исеть и пограничные укрепления по ней (Исетская погрвничная линия П.И. Годунова) являлись передовой линией продвижения русских на юге Зауралья, появление более или менее крупных населенных пунктов южнее было практически невозможно. Об этом довольно красноречиво свидетельствует неудачная попытка основания в 1672 г. Утятской слободы (сделать это удалось в 1680 г.). Лишь в 1678-1680 гг. с почти одновременным основанием в Среднем Притобо-

лье четырех слобод – Белозерской, Иковской, Царева Городища и Утятской, данная территория становится неотъемлемой частью русской зауральской поселенческой системы.

Своеобразной периферией Зауралья к началу XVIII в. являлась юго-западная территория, еще слабо освоенная. Активное заселение этой территории начинается в 30-е гг. XVIII в., прежде всего, это связано с образованием Исетской провинции в 1737 г. Одним из наиболее важных населенных пунктов в этом районе была Чумляцкая слобода, возникшая еще в 1684 г. По данным третьей ревизии (1763 г.), в районе слободы имелось 18 населенных пунктов с 87 ревизскими душами. Наиболее крупными здесь были деревни: Косулино – 92 души мужского пола (д.м.п.), Белоярская – 89 д.м.п., Красноярская – 87 д.м.п., в остальных 15 селениях жителей было гораздо меньше. В самой же Чумляцкой слободе насчитывалось 110 душ обоего пола, а с прилегающими деревнями было 982 души **[47]**.

В 1740-50-х гг. возникает еще ряд слобод в юго-западном районе Зауралья. Это Куртамышская, Таловская и Каминсквя слободы. Все три были основаны крестьянами, соответственно Антоном Лосичиковым, Тимофеем Пермяковым и Антоном Локтевым **[48]**.

Динамика населения этих слобод показана в табл. 10.

Таблица 10

Куртамышская, Таловская и Каминская слободы в 1740-80-х гг.*

Слободы	Год основания	Число дворов во время формирования	Данные 1781 г.	
			Число дворов	Крестьян
Куртамышская	1745	66	522	9326
Таловская	1748	53	510	2320
Каминская	1751	131	492	1944

* Таблица составлена по: Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII-первая половина XIX в. - М., 1984. – С. 45.

Наиболее значительными темпами росло население в Таловской слободе, в которой за 33 года количество дворов увеличилось в 9,6 раза. В Куртамышской слободе подобное увеличение за 36 лет составило 7,9 раза. Наименьший показатель в Каминской слободе – за 30 лет количество дворов увеличилось всего в 3,7 раза. Подобное явление возможно было по причине, вероятно, более благоприятных прежде всего природно-географических условий Куртамышской слободы в

сравнении с Таловской.

Далее возникает еще ряд слобод в юго-западном районе Зауралья. Нижнеувельская (Ильинская) слобода – 1751 г., Верхнеувельская – 1752 г., Кундравинская – 1755 г., Кочердыкская – 1782 г. Основателем Нижнеувельской слободы был крестьянин Осип Ильин из Верхтеченской слободы Шадринского уезда, Верхнеувельская основана окуневским крестьянином Варламом Красильниковым, первыми поселенцами Кочердыкского острога были выходцы из Чумляцкой слободы, затем из Окуневской **[49]**.

Своеобразной естественной южной границей Зауралья, отделяющей его от степей Казахстана, был приток Тобола река Уй. По течению этой реки в 1740-е гг. появился целый ряд казачьих поселений, бывших до построения Пресногорьковской сторожевой линии живым заслоном от набегов кочевников (киргиз-кайсаков). Основная масса этих станиц была основана в 1743 г. Это были поселки Озерный и Кочердыкский, Луговой, Крутоярский, Березовский, Подгорный, Кидышевский, Ахуновский, станицы Усть-Уйская, Ключевская и Степная **[50]**.

К 1780-м гг. в целом сложились основные ядра зауральского региона, сформировалась пространственная структура региона с ярко выраженными центрами и периферией.

3.3. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЗАУРАЛЬЯ

Теперь обратимся к ряду качественных и количественных характеристик демографических процессов в Зауралье в XVII-XVIII вв.

Мы уже говорили о феномене демографического развития России на рубеже XVII-XVIII вв., подмеченном Я.Е. Водарским, – значительное сокращение населения в Европейской России при одновременном увеличении населения в Сибири. Об этом красноречиво свидетельствуют данные по некоторым зауральским слободам: с 1686 по 1710 гг. число крестьянских дворов увеличилось по слободе Царево Городище в 5,5 раза, по Усть-Суерской – в 35 раз, по Белозерской – в 41 раз **[51]**. За 14 лет такое увеличение могло произойти только за счет механического прироста, тем более, что в этот период в крестьянской среде существовала тенденция объединяться в один двор несколькими семьями с целью сокращения налоговых выплат, ввиду существования подворного налогообложения. Об этом убедительно говорят данные переписи 1710 г. По итогам этой переписи в Крутихинской слободе

отмечалось: «126 дворов крестьянских, в них людей мужеска полу 126 человек крестьян, женска 124 человека. У них детей мужеска полу 252 человека, женска 306 человек... У них же крестьян родственники мужеска полу 18 человек, женска 10 человек. Да у них живут на подворьях той же слободы крестьян мужеска полу 20 человек, женска 26 человек, у них детей мужеска полу 28 человек, женска 25 человек. Да у них же крестьян живут на подворьях бобыли мужеска полу 56 человек, женска 52 человека, у них детей мужеска полу 77 человек, женска 74 человека. Да наемных работных гулящих людей 16 человек.

Итого в крестьянских дворах мужеска полу 593 человека, женска 617 человек» **[52]**. Таким образом, в 126 дворах проживало 1210 человек, то есть в среднем на один крестьянский двор приходилось 9,6 человек. Чуть меньший показатель по Белозерской слободе – 8,04 человека на один двор и по Цареву Городищу – 7,11 человека на двор **[53]**. Под одной крышей, в рамках одного двора собиралось по несколько семей, как родственных между собой, так и не имевших никаких родственных связей – различные подворники из числа бобылей, пришлых и «гулящих» людей. Приведем один характерный пример. Крутихинская слобода: «Двор, а в нем живет оброчный крестьянин Семен Семенов сын Бурковых, сказал себе от роду 50 лет, жена у него Парасковья 50 ж лет, сын Влас 20 лет, дочь девка Василиса 7 лет. У Власа жена Марья 20 лет. У него ж живет на подворье той же слободы крестьянин Калина Осипов сын, сказал себе от роду 40 лет, жена у него Мавра 40 ж лет, дети Софон 12 лет, Матфей 3 лет, дочь девка Лукерья 8 лет. У него ж живет на подворье бобыль Федор Елизаров сын Голов, сказал себв от роду 30 лет, женв у него Овдотья 30 ж лет, дочери девки Офимья 4 лет, Устинья году» **[54]**.

Определение абсолютных количественных показателей населения исследуемого региона в XVII-начале XVIII в. является делом весьма сложным ввиду отсутствия достаточного количества источников и их репрезентативности. Значительно легче это сделать в отношении 1720-60-х гг., когда создается устойчивая система учета населения. Однако предпримем попытку выявления хотя бы относительных количественных показателей.

По данным росписи 1686 г. можно сделать некоторые выводы количественного характера, отметим, что она нв дает исчерпывающей информации. В эту роспись были включены только те слободы Среднего Притоболья и Приисетья, из которых проводился набор драгун и казаков на службу в Даурию. Эти данные сведены в табл. 11.

Таблица 11

Слободы Зауралья по данным 1686 г.*

Слободы	Крестьянских оброчных дворов	Беломестных казаков	Драгун
1	2	3	4
Ялуторовская	169	4	81
Царево Городище	26	24	5
Суерская	24	22	6
Усть-Суерская	4	13	-
Белозерская	3	2	-
Белоярская	3	23	2
Шадринская	137	10	41
Итого	366	98	133

* Таблица составлена по: РГАДА, ф. 214, д. 100, л. 514-522; Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. Ч. 1. Заселение территории русскими. – Челябинск, 1966. – С. 44.

На общем фоне ярко выделяются четыре основных слободы – Ялуторовская, Шадринская, Суерская и Царевогородищенская.

По данным Ю.М. Тарасова, в 1695 г. в Южном Зауралье было 1417 дворов с населением 4916 душ мужского пола, то есть общее население около 10000 человек **[55]**.

Рассмотрим данные 1710 г. В нашем распоряжении имеются данные по Среднему Приисетью и Среднему Притоболью **[56]**. В слободах Ольховской, Шадринской, Красномысской, Крутихинской, Усть-Миасской, Окуневской, Маслянской, Барневской насчитывалось 2456 крестьянских и бобыльских дворов, в которых проживало 9652 души мужского пола, то есть около 20000 человек обоего пола. В слободах Царево Городище, Белозерской, Иковской, Тебеняцкой, Утятской, Усть-Суерской, Суерской, Емуртлинской имелось 1294 двора (дворохозяев всех социальных категорий), в которых проживало 9646 человек обоего пола. Таким образом, в южной части Зауралья (Приисетье и Притоболье) проживало в общей сложности около 30000 человек. Вполне возможно, что эта цифра может быть увеличена еще на несколько процентов в связи с учетом по исетским слободам только крестьянско-бобыльского населения. По Притоболью эта категория составляла две трети населения. Поэтому полученную сумму можем увеличить примерно на три тысячи человек, то есть получается около 33 тысяч человек. По данным В.И. Шункова, по переписи 1710 г. (сведения сохранились по 43 слободам из 58) в Тобольском уезде насчитывалось 41437 душ мужского пола **[57]**, таким образом, общее население составляло

свыше 80000 человек, тем самым население Зауралья составляло примерно треть от всего населения Тобольского уезда, то есть практически всей Западной Сибири.

Полученные нами данные вполне сопоставимы с приведенными выше данными Ю.М. Тарасова (около 10000 человек). За пятнадцать лет население увеличилось в три раза.

Обратимся к данным В.М. Кабузана по трем первым ревизиям. Хотя указанный автор проделал огромный объем работы по совместимости демографических данных с многочисленными территориально-административными реформами, погрешность в этих данных сохраняется. Она увеличивается также в связи с тем, что мы в своем исследовании строго не придерживаемся формальных административных границ, что, впрочем, и невозможно сделать ввиду их постоянной перекройки в исследуемый период. Поэтому любые количественные выкладки в этой сфере всегда будут носить условный, относительный характер.

Общее количество населения Среднего Притоболья и западных притоков Тобола в пределах основной сельскохозяйственной зоны по первой ревизии (1719 г.) составило по нашим подсчетам 78516 человек **[58]**. По второй ревизии 1743 г. население Зауралья составило 141677 человек **[59]**. Для определения численности населения региона в 1763 г. (третья ревизия) мы взяли за основу территорию будущих Курганского и Ялуторовского уездов Тобольской губернии и Шадринского, Далматовского, Камышловского уездов Пермской губернии. Население составило 195550 человек **[60]**. В тех же территориальных рамках население по четвертой ревизии (1782 г.) составило 299192 человека **[61]**. Сами по себе эти данные не несут значимой исторической информации, для этого необходим широкий сравнительный анализ, сопоставление показателей. Нас, прежде всего, интересует динамика демографических процессов, поэтому проведем сравнительный анализ во временном аспекте.

С 1695 по 1710 гг. население увеличилось на 230%, среднегодовое увеличение составило 15,3%. За следующий период с 1710 по 1719 гг. рост населения составил 137,9%, среднегодовой прирост – 15,3%. С 1719 по 1744 гг. – 80,4%, среднегодовой – 3,2%. С 1744 по 1763 гг. – 38%, среднегодовой – 2%. С 1763 по 1782 гг. – 53%, среднегодовой – 2,8%. Мы видим явную тенденцию снижения темпов роста населения. Среднегодовой показатель свидетельствует о выходе на первое место естественного прироста (обычно считается, что для колонизируемых территорий естественный прирост составлял для этого времени около 1,5-2%, все, что сверх этого показателя – механический прирост). Заметим, что для рубежа XVII-XVIII вв. приведенные нами

данные, мы это уже отмечали, носят условный характер, слишком велика возможная погрешность. Однако показатели весьма красноречиво говорят о действительном превышении механического прироста населения над естественным в период с 1695 по 1719 гг., что вполне корреспондируется с уже приводимыми нами данными о резком росте населения в Сибири и в Зауралье на рубеже XVII-XVIII вв. Примерно со второй четверти XVIII в. можно говорить о снижении притока переселенцев из-за пределов региона.

Региональный анализ должен быть дополнен анализом порайонной специфики движения населения, что позволит более детально представить пространственную структуру демографических процессов в Зауралье, а именно выяснить масштабы и характер внутрирегиональных и межрайонных миграций

Сравним данные 1710 и 1719 гг. по Среднему Приисетью, сведенные в табл. 12.

Таблица 12

Движение крестьянского населения в Среднем Приисетье в начале XVIII в.*

Слободы	Перепись 1710 г.		Перепись 1719 г.	
	дворов	д.м.п.	дворов	д.м.п.
1	2	3	4	5
Ольховская	153	641	130	474
Шадринская	488	1962	581	2076
Красномысская	141	580	149	613
Крутихинская	126	593	158	763
Усть-Миасская	202	650	210	688
Окуневская	224	846	398	1404
Маслянская	417	2084	374	1172
Барневская	320	1140	325	1251

* Таблица составлена по: РГАДА, ф. 214, кн. 1525, л. 1-608; кн. 1526, л. 12-313; кн. 1587, л. 124-190, л. 600-960.

При мвкрорегиональном анализе общее увеличение населения не вызывает сомнения, однако, как только мы «спустились» на более низкий уровень исторического видения, то картина демографических процессов изменяется. Она приобретает новые, ранее не замечвемые подробности. Из приведенной выше таблицы мы видим, что произошло небольшое уменьшение общего количества крвстьянского населения, но в таблице не представлены данные, в частности, по бобылям, а их количество увеличилось. Если рассмотреть объединенную динамику, то в 1710 г. в рассматриваемых слободах проживало 9652 д.м.п. крестьян и бобылей, в 1719 г. – 10608 д.м.п. Увеличение составило за девять лет 9,9%, то есть 1,1% в год, что полностью укладывается в рам-

ки коэффициента естественного прироста. По Зауралью же в целом население увеличилось в достаточно значительных пределах. Наиболее заметно уменьшилось население в двух слободах. В Ольховской слободе – со 153 дворов до 130, с 641 до 474 д.м.п. Такое же уменьшение произошло и в Маслянской слободе. Произошло также и уменьшение средней населенности двора. По Ольховской слободе с 4,2 д.м.п. на двор до 3,6 д.м.п. на двор. По Маслянской – с 4,9 д.м.п. на двор до 3,1 д.м.п. на двор. Эта количественная динамика говорит о реальном уходе населения из слобод, прежде всего в другие рвйоны Зауралья.

Продолжим рассмотрение динамики населения Зауралья с первой по третью ревизии, данные по которым представлены в табл. 13.

Таблица 13

Движение населения Зауралья по данным 1-3 ревизий*

Административные единицы	Ревизии (тыс. чел.)		Прирост %	3-я ревизия (тыс. чел.)	Прирост %
	1	2			
Шадринский уезд Пермской губернии	20,0	23,5	17,6	25,8	9,4
Исетская провинция Оренбургской губернии	23,5	58,9	150,3	73,0	24,0
Ялуторовский уезд Тобольской губернии	-	14,7	-	20,6	40,0

* Таблица составлена по: Кабузан В.М. Население Урала в 20-60 гг. XVIII в.// Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. - Свердловск, 1990. – С. 48; Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII-начале XIX вв. - Омск, 1973. – С. 160.

Принципиально важным в анализе этих данных является показатель среднегодовых темпов прироста населения. Среднегодовой прирост в Шадринском уезде с первой по вторую ревизии составил 0,7%, за следующий промежуток – 0,5%. В Исетской провинции соответственно – 5,8% и 1,3%. В Ялуторовском уезде со второй по третью ревизии – 1,8%. Низкие среднегодовые темпы прироста населения в Шадринском уезде и высокие в соседней Исетской провинции вполне корреспондируются между собой. Мы еще раз можем убедиться в том, что в исследуемый период начинается довольно заметный отток населения из достаточно освоенных районов в районы, где колонизация шла еще полным ходом, это касается и более отдаленных районов, поэтому можно говорить не только о внутри-, но и о межрегиональных миграциях. Т.С. Мамсик отмечает в отношении заселения Южной Сибири, что

«топонимические данные и делопроизводственные материалы свидетельствуют, что преобладающую часть передового отряда сибирских звмлепроходцев (80%) составляли выходцы из Туринского и Тобольско-Тюменского района». И далее, «бассейн рек Томи и Ини (территория Кузнецкого уезда) был в Западной Сибири одним из ранних районов заселения. Именно здесь обнаруживается весьма плотный сгусток поселений, антропонимическая информативность названий которых свидетельствует о клановых связях местного населения с сибиряками Зауралья» **[62]**.

Приведенные нами двнные в целом подтверждвют утверждение В.М. Кабузана: «Ревизии не дают сведения о сильном миграционном движении в Сибирь в 20-60-е годах XVIII в. В указанный период происходит в первую очередь перераспределение населения в пределах района» **[63]**.

При изучении демографических процессов важно использовать помимо данных ревизий дополнительную, уточняющего характерв, информацию. В отношении Зауралья такие сведения могут содержаться в переписи 1749 г., проведенной по приквзу командующего Сибирскими войсками генервлом Х.Х. Киндерманом **[64]**, а также в росписи ревизских душ Исетской провинции для набора драгунских лошадей (с каждых 610 душ по одной лошади) **[65]**.

Одной из наиболее важных слобод в Притоболье в первой половине XVIII в. была слобода Царево Городище. По показателям движения населения и развития этой поселенческой структуры можно сделать некоторые выводы о Притоболье в целом.

Из твбл. 14 видно, что за 39 лет в слободе Царево Городище количество деревень выросло в два раза, а дворов – в 3,5 раза. Происходит рост многодворности поселений (в деревнях, существовавших в 1710 г., дворов стало больше почти в два раза). Наиболее впечатляет рост числа дворов в деревне Утяцкой – с 9 до 71. Все это говорит о росте хозяйственной освоенности территории. Однако обращает на себя внимание еще один факт – сокращение количества дворов в двух деревнях – Смолиной и Вороновой, интересно, что в 1741 г. (по данным анкеты Г.Ф. Миллера) в этих деревнях было больше дворов. Сокращение происходит именно в 1740-е гг. и это касается большей части деревень этой слободы. В этот же период происходит значительное увеличение числа населения самого центра слободы. Поэтому незначительный рост общего количества деревенских дворов в 1740-е гг. при одновременном сокращении этого показателя по конкретным деревням свидетельствует о постепенном притягивании населения к административному центру, концентрации его за счет населения деревень.

Таблица 14

Количество деревень и дворов в слободе Царево Городище в 1710-1749 гг.*

Деревни	Количество дворов		
	1710 г.	1741 г.	1749 г.
1	2	3	4
Село Введенское	-	73	64
Силкина	-	21	23
Курганская	13	31	22
Черемховская	28	49	42
Арбинская	4	12	13
Утяцкая	9	48	71
Комарская	4	12	12
Галкина	-	14	12
Первухина	-	9	8
Чимеева	-	6	10
Красильникова	-	22	20
Смолина	53	89	43
Челнокова	11	42	40
Воронова	21	25	16
Могильникова	-	-	14
Шкоцкая	-	36	48
Белоярская	5	19	15
Сизикова	-	16	13
Чеусова	4	15	13
Усть-Езевская	-	11	11
Итого	152	567	569

* Таблица составлена по: РГАДА, ф. 214, кн. 1526, л. 186-226об; РГАДА, ф. 199, д. 481, т. 2, л. 243-253; Список населенных мест Тобольской губернии. - СПб., 1871. – С. 101-109.

Указанные деревни (Смолина и Воронова) находились в максимальной близости от Царева Городища, что и привело, по всей видимости, к наиболее существенному оттоку населения из этих населенных пунктов. Отмеченные нами процессы достаточно наглядно характеризуют процесс концентрации населения в административном центре слободы как основу процесса градообразования, закончившегося в 1782 г. присвоением Цареву Городищу статуса города.

Рассмотрим демографическое развитие территории между третьей и четвертой ревизиями. В табл. 15 мы включили информацию по прилегающим уездам – Ирбитскому, Верхотурскому и Туринскому, чтобы определить степень сходства или различия соответствующих процессов.

Таблица 15

Движение населения Зауралья в 1760-80-х гг.*

Уезды	3 ревизия	4 ревизия	Прирост в %	Среднегодовой прирост в %
1	2	3	4	5
Камышловский	39874	60202	61,0	3,2
Далматовский	43462	66339	52,6	2,8
Шадринский	39434	60960	54,6	2,9
Ирбитский	38334	52563	37,1	1,9
Верхотурский	33666	43770	30,0	1,6
Пермская губерния	576703	813751	41,1	2,2
Ялуторовский	41265	61362	48,7	2,6
Курганский	31515	50329	59,7	3,1
Туринский	24249	27125	11,9	0,6
Тобольская губерния	278325	366300	31,6	1,7

* Таблица составлена по: Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. - М., 1990. – С. 170, 181.

Своеобразной пограничной количественной гранью является среднегодовой показатель в 2%, примерно соответствующий уровню естественного прироста, как мы отмечали выше. В этой связи четко выделяются две группы уездов, находящихся как бы по обе стороны указанной грани. Первая группа со стабильным местным населением и/или являющаяся поставщиком переселенцев для других территорий – Ирбитский и Верхотурский уезды Пермской губернии, Туринский уезд Тобольской губернии. Вторая группа – Камышловский, Далматовский, Шадринский уезды Пермской губернии, Ялуторовский и Курганский уезды Тобольской губернии. Проведенный нами количественный анализ убеждает в правильности определения основного территориального ядра изучаемого региона. В рамках рассматриваемых количественных закономерностей мы наблюдаем внутреннее единство территории Камышловского, Далматовского, Шадринского уездов Пермской и Ялуторовского, Курганского уездов Тобольской губерний. Указанное единство (повышенный уровень среднегодового прироста населения) проявляется и на фоне общегубернских показателей. Так, доля Камышловского, Далматовского и Шадринского уездов в общем населении Пермской губернии по третьей ревизии составила 21,3%, по четвертой – 23,04%. Доля Ялуторовского и Курганского уездов в общем населении Тобольской губернии по третьей ревизии составила 26,1%, по четвертой – 30,5%. Как видим, доля растет.

Ялуторовский и Курганский уезды Тобольской губернии, Камышловский, Далматовский и Шадринский уезды Пермской губернии выделены нами из числа уездов, примыкавших к восточным склонам Урала, как преимущественно земледельческие, территориально составлявшие территориальное ядро Верхотурско-Тобольского земледельческого района. Население этих уездов составляло по данным третьей ревизии 67,0% от всего населения Зауралья, понимаемого в широком смысле, по данным четвертой ревизии этот показвтель уже составил 70,8%.

Таким образом, Зауралье в узких территориальных рамках в рассматриваемый период (1760-80-е гг.) продолжало в отличие от близких сопредельных территорий оставаться колонизируемым регионом. В этом смысле Зауралье являлось для крестьян, прежде всего ближних земель, притягательным местом жительства, то есть, смеем предположить, и в ментальном плане данная территория обладала внутренним единством.

Рассмотрим движение населения в одном из уездов Зауралья в 1763-82 гг. – Курганском.

Таблица 16

Движение населения Курганского уезда в 1763-82 гг.

Волости	Учтено д.м.п. в 1763 г.	Учтено д.м.п. в 1782 г.	Прирост в % (среднегодовой в %)
1	2	3	4
Усть-Суерская	1962	2466	25,6 (1,3)
Белозерская	1862	2306	26,3 (1,4)
Чимеевская	531	717	35,0 (1,8)
Иковская	2290	3207	40,4 (2,1)
Солтосарайская	542	768	41,7 (2,2)
Царево Городище	3014	4422	46,7 (2,5)
Марайская	1329	1816	36,7 (1,9)
Утяцкая	1754	2761	57,5 (3,0)
Тебеняцкая	436	753	72,7 (3,8)
Моршихинская	338	1991	488,8 (25,7)
Лебяжья	-	1877	-
Пресновская и Пресногорьковская крепости	-	494	-
Всего	14022	23578	68,1 (3,6)

* Таблица составлена по: Колесников А.Д. Указ. соч. С. 178.

В сравнении с данными предыдущей таблицы общий показатель получился чуть большим в связи с учетом в рамках последней только мужского населения. Тем не менее, данные вполне согласуются между собой (отметим, что в первом случае нами были использованы данные В.М. Кабузана, а во втором – А.Д. Колесникова).

В целом по уезду среднегодовой показатвль составил 3,6%, однако, этот показатель получился за счет огромного прироста в Моршихинской волости – 25,7% в год. Усредненный показатель по уезду без данных по последней волости составил 2,2%. Опережающий рост населения мы можем наблюдать в южных и юго-восточных волостях. Самые низкие показатели зафиксированы в северных волостях – Усть-Суерской и Белозерской. Вновь мы сталкиваемся, уже на уездном уровне, с постепенным «сползанием» населения в южном, меридиональном направлении.

Еще одним важным количественным параметром демографических хврактеристик является средняя населвнность двора.

По XVII в. определить точно среднюю населенность двора в Зауралье весьма сложно ввиду отсутствия полных переписных данных. Однако некоторые относительные выводы сделать можно. К примеру, рассмотрим данные по Усть-Ницынской слободе, принадлежавшей Тобольскому Софийскому дому. В 1625 г. в слободе насчитывалось 20 крестьянских дворов с 33 пашенными крвстьянами и тремя оброчными **[66]**. Удвоив количество мужского населения, получаем примерное общее крестьянское население. В результате средняя населенность двора составит 3,6 человека на двор. В 1636 г. в 41 крестьянском дворе проживало 66 человек мужского пола **[67]**. В 1651 г. в слободе имелось уже 143 крестьянских двора с мужским населением в 323 человека **[68]**. Проделав аналогичные первому примеру математические действия, получаем, что в 1636 г. средняя населенность двора составила 3,2 человека, в 1651 г. – 4,5 человека. Имея в виду наличие погрешности в этих данных, более приближенные к действительности показатели чуть больше – на одну-две единицы. Хотя это довольно низкий показатель, но видна и определенная тенденция к увеличению, что вполне естественно для роста семей переселенцев. Н.А. Миненко отмечала характерное для северорусской традиции строительство малых семей, что сохранялось переселенцвми и в Сибири **[69]**. Как отмечают екатеринбургские исследователи: «У старожилов преобладали малые, двухпоколенные семьи, состоявшие из родителей и детей (54,6%)» **[70]**. Такое положение было характерно в определенной степени и для начала XVIII в.

Перепись 1710 г. позволяет нам продолжить анализ населенности крестьянского двора. В табл. 17 представлены данные по крестьянским дворам ряда зауральских слобод.

Таблица 17

Слободы Зауралья по двинным переписи 1710 г.*

Слободы	Крестьянских дворов	Человек	Человек на двор
1	2	3	4
Сонтосарайская	22	163	7,4
Ольховская	153	1206	7,9
Шадринская	488	3909	8,0
Красномысская	141	1164	8,2
Крутихинская	126	1210	9,6
Усть-Миасская	202	1286	6,3
Окуневская	224	1535	6,9
Чумляцкая	16	80	5,0
Тебеняцкая	97	809	8,3
Белозерская	123	990	8,0
Иковская	100	872	8,7
Царево Городище	148	1050	7,2
Утяцкая	84	666	7,9
Усть-Суерская	140	1119	8,0
Суерская	102	609	5,7
Емуртлинская	90	688	7,6
Маслянская	417	4031	9,6
Барневская	320	2227	7,0

* Таблица составлена по: РГАДА, ф. 214, кн. 1525, л. 1-608; кн. 1526, л. 12-313.

Самый высокий показатель средней населенности крестьянского двора в Крутихинской и Маслянской слободах – по 9,6 человека на двор. Самый низкий (5 человек на двор) – в Чумляцкой слободе. Усредненный же показатель по всем слободам составил 7,55 человека на двор. Причем принципиальной разницы между притобольными и приисетскими слободами в данном случае нет (в Приисетье – 7,6, в Притоболье – 7,5).

По другим социальным категориям населения данные переписи 1710 г. показывают следующее (слободы Цврево Городище, Белозерская, Иковская, Тебеняцкая, Утяцкая, Усть-Суерская, Суерская, Емуртлинская): военнослужилые люди (драгуны, пушкари, воротники, казаки) – 6,2 человека на двор; приказная администрвция и духовенство – 5,5 человек на двор. Как видим, показатель несколько меньше.

Рассмотрим временную динамику исследуемого нами показателя на основе сравнения данных переписей 1710 и 1719 гг. В табл. 18 представлены данные по Приисетью с уже подсчитанным средним показателем населенности двора.

Таблица 18

Средняя населенность крестьянского двора в Приисетье в 1710-1719 гг.*

Слободы	Перепись 1710 г. (д.м.п.)	Перепись 1719 г. (д.м.п.)
1	2	3
Ольховская	4,2	3,6
Шадринская	4,0	3,6
Красномысская	4,1	4,1
Крутихинская	4,7	4,8
Усть-Миасская	3,2	3,3
Окуневская	3,8	3,5
Маслянская	4,9	3,1
Барневская	3,6	3,8

* Таблица составлена по: РГАДА, ф. 214, кн. 1525, л. 1-608; кн. 1587, л. 124-190.

В 1710 г. средняя населенность двора составила 4,1 д.м.п. на один крестьянский двор, в 1719 г. – 3,7. Как видим, произошло некоторое сокращение населенности двора. Причина этого, видимо, связана с процессами внутрирегиональных миграций. Тем более, что мы отмечали выше общую тенденцию к смещению населения в более южные районы, для которых исетские слободы выступали одним из главных поставщиков переселенцев, что и приводило к сокращению населенности двора. Но необходимо учитывать еще одно, на наш взгляд, важное обстоятельство. Это военно-политическая обстановка в регионе. Первая половина XVIII в. – это время постоянных массовых башкирских восстаний, в результате которых постоянно страдало русское население значительной части Зауралья, прежде всего Приисетья. Довольно сложно говорить об абсолютных людских потерях, но косвенные данные, сообщения об ожесточенности столкновений, позволяют говорить о том, что эти обстоятельства могли оказать существенное влияние на населенность двора, в частности в Приисетье. Похожая ситуация наблюдается в Притоболье. По данным 1749 г. (перепись генерала Х.Х. Киндермана) средняя населенность двора составила в этом районе Зауралья примерно 6,3 человека на двор **[71]**, что также меньше соответствующего показателя за 1710 г. и 1719 г. Таким образом, в не очень значительных временных пределах мы явно наблюдаем незначительные колебания показателя населенности двора.

В рамках более значительных временных протяженностей в пределах XVII-XVIII вв. рост средней населенности двора в Зауралье (лесостепная земледельческая зона) вполне очевиден. Мы вновь сталкиваемся здесь с различными образами исторической реальности в зависимости от выбранного масштаба – временного или территориального.

Рассмотрим данные 1781 г. (см. данные табл. 10). Средний показатель населенности крестьянского двора в Куртамышской, Таловской и Каминской слободах составил 8,8 человека на двор.

Теперь сравним показатели 1710 и 1781 гг., представленные в табл. 19.

Таблица 19

Средняя населенность двора в зауральских слободах в 1710 и 1781 гг.*

Слободы	Населенность двора (человек на двор)	
	1710 г.	1781 г.
1	2	3
Солтосарайская	7,4	8,23
Ольховская	7,9	12,47
Белозерская	8,0	11,89
Иковская	8,7	9,66
Царево Городище	7,2	7,14
Утяцкая	7,9	8,75
Усть-Суерская	8,0	10,15
Емуртлинская	7,6	9,77

* Таблица составлена по: РГАДА, ф. 214, кн. 1526, л. 12-313; Зольников Н.Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии// Христианство и церковь в России феодального периода. – Новосибирск, 1989. - С. 275-280.

За семь десятилетий средняя населенность двора увеличилась весьма заметно. Если по отмеченным в таблице слободам средний показатель за 1710 г. составил 7,8 человека на двор, то в 1781 г. – 9,7. Исключение составила лишь одна слобода – Царево Городище, в которой произошло небольшое сокращение этого показателя – с 7,2 до 7,14 человека на двор. Подобное явление может иметь, наверное, лишь одно объяснение – процесс градообразования. Центр слободы все больше притягивал население ближней округи, уменьшая людской потенциал сельских населенных пунктов слободы.

На уровне отдельных деревень указанная нами тенденция также имела место. В деревне Шмаковской населенность двора с 1710 по 1781 гг. увеличилась с 9,4 человека на двор до 10,19. В деревне Черемховской – с 5,7 до 10,10. В деревне Барабинской – с 9,3 до 10,22 (данные деревни соответственно представляют слободы Белозерскую, Царевогородищенскую и Утяцкую).

Как отмечает Н.А. Миненко, 3,4-3,5 д.м.п. (примерно 7 человек на один двор. – В.М.) на один двор являлось оптимальным размером для таежной зоны Зауралья **[72]**. На более южных территориях характерны более высокие показатели, как свидетельствует наше исследование.

«Северорусская крестьянская традиция строительства малых семей, успешно сохранявшаяся в условиях относительно плотно заселенной и бедной плодородными землями таежной зоны Западной Сибири, не выжила в столкновении со специфическими условиями сибирского юга» **[73]**. Нельзя не согласиться с данным утверждением.

3.4. ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ

Еще одним из важнейших демографических показателей является половозрастная структура населения. На начальном этапе заселения вполне естественным было преобладание мужского населения. Прежде всего, обратим внимание на свидетельства Г.Ф. Миллера, которые живописно рисуют картину «прибора» женщин в Сибирь, а это было весьма актуально для демографической ситуации колонизируемой территории: «Возвращаясь из Москвы, сибирские казаки подговаривали по дороге и в городах и селах молодых женщин и девушек ехать вместе с ними, обещая им на них жениться или найти хороших мужей. Таким образом, они приводили с собою в Сибирь целые партии в 50 и более человек; большинство женщин, по приезду в Сибирь, оказывались обманутыми и проданными тому, кто за них больше заплатил. Казаки ссылались при этом на какую-то царскую грамоту, по которой им разрешалось это делать, но которую ни не могли предъявить. По этой грамоте первым казакам, прибывшим из Сибири в Москву, разрешалось на обратном пути забирать с собою охочих русских людей с их семьями, этим, однако, им еще не было разрешено соблазнять женщин и девушек и открыто торговать ими, как рабынями» **[74]**.

Довольно вольные условия жизни в Сибири, первоначальное отсутствие реального контроля, в том числе и в сфере морали и правил поведения, приводили к следующим весьма экзотическим явлениям в православной среде первых переселенцев: «Многоженство было распространенным пороком в Сибири, оно не только удовлетворяло похоти зажиточных казаков, но льстило их самолюбию, так как, по татарскому обычаю, повелевавший многими женами и наложницами приобретал тем самым большой почет» **[75]**. Это довольно яркий пример культурной диффузии при столкновении различных культур. Однако православная церковь не могла смириться с подобными явлениями. Далее Г.Ф. Миллер пишет: «Архиепископ обвинял казаков в том, что они во время своих поездок смешивались с татарскими, калмыцкими, остяцкими, вогульскими женщинами и приживали с ними детей» **[76]**. Этнические контакты могли привести к формированию особого сибирского субэтноса, но это отдельная исследовательская проблема. Все-таки

на протяжении XVII в. население Сибири росло за счет механического прироста населения, за счет все новых и новых переселенцев из европейской России, среди которых первоначально преобладали мужчины.

Наглядно показывают преобладание мужского населения среди переселенцев в XVII в. данные переписи 1669 г. приисетских монастырей. Эти сведения представлены в табл. 20.

Таблица 20

Состав переселенцев в приисетских монвстырях в 1668-69 гг.*

Монастыри	Количество душ	
	Мужского пола	Женского пола
1	2	3
Далматовский	94	56
Рафайлов	37	17
Кондинская заимка	21	7
Архангельская заимка	9	2
Итого	161	82

* Таблица составлена по: РГАДА, ф. 214, кн. 535, л. 25-34.

Мы видим практически двукратное преобладание мужчин среди переселенцев.

Как мы отмечали выше, к началу XVIII в. были достигнуты существенныв рвзультаты в заселении края, что не могло не сказаться и на соотношении мужского и женского населения. Проверим наши предположения на основв анализа данных переписи 1710 г., представленных в табл. 21.

Из таблицы видно, что мужское население является преобладающим. Однако это преимущество не столь знвчительно, как было раньше. В трех слободах женское насвление даже больше мужского – в Цареве Городище, Белозерской и Утяцкой. Отметим, что с момента основания этих слобод прошло уже к 1710 г. примерно тридцать лет, Емуртлинская и Тебеняцкая были основаны несколько позже. По данным этой же переписи по исетской Крутихинской слободе на 707 душ мужского пола приходилось 739 душ женского пола.

Таблица 21

Соотношение мужского и женского населения в Среднем Притоболье в 1710 г. (без дворовых и подворников)*

Слобода	Число душ	
	мужского пола	женского пола
1	2	3
Царево Городище	864	885
Белозерская	466	484
Иковская	618	573
Тебеняцкая	356	345
Утяцкая	330	363
Усть-Суерская	540	509
Суерская	557	550
Емуртлинская	419	405
Итого	4150	4114

* Таблица составлена по: РГАДА, ф. 214, кн. 1526, л. 12-313.

Таким образом, некоторые имевшиеся колебания в соотношении мужского и женского населения по отдельным слободам не меняют общей региональной картины примерного равенства мужского и женского населения, что косвенно может свидетельствовать о формировании к этому времени стабильного русского оседлого населения в Зауралье.

Данные большинства переписей (ревизий) XVIII в. не дают возможности точно судить о соотношении мужского и женского населения, так как учету подвергались исключительно мужчины. Тем не менее, некоторые выводы итогового характера можно сделать на основании данных церковной документации по Ялуторовскому дистрикту за 1781 г.

Таблица 22

Соотношение мужского и женского населения приходов Ялуторовского дистрикта в 1781 г.*

Центр прихода (острог, слобода, село)	Количество людей		
	д.м.п.	д.ж.п.	Всего
1	2	3	4
Суерский	1453	1580	3033
Коркинское	661	651	1312
Усть-Суерская	945	1035	1980
Тебеняцкая	695	667	1362
Солтосарайская	713	752	1465
Чернаяское	662	674	1336
Черемховское	839	888	1727
Барабинское	533	591	1124
Утяцкая	1059	1181	2240
Низчернавское	925	1015	1940
Курганская	1591	1722	3313
Шкоцкое	1122	1181	2303
Падеринское	1466	1512	2978
Иковская	1301	1278	2579
Белозерская	1562	1613	3175
Карантинское	704	675	1379
Шмаяовское	946	909	1855
Марайская	886	937	1823
Лебяжья	1965	1517	3482
Мостовское	785	797	1582
Верхсуерская	957	1007	1964
Мокроусово	2055	2072	4127
Кизацкая	1644	1758	3429
Емуртинская	841	801	1642
Ольховское	1025	1133	2058
Уковский завод	1269	1285	2554
Николаевская заимка	999	1117	2116
Ялуторовский (1)	1467	1398	2865
Ялуторовский (2)	841	912	1753
Итого	31911	32558	64496

* Таблица составлена по: Зольникова Н.Д. Указ. соч. С. 275-280.

Из данной таблицы можно сделать один важнейший вывод о том, что соотношение мужского и женского населения достигло оптимального состояния. Однако отметим интересный факт, что в сравнении с данными 1710 г. в трех населенных пунктах мужское население так и осталось преобладающим. Это слободы Тебеняцкая, Иковская и Емур-

тлинская. Видимо, в этом проявлялась местная демографическая особенность, обусловленная, скорее всего, какими-то генетическими особенностями данных локальных человеческих популяций.

Среди демографических характеристик населения важное место занимают возрастные показатели. Однако для изучаемого нами периода выяснить это оказывается весьма трудно, хотя материалы переписей содержат данные о возрасте жителей слобод, ими самими заявленные. Отсутствие в то время системы точной документальной фиксации дат рождения придавало возрастным показвтелям относительный хврактер. Подобное относительное отношение ко времени в целом характерно для традиционного общества. Как отмечает Г.В. Любимова, «также как и время, возраст воспринимался крестьянами в значительной степени как относительная величина... В целом, сама категория «возраст» означала не столько количественное выражение прожитых лет, сколько определенное состояние человека, фиксировавшее уровень его физического, умственного и нравственного развития, включая брачный и социальный статус» **[77]**.

Учитывая указанные обстоятельства, все-таки постараемся определить усредненные показатели возраста населения Зауралья. По XVII в. данные о возрасте крестьянского населения отсутствуют, поэтому мы обратимся, прежде всего, к данным переписей 1710 и 1719 гг.

По данным 1710 г., средний возраст дворохозяев Крутихинской слободы **[78]** составил 49 лет (по самой слободе без деревень – 46 лет, в деревне Загайнова – 52 года, в деревне Дерганова – 48 лет). Несколько меньший показатель характерен для Белозерской, Утяцкой и Царевогородищенской слобод **[79]** – чуть больше 40 лет (например, по Белозерской слободе этот показатель составил 43,6 года, по Утяцкой слободе без деревень – 40 лет). Учитывая не точный, относительный характер этих данных, предположим, что реальный средний возраст дворохозяев как раз находился где-то в районе 40 лет, что выглядит вполне достоверно.

В 1719 г. средний возраст дворохозяев Крутихинской слободы **[80]** несколько увеличился и составил 52 года, что также укладывается в возможную логику развития демографических процессов по мере стабилизации населения на колонизируемых территориях.

Распределение населения по возрастным категориям полностью укладывается в структуру населения традиционного общества. При высоком уровне рождаемости (детская смертность тоже весьма высока) значительную часть населения составляют дети до пятнадцатилетнего возраста. Так, в Крутихинской слободе в 1710 г. (без деревень) **[81]** дети до пятилетнего возраста составляли 20% от всего населения,

а до пятнадцатилетнего возраста – 43%. В 1719 г. **[82]** эти показатели составили соответственно 26% и 48%. Несколько более высокие показатели объясняются погрешностью по причине учета только мужского населения, поэтому, скорее всего, подобная структура населения сохраняла стабильность и мало изменялась в период существования традиционного общества и характерного для него демографического поведения.

Вернемся к тезису об относительности восприятия времени и возраста крестьянским традиционным сознанием. Так исследователь XIX в. Н.П. Григоровский отмечал, что крестьянин, женивший старшего сына, считал себя уже стариком, хотя бы ему и было «еще с небольшим 40 лет» **[83]**. Очень ярко подобное явление может быть проиллюстрировано сравнительным анализом возрастных данных переписей 1710 и 1719 гг. в Крутихинской слободе.

Так в 1710 г. «оброчный крестьянин Фрол Артемьев сын Юровский сказал себе от роду 45 лет», помимо прочих у него зафиксирован старший сын Алексей 14 лет **[84]**. Уже в 1719 г. тот же крестьянин Фрол Артемьевич Юровский сказал, что ему 60 лет, старшему сыну Алексею 25 лет и он уже женат и имеет двухлетнего сына Ивана **[85]**. Еще один пример: в 1710 г. «оброчный крестьянин Михайло Стафеев сын Грачев сказал себе от роду 50 лет», старшему сыну Миките 10 лет **[86]**. Через девять лет в 1719 г. Михайло Стафеевич Грачев назвал себе уже 70 лет, сыну Никите 25 лет, он также женат и имеет сына Ивана двух лет **[87]**. Таких примеров можно привести достаточно много.

Действительно, изменение брачного и социального статуса меняло представления крестьян об их собственном возрвсте. Однако мы встречаем не только увеличение реального возраста, хотя это явление по нашим подсчетам является преобладающим, но и уменьшение, хотя нами зафиксировано всего восемь подобных случаев. Твк, в 1710 г. крестьянин Меркурий Михайлович Пономарев сказал, что ему 50 лет, у него было два ребенка – восьмилетняя дочь Марфа и трехлетний сын Иван **[88]**. К 1719 г. он переселился в село Уксянское и назвался также пятидесятилетним **[89]**. Нечто подобное мы встречаем в случае с еще одним крестьянином Крутихинской слободы, переселившемся между двумя переписями в деревню Татарскую. В 1710 г. Семену Семеновичу Буркову по его словам было 50 лет **[90]**, а в 1719 г. он также заявляет себе такой же возраст **[91]**.

Проведенный нами анализ и приведенные примеры наводят на ряд размышлений. Стабильность в жизни крестьянина, повышение его брачного статуса, превращение в отца или деда со временем увеличивало осознание своего возраста. И наоборот, уменьшение стабильности,

переезд в другое место, приводившее к необходимости как бы начинать все с начала, своего рода «омолаживало» человека, заставляло увеличивать свою жизненную перспективу за счет сокращения осознаваемого возраста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История Сибири. В 5 т. - Л., 1968. - Т. 2; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI-начале XVIII в. - М., 1972 и др.
2. Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. Ч. 1. - Челябинск, 1966; Менщиков В.В., Павлуцких Г.Г., Никитин В.А. Заселение Южного Зауралья в XVII-XIX вв. - Курган, 1992; История Курганской области (с древнейших времен до 1861 г.). Т. 1. - Курган, 1995.
3. Вилков О.Н. Концепции С.В. Бахрушина и В.И. Шункова о характере первоначального периода заселения и освоения Сибири русскими в конце XVI-начале XVIII в. в оценке советской историографии последних лет// Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Сборник научных трудов. - Новосибирск, 1991. - С. 73.
4. Там же.
5. Там же. С. 77.
6. Там же. С. 73.
7. Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII-первой половине XIX века. - Пермь, 1995. - С. 60.
8. Там же.
9. Там же.
10. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI-начале XVII века. - Иркутск, 1990. - С. 94.
11. Там же. С. 116.
12. Там же. С. 117-118.
13. Чагин Г.Н. Указ. соч. С. 36.
14. Там же. С. 38.
15. Там же. С. 43.
16. Там же. С. 45
17. Оборин В.А. Указ. соч. С. 58.
18. Там же. С. 118.
19. Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII-XVIII вв.// Русское население Поморья и Сибири. - М., 1973. - С. 211.

20.РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1526, л. 129-154, 186-245.
21.Покшишевский В.В. Заселение Сибири (Историко-географические очерки). - Иркутск, 1951. - С. 48-49.
22.ГАПШ, Ф. 224, д. 3243, л. 125; Историческое описание Далматовского Успенского мужского монастыря, состоящего в Пермской губернии, составленное Общества истории и древностей российских соревнователем Н. Самойловым. - М., 1830. - С. 4; Плотников Г.С. Описание мужского Далматовского Успенского общежительного монастыря. - Екатеринбург, 1906. - С. 24.
23.Там же.
24.Плотников Г.С. Указ. соч. С. 35.
25.Там же. С. 36-37.
26.РГАДА, ф. 214, кн. 1525, л. 542-548.
27.РГАДА, ф. 214, кн. 1587, л. 778-780.
28.РГАДА, ф. 214, кн. 1525, л. 505-550; кн. 1587, л. 764-780.
29.Статистическое обозрение Сибири. - СПб., 1810. - С. 263; Россия. Полное географическое описание нашего отечества. - СПб., 1907. - Т. XVI. - С. 430; Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. - Тобольск, 1884. - С. 74; РГАДА, ф. 199, д. 481, т. II, л. 243; Кабо Р.М. Города Западной Сибири. - М., 1949. - С. 103; Абрамов Н. Слобода Царево Городище с окрестностями до переименования ее городом Курганом// Тобольские губернские ведомости. – 1860. - № 5. - С. 42.
30.Лапин Н.А. Слобода Царево Городище в XVII в.// Ученые записки Курганского пединститута. Вып. 4. - Курган, 1962. - С. 8; Кондрашенков А.А., Лапин Н.А. Об основании города Кургана// Вопросы истории. – 1962. - № 10.
31.ААН (г. Санкт-Петербург), ф. 21, оп. 4, д. 2, л. 307-308
32.РГАДА, ф. 214, кн. 535, л. 999-999об.
33.Акманов И.Г. Восстание 1662-1664 гг. – первое массовое движение в Башкирии// Крестьянство и крестьянские движения в Башкирии в XVII-XX вв. - Уфа, 1981. - С. 55, 61.
34.Миллер Г.Ф. История Сибири. - М.-Л., 1941. - Т. 2. - С. 546.
35.Кабо Р.М. Указ. соч. С. 22.
36.Завалишин И. Описание Западной Сибири. - М., 1862. - Т. 1. - С. 211.
37.Словцов П. Историческое обозрение Сибири. - СПб., 1837. - Т. 1. - С. 187.
38.Дополнения к актам историческим. Т. VII. - С. 361.
39.Кондрашенков А.А. Зауральские слободчики XVII в.// Сибирь периода феодализма. Вып. 2. - Новосибирск, 1965.

40.Титов А. Сибирские летописи. - М., 1907. - С. 28-29, 43-44.
41.Книга Большому Чертежу. - М.-Л., 1950. - С. 187.
42.Трофимов С.В., Коновалов Ю.В. К вопросу о дате основания города Кургана и его основателе// 50-летие историко-правоведческого факультета Курганского государственного университета. Мвтериалы межрегиональной научно-практической конференции. - Курган, 2002. - С. 38-39.
43.История Курганской области (с древнейших времен до 1861 г.). Т. 1 - Курган, 1995. - С. 120.
44.РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 261, л. 1594.
45.Там же.
46.Трофимов С.В., Коновалов Ю.В. Указ. соч. С. 38.
47.Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII-первая половина XIX в. - М., 1984. - С. 43.
48.Там же. С. 45.
49.Там же. С. 45-46.
50.Там же. С. 121.
51.Кондрашвнков А.А. Крестьяне Зауралья... - С. 46.
52.РГАДА, ф. 214, кн. 1525, л. 549об.
53.РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1526, л. 129-154, 186-226об.
54.РГАДА, ф. 214, кн. 1525, л. 509об.
55.Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 40.
56.РГАДА, ф. 214, кн. 1525, л. 1-608; кн. 1526, л. 12-313.
57.Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII-начале XVIII веков. - М.-Л., 1946. - С. 93-94.
58.Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. - М., 1990. - С. 73, 74, 77.
59.Там же.
60.Там же. С. 170, 181.
61.Там же.
62.Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: формирование агропромысловых структур. - Новосибирск, 1989. - С. 50-51.
63.Кабузан В.М. Указ. соч. С. 130.
64.Список населенных мест Тобольской губернии. - СПб., 1871. - С. 101-109.
65.ГАГШ, ф. 224, д. 530, л. 12-13.
66.Тобольский архиерейский дом в XVII веке. - Новосибирск, 1994. - С. 75-77.
67.Там же. С. 128-130.

68. Предисловие// Тобольский архиерейский дом в XVII веке. - С. 32.
69. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири. - Новосибирск, 1979. - С. 47.
70. Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII-XIX вв. - Екатеринбург, 1996. - С. 120.
71. Список населенных мест... - С. 101-109.
72. Миненко Н.А. Указ. соч. С. 47.
73. Там же.
74. Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 72.
75. Там же.
76. Там же. С. 73.
77. Любимова Г.В. Возраст и время в традиционном мировосприятии крестьян-сибиряков// Сибирский этнографический вестник. - № 1. - Новосибирск, 1999// www.sati.archaeology.nsc.ru
78. РГАДА, ф. 214, кн. 1525, л. 505-550.
79. РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1526, л. 129-154, 186-245.
80. РГАДА, ф. 214, кн. 1587, л. 766-780.
81. РГАДА, Ф. 214, кн. 1525, л. 505-550.
82. РГАДА, ф. 214, кн. 1587, л. 766-778об.
83. Григоровский Н.П. Крестьяне-старожилы Нарымского края// Записки Западно-Сибирского отдела РГО. - Омск, 1879. - Кн. 1. Цит. по: Любимова Г.В. Возраст и время...
84. РГАДА, ф. 214, кн. 1525, л. 507об.
85. РГАДА, ф. 214, кн. 1587, л. 775об.
86. РГАДА, ф. 214, кн. 1525, л. 508.
87. РГАДА, ф. 214, кн. 1587, л. 775об.
88. РГАДА, ф. 214, кн. 1525, л. 507.
89. РГАДА, ф. 214, кн. 1587, л. 780.
90. РГАДА, ф. 214, кн. 1525, л. 509об.
91. РГАДА, ф. 214, кн. 1587, л. 782.

Глава 4. Социально-экономическое развитие региона

4.1. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫСЛОВЫХ СТРУКТУР

Центральным, интегрирующим процессом в ходе колонизации определенной территории является хозяйственное освоение, так как в ходе его происходит создание устойчивых жизнеобеспечивающих хозяйственных структур на колонизируемых территориях. Иначе говоря, именно в результате процесса хозяйственного освоения пришлое население становится оседлым («местным») населением.

Как отмечает О.Н. Вилков, «несомненно, что одним из главных факторов, вызвавших в XVI-XVII веках присоединение сибирской территории, были торговые и промышленные интересы, толкавшие северорусских поморов «за Камень» в поисках пушнины, на которую властно предъявляли свои требования рынки Западной Европы, Персии и позднее – Китая» **[1]**. Наличие пушных запасов, прежде всего, в таежной зоне, характер пушного промысла (постоянное перемещение промысловиков) не давали возможности создания прочной материальной, хозяйственной базы для районов постоянного оседлого проживания русского населения. Это требовало поставок большого количества хлеба из Европейской России, что было весьма неэффективно ввиду неразвитости путей массовой коммуникации и больших расстояний. Окончательное присоединение Сибири к России, ее интеграция в состав российского общества могли произойти только при достаточной собственной земледельческой базе, то есть земледелие являлось необходимым условием освоения всей Сибири в целом и включения ее в состав России.

Хотя пушнина и влекла русских переселенцев в Сибирь, но для Зауралья это не было определяющим мотивом. Лишь однажды в Указе царя Федора Ивановича 1586 г. говорилось о сборе ясака с упоминанием «илецких» белок **[2]**. В Среднем Притоболье до сих пор существует большой лесной массив, называемый «Илецким» или «Илецко-Иковским» бором. Возможно, что именно о белках этой территории говорилось в царском Указе. Тем не менее, это не является неоспоримым фактом, так как топоним «илецкий» не является уникальным. Имеется несколько подобных топонимов (прежде всего, гидронимов) на Южном Урале и Предуралье – Илек, Ик и т.п. Поэтому невозможно

категорично заявлять о важном промысловом значении упомянутой территории Зауралья.

Пушной промысел, конечно, имел место, об этом уже говорилось во второй главе (жители Ирбитской и Невьянской слобод Королевы и Шипицыны на землях будущего Далматовского монастыря занимались промыслом выдр и бобров **[3]**), но этот промысел не сыграл определяющей роли в создании жизнеобеспечивающих систем как базы для значительного притока русского населения. Значение пушного и зверового промысла заключалось в самом факте проникновения русских первопроходцев в зауральские земли. Промысловики являлись пионерами колонизационного процесса, постоянно отодвигая «фронтир» все дальше и дальше. Но территория Зауралья не могла стать постоянным источником товарной пушнины, природно-географическая среда создавала благоприятные условия для развития здесь, прежде всего, земледельческого и животноводческого хозяйства.

До прихода сюда русских местное население развивало здесь кочевое и полукочевое скотоводство. Но, как мы уже отмечали выше, объективные условия природно-географической среды и их восприятие новоприходцами неизбежно привело к созданию в Зауралье крупного хлебопроизводящего района Сибири.

Земледелие. При высоких темпах продвижения русских переселенцев вглубь Сибири хозяйственное освоение новых территорий, безусловно, не успевало за стремительно продвигающимся «фронтиром». Тем не менее, земля вокруг первых русских поселений сразу же стала вводиться в хозяйственный оборот. Не только переселявшиеся крестьяне, но и служилые люди в Сибири активно занимались хлебопашеством. Это было жизненно необходимо, ввиду крайней сложности в обеспечении продовольствием растущего населения Сибири.

Государство организовало обязательные поставки хлеба из европейской России уже с конца XVI в. В грамоте царя Федора Ивановича воеводе В.П. Головину о сборе с поморских городов хлебных запасов для отправки в Сибирь, о посылке туда «посошных людей» для постройки амбаров, житниц и судов от 15 декабря 1597 г. говорилось: «И всего велено отвести з городов с Перми, и с Вятки, с Выми, с Солей Вычеготских, с Устюга Великово в новый город на Верхотурье четыре тысячи восемь сот десять четей муки ржаной, 746 четей толокна и 746 четей круп. А под хлебные запасы 2099 подвод с «посошными людьми» **[4]**. Распределение данной повинности по различным поморским центрам было следующим. Пермская земля – 2055 четей муки и различных круп, 685 подвод; Вятская земля – 1951 четей муки и круп, 650 подвод; Вымь – 339 четей муки и круп, 113 подвод; Соль Вычегодская

– 680 четей муки и круп, 226 подвод; Устюг Великий – 1277 четей муки и круп, 425 подвод **[5]**. На первом месте по объемам поставки продовольствия стоит Пермская земля, что вполне объяснимо, так как она максимально близко была расположена к Сибири, затем шла Вятская земля, как раз следующая по близости к Зауралью. Распределение поставок продовольствия оказывалось подобным распределению мест выхода переселенцев в Зауралье (более подробно об этом сказано в гл. 3).

Но указанные мероприятия оказывались в высшей степени не эффективными, в частности, по причине значительной растянутости коммуникаций. Поэтому развитие собственного сибирского земледелия, создание внутрисибирской продовольственной базы являлось поистине государственной задачей. Это и обусловило темпы хозяйственного освоения восточных территорий.

Как отмечает Я.Е. Водарский, «темп земледельческого освоения Урала был весьма высоким: в XVII в. – 2,5 млн десятин, в XVIII в. – почти 4... Всего за два столетия было освоено 7,5 млн десятин. Лес, покрывавший в XVII в. больше половины территории, был вырублен на пространстве около 12 млн десятин» **[6]**. Справедливости ради отметим, что указанные темпы уничтожения лесов на Урале были обусловлены не только, а скорее не столько, земледельческим освоением, а потребностями горнозаводской промышленности этого региона. Но темпы освоения действительно были достаточно высокими, особенно это проявлялось на начальном этапе. Так, данные 1625 г. по ближним вотчинам Тобольского архиерейского дома показывают двойное увеличение за год крестьянской запашки – с 13,75 до 25,75 четей (четь – 1/2 десятины) **[7]**. В любом случае, XVII-XVIII вв. стали определяющим временем в сельскохозяйственном освоении Урала и Сибири. Уже в 1685 г. было принято решение о прекращение обязательных поставок продовольствия в Сибирь.

Главным элементом формирующейся хлебопроизводящей системы было, конечно же, крестьянское хозяйство. Именно крестьяне-переселенцы стали центральным звеном в хозяйственном освоении Сибири. Хотя первоначально далеко не последняя роль в этом процессе принадлежала другим категориям населения – казакам, стрельцам, посадским и др. Но по мере русского освоения сибирского субконтинента роль крестьянства постоянно возрастала. Это убедительно доказывают данные, приводимые О.Н. Вилковым. По его подсчетам, в 1624 г. среди тобольских посадских людей пашню имели 31 человек (44,4%), а в 1698 г. тяковых оказалось 68 человек, но они составляли всего 22% **[8]**. Та же самая тенденция касалась и служилых людей, причем в боль-

шем масштабе. Если в 1624 г. пашню имели 26% тобольских служилых людей, то в 1700 г. всего 5% **[9]**.

К концу XVII в. на территории Зауралья (Верхотурско-Тобольский земледельческий район по классификации В.И. Шункова) было сосредоточено 75% всех крестьян-дворохозяев Сибири (8280). В это же время с 77291 десятины собиралось здесь примерно 315764 8-пудных четвертей хлеба в год **[10]**. Таким образом, именно Зауралье стало основной хлебопроизводящей базой Урало-Сибирского региона уже в XVII в. Это определялось и высоким уровнем товарности земледелия в Верхотурско-Тобольском земледельческом районе. На Тобольский рынок приходило 14,3% всего хлеба, производимого в Тобольском уезде. Причем, как отмечает О.Н. Вилков, реальный уровень товарности был еще выше, так как в приведенном показателе не учтены закупки хлеба, непосредственно производимые в слободах **[11]**.

Регулирующая функция государства в хозяйственном освоении сибирских территорий проявлялась, в частности, в организации так называемой «десятинной пашни» – своеобразной формы отработочной ренты (барщины) в пользу государства, весь урожай с которой направлялся на обеспечение, прежде всего, служилого населения сибирских острогов неземледельческой зоны освоения. Проблема продовольственной обеспеченности гарнизонов острогов постоянно находилась в центре внимания приказной и воеводской администрации. В деловой переписке часто обращалось внимание на возможность заведения пашни вокруг новых острогов и других русских поселений. Так, например, в грамоте тобольским воеводам князю Ю.Я. Сулешову и Ф.К. Плещееву от 19 января 1625 г. говорилось: «А про пашню в Кузнецком остроге, можно ли пашня завесть, учинил бы ты, боярин наш князь Юрий Яншеевич, по своему высмотру, как достоит, мочно ли в Кузнецком остроге пашня завесть, и прочно ли будет» **[12]**. Не всегда ответ на подобные вопросы был утвердительным. Многочисленные попытки ввести пашню возле Пелыма закончились безрезультатно – вечная мерзлота, скудость почв, слишком короткий вегетативный период стали непреодолимым препятствием на пути земледельческого освоения значительной части таежной Сибири. Поэтому усилия по развитию аграрного производства переселенцев и администрации были успешны лишь там, где имелись благоприятные природно-климатические условия.

В отписке кетского воеводы стряпчего Д.И. Хрущова от 25 ноября 1664 г. писалось: «... ис твоих, великого государя, русских городов с Устюга Великого, от Соли Вычегоцкой, с Ваги, и с Еринского горотка, и с Вятки, и с Пустозерского острогу крестьяне з женами и з детми идут

многие в сибирские городы». И дальше воеводв предлагает: «... теми людми мошно пахотных зввесть... и твой, великого государя, острог лзя прокормить и бес тоболской присылки, и пашни твои, великого государя, мошно завесть многие» **[13]**. Воеводская администрация пыталась перенимать опыт заведения государевой пашни в Тобольском уезде. Тем не менее, Тобольский уезд и Зауралье, в частности, оставались на протяжении всего XVII в. главным центром сибирского земледелия.

В.И. Шунков отмечал, что «пашенные крестьяне (т.е. работавшие на десятинной пашне в XVII в. – В.М.) жили в 22 слободах Тобльского уезда в количестве 4390 дворов, равняясь по величине половине всех государственных крестьян, в 3 раза превышая численность хлебооброчных и на одну треть денежнооброчных» **[14]**. Обратим внимание на то, что среди оброчных крестьян явно преобладали те, кто выплачивал денвжный оброк, что убедительно доказывает вктивное развитие товарно-денежных отношений на вновь осваиваемых территориях. Видимо, сложности жизни (растянутость коммуникаций, нехватка рабочей силы, этнополитическая нестабильность и т.п.) делали в конечном итоге более эффективной денежную форму ренты, нежели натуральную.

Однако сами крестьяне тяготились обработкой десятинной пашни, стремясь перейти на разные формы оброка. Это видно из анализа крестьянских челобитных, проведенного А.А. Преображенским: «В 1690 году шадринский приказчик получил из Тобольска грамоту, в которой содержалось решение по челобитью 18 крестьян Шадринской слободы. Крестьяне просили «десятинную пашню свои жеребьи пахать на своих собинных пашнях для их скудности и дальнего расстояния, а семена б им имать из государевых житниц». Подобные челобитные были и от других шадринских крестьян: Лазарь Коростин и вго товарищи писали, что живут от Шадринской слободы далеко (25 верст). Поэтому во время работ на десятинной пашне «во все годы они находили и севами своими опаздывают, и от того они разорились до конца». В результате эти крестьяне были переведены на оброк. Затем еще 2б крестьян в том же 1690 г. добились перевода на хлебный оброк. Таким же образом действовали крестьяне Маслянской и других зауральских слобод **[15]**.

В конце XVII в. местная воеводская администрация все чаще начинает сразу предусматривать хлебный или денежный оброк в наказных грамотах на основание новых слобод. В подобной грамоте на основание Крутихинской слободы в 1684 г. сразу оговаривался денежный оброк **[16]**. То же самое содержалось и в грамоте на основание Солтосарай-

ской слободы в 1693 г.: «И Великие Государи пожаловали бы их велели б на том месте порожжем вновь построить слободу из денежного оброку» **[17]**.

Но администрация не могла сразу отказаться от десятинной пашни. В указанных выше документах нередко наряду с денежным оброком упоминалась и десятинная пашня. А.А. Преображенский отмечал, что «на юге Тобольского уезда и во второй половине XVII в. администрацией усиленно внедрялась в новых пунктах десятинная пашня» **[18]**, что объяснялось, видимо, обилием довольно плодородной земли. Здесь мы сталкиваемся с аналогом тенденции, проявлявшейся в Европейской России – дифференциацией форм феодальной ренты в зависимости от качества и плодородия земли (преобладание форм отработочной ренты в Черноземье).

Однако, если рассматривать данное явление в динамике, то к рубежу XVII-XVIII вв. явно намечается тенденция к увеличению числа хлебо- и денежнооброчных крестьян. В 1667 г. в Тобольском уезде насчитывалось 76 оброчных дворов, а на десятинной пашне – 890 дворов (соответственно – 8,2% и 91,8%). Через 14 лет, в 1681 г., 501 двор (23,8%) был хлебооброчным, на десятинной пашне – 1591 двор (76,2%) **[19]**. Доля оброчных дворов возросла почти в три раза. В это время полностью хлебооброчными были, например, следующие зауральские слободы – Белозерская, Белоярская, Суерская, Царево Городище, Утятская. Росло число и денежнооброчных слобод, к началу XVIII в. таковых уже насчитывалось 40% **[20]**. По данным «Ведомости сибирских городов» 1701 г. в Тобольском уезде в 22 слободах было 3526 крестьян, работавших на десятинной пашне, оброчных же насчитывалось 323 человека, но в 43 слободах **[21]**. По ряду городов это соотношение было следующим: Тюмень – пашенных крестьян было 370 человек, оброчных – 347; по Верхотурью пашенных 1151, оброчных – 295; в Туринске насчитывалось 553 пашенных крестьянина, оброчных – всего 58 человек **[22]**. Разброс в показателях довольно велик.

Последние данные при первом рассмотрении не совсем согласуются с вышеприведенными. Но, во-первых, в этом документе не указано число денежнооброчных крестьян и слобод, поэтому определить точно долю пашенных и оброчных крестьян не представляется возможным. Во-вторых, как мы уже отмечали, воеводская администрация не отказывалась от заведения десятинной пашни и стремилась, где это было возможно, ее создавать. Вполне возможно, что в данный промежуток могло произойти временное увеличение доли пашенных крестьян. И, наконец, в-третьих, все-таки отмеченная нами тенденция увеличения значения оброка в процессе формирования государственных

хлебных запасов, в конечном итоге, находит подтверждение и в этом документе. Здесь отмечено 43 оброчных слободы, в то время как пашенных – всего 22 (практически двукратное преобладание).

Размер десятинной пашни определялся не произвольно. Первоначально предполагалось установить следующее соотношение – одна десятина «государевой» (десятинной) пашни на четыре десятины «собинной» (собственно крестьянской) запашки **[23]**. Однако наличие большого количества свободной земли и, как следствие, практика захватного землепользования приводили к тому, что данное соотношение, как правило, не соблюдалось. К началу XVIII в., по данным А.А. Кондрашенкова, в Западной Сибири соотношение десятинной и «собинной» пашни было 1 : 5,5 **[24]**. В наказных «памятях» (грамотах), упоминавшихся нами выше, соотношение традиционное – 1 : 4: «Которые крестьяне уговорятся... десятинные пашни пахать на выть на две десятины с четью... а собинные на себя пахать пашни на десяти десятин в поле, а в дву потому ж. А которые крестьяне уговорятся на полвыти на десятину с получетью и тем крестьянам... собинной их пашни на себя пахать по пяти десятин в поле, а в дву потому ж» **[25]**. Отметим, что при определении соотношения за основу берется государственный интерес, а именно объем повинности – обязательство пахать определенный размер десятинной пашни, в зависимости от этого крестьянину разрешалось иметь в пользовании определенный участок «собинной» запашки. Но в действительности, как мы уже отметили, в условиях захватного землепользования крестьяне имели в хозяйственном обороте больше земли, чем это определялось в официальных документах. В конечном итоге в 1721 г. сибирский губернатор князь Черкасский приказал определять размеры отработок крестьян независимо от количествв земли, находящейся в пользовании того или иного земледельца **[26]**.

Регулирующая функция государства проявлялась также в предоставлении крестьянам-переселенцам различных льгот, что также способствовало убыстрению темпов хозяйственного освоения Звуралья. «Первоначально поселенцу, который должен был, помимо заведения своего личного хозяйства, отбывать государственные повинности в виде государственной десятинной пашни и государевых изделий, предоставлялись земли, временная льгота, подмога и ссуда», – отмечал В.И. Шунков **[27]**.

Данные о льготах мы можем, прежде всего, найти в наказных грамотах. В такой грамоте на основвние Солтосарайской слободы говорилось: «А которые крестьяне договорятся вытные пашни пахать и больши или меньше и тем крестьянам денежного оброку в казну платить и

собинные на себя пашни пахать по расчету и льготы им давать по Указу на год и на два» **[28]**.

Наказные грамоты на основание слобод (Крутихинской, Иковской и др.) примечательны тем, что в них имелась дифференциация льгот в зависимости от того, на какой размер оброка, денежного или хлебного, соглвсится крестьянин: «... уговорится чтобы, хто учнет платить в казну Великих Государей денежного сбору полтора рубли, и тем льготы давать на год, а хто учнвт платить по двадцати по пяти алтын, и тому льготы давать на полгода, а хто учнет платить по двадцати и меньше, и тому давать потому ж, по расчету» **[29]**.

Льготы предоставлялись также и индивидувльно, конкретному крестьянину, который желал завести собственное хозяйство. Примером этому могут служить вкладные записи Далматовского монастыря. Вот выдержка из одной из них: «Се аз Аитон Еремеев, урождением Важенин... порядился... жить... у них старцев на их вотчинской земле с женою и детьми своими вечно без выезду, а дали они старцы – игумен Исаак с братиею, на два года льготы...» **[30]**.

Наиболее часто повторяющиеся временные промежутки льгот – от полугода до двух лет. Но были и больше – четыре года для первых поселенцев Шадринской слободы. Таким образом, администрация давала переселенцам возможность обзавестись хозяйством, встать на ноги, сделать определенный задел на будущее, а уже более или менее обжившиеся крестьяне вполне могли справляться с налоговым бременем. Однако система льгот имела и другие последствия. Многие крестьяне, прожив льготный период на одном месте, уходили на новые, еще не обжитые земли. А на уже созданное хозяйство приходили представители следующей волны переселенцев. Это и порождало процесс так называемой «ползучей» колонизации, постепенного и поступательного освоения вновь присоединяемых территорий.

Как справедливо отмечает Л.В. Милов, «русский крестьянин, как и все земледельцы средних широт, ориентировался исключительно на тот довольно большой и сложный комплекс традиций земледелия, завещанный ему предшествующими поколениями» **[31]**, поэтому, переселяясь на новые территории, русское крестьянство неизбежно переносило с собой и свои традиции земледвлия. Как утверждает тот же Л.В. Милов, «русское крестьянство... на каждом этапе развития общества получало в области земледелия уровень урожайности основных земледельческих культур, явно не соизмеримый с громадной массой вложенного труда», исходя из этого положения, исследователь делает вывод, что указанное обстоятельство делало крестьянина «еще более приверженным традиции и обычаю в области агрикультуры, заставля-

ло его в стремлении к росту прибавочного продукта идти преимущественно лишь по пути постоянного расширения производственных площадей» **[32]**. Нвчавшееся с XVII в. освоение огромных сибирских территорий существенно укрепило традицию экстенсивного развития русского земледелия. Эта традиция получила рввзитие в Сибири в целом и Зауралье в форме так называемого «захватного» землепользования.

В документах XVII в. мы постоянно встречаем формулу, уже приведенную нами: «... в одном поле, а в дву потому ж», что наталкивает на мысль о полном господстве трехпольного севооборота в Сибири уже в это время. Для подобного утверждения имеются логические основания. В отечественной исторической литературе достаточно давно существует мнение о том, что трехпольный севооборот окончательно утвердился в европейской России в XV-XVII вв. Поэтому привнесение его в Сибирь вместе с переселенцами из Поморья выглядит вполне очевидным. Однако конкретно-исторический и историографический анализ корректирует наши представления о судьбах классического трехполья в Зауралье.

Известная исследовательница поморских и сибирских традиций земледелия И.В. Власова отмечала, что северорусские крестьяне знали трехпольный севооборот, но мехвнический перенос его в Сибирь был невозможен из-за особых природно-климатических условий новой территории. «Развитие земледелия пошло по линии сочетания нескольких систем: трехполья и исторически более раннего перелога. Известная традиционная форма учета земельных угодий в официальных докумеитах, принятая и сибирской администрацией, — «в поле, а в дву потому ж» – не означала господства трехполья, точно так же, как широкое распространение перелога не свидетельствовало о его господстве» **[33]**.

По утверждению Л.В. Милова, «традиционализм в области земледельческой культуры сочетался с необыкновенным умением русского крестьянина приспособиться к тем или иным местным условиям и даже превртить недостатки в своего рода достоинства» **[34]**. Как раз в Сибири в целом и в Зауралье, в частности, зти умения крестьян-переселенцев и проявились. Как отмечает И.В. Власова, «в целом Западную Сибирь по распространению систем земледелия можно разделить на две зоны: северную таежную и южную степную и лесостепную. В первой в условиях малоземелья развивалось трехполье, во второй при многоземелье – залежное хозяйство в сочетании с паровыми севооборотами» **[35]**.

В первоначальный период освоения сразу вводить трехполье, конечно же, было невозможно. Переселенцам необходимо было распа-

хивать целинные земли. В этом случае нередко использовались и методы одной из самых архаичных систем земледелия – подсечно-огневой. Еще в XIX в. исследователи отмечали существование в Тобольской губернии элементов данной системы: «В Тобольском округе деревья «чертят» или «подсачивают», то есть снимают с них пояски до древесины... Особенно скоро гибнет от этой операции березовый лес, древесина и корни которого уже через 2-3 года после этого превращаются в труху и легко удаляются из почвы. Несколько долее сохраняется осина... наконец корни хвойного леса гниют медленнее других» **[36]**. Учитывая особенности ландшафта Зауралья, – преобладание березовых и осиновых лесов, при значительной доле сосновых боров, – указанная техника являлась вполне эффективной и жизнеспособной.

Одним из первых хозяйственных комплексов Западной Сибири были владения Тобольского архиерейского дома. Уже в 1625 г. в его владении находился комплекс деревень. Крестьянская запашка в ближних вотчинах составляла 39,5 четей в двух полях (19,75 десятины), то есть озимое и яровое поля. Так называемая софийская пашня – 20,5 четей (10,25 десятины). Общий же размер пустошей составлял 410,5 четей (205,25 десятины) **[37]**. Как видим, какого-либо «правильного», классического трехполья здесь не просматривается.

Наиболее развитой в хозяйственном отношении слободой во владениях Тобольского архиерейского дома была Усть-Ницынская. На основании данных 1625 г. по этой слободе мы можем более определенно говорить о существовавших в то время системах земледелия в Зауралье. Внвчале приведем информацию по нескольким наиболее характерным крестьянским хозяйствам этой слободы. «У Семейки Самойлова роспахано земли семь десятин. Ужал ржи з дву десятин... Да ярового хлеба ужвл з дву десятин...» **[38].** Отметим, что рожь в данном случае была озимой. В результате под паром оставалось три десятины крестьянской запашки. Еще один пример. «У Серешки Денисова роспахано земли шесть десятин. Ужато ржи з десятины... Да ярового хлеба ужал с трех десятин...» **[39].** Здесь несколько иное соотношение: под озимыми одна десятина, яровое поле занимает три десятины, под паром – две десятины. А, к примеру, оброчный крестьянин Микитка Моисеев имел лишь одну десятину ярового поля **[40]**.

Теперь рассмотрим общие показатели по Усть-Ницынской слободе. Всего крестьянской запвшки в трех полях насчитывалось 181,5 десятины. Яровое поле занимало 64,5 десятины, озимое – 55,5 десятины, в третьем поле – 58 десятин **[41]**. Полного равенства, как мы видим, здесь нет, однако данное соотношение размеров полей вполне

вписывается в традиционное представление о трехполье.

Трехпольный севооборот предусматривает не только наличие озимого, ярового полей и пара, но и постоянную практику применения удобрений (навоз) на паровом участке. Но, как отмечают исследователи, в Сибири в XVII, да в значительной мере и в XVIII в. унаваживались в лучшем случае лишь участки, расположенные максимально близко к соответствующему населенному пункту. В дальние поля практически не вносилось органических удобрений. Тем не менее, земля нуждалась в культивации и периодическом повышении плодородия. В этих условиях наиболее приемлемой и эффективной становилась залежно-переложная система земледелия.

В 1771 г. академик Фальк так описывал земледелие в Исетской провинции: «Главнейшие промыслы суть земледелие... полей по причине хорошей земли не удобряют, но если она от 5 или 6-летнего употребления истощится, то оставляют ее на такое же время или долее в пару и берут новую землю; от того нивы лежат разсеяно, часто расстоянием на 50 верст от жилья» **[42]**. Фальк также описал характерную для залежной системы земледелия практику выжигания новых или ранее заброшенных степных участков полей: «Здесь прежде старую в степях траву выжигали, но как от сего происходит для лесов вред, и могут возпоследовать пожары, то сие выжигание степей запрещено; но поелику оно очищает степи, разогревает землю и удобряет ев золой, то продолжается еще и доныне» **[43]**. Как видно из приведенных отрывков, перед нами практически классическая система залежно-переложной системы земледелия, бытующей в Зауралье даже в конце XVIII в.

Безусловно, что указанная система существовала и в XVII в. В.И. Шунков приводит данные 1695 г. по Катайской слободе, свидетельствующие о применении зауральскими земледельцами перелога. По 11 населенным пунктам слободы нвсчитывалось 502 десятины «собинной» запашки, в то же время перелог составлял 4320 десятин. Перелог превышал находящуюся в непосредственном хозяйственном обороте землю в 8,6 раза **[44]**. Практически 40-летнее освоение катайских земель не привело к установлению классического трехполья, что еще раз доказывает, что формирование трехпольного севооборота в Европейской России определялось, в том числе, сокращением фонда свободных земель, а в условиях зауральского многоземелья традиционное трехполье оказывалось менее эффективным. Это лишний рвз подтверждает правильность выводов по районированию западносибирских систем земледелия И.В. Власовой (мвлоземелье лесных территорий – трехполье, многоземелье лесостепи и степи – рвзные варианты

перелога), процитированных нами выше.

Более детальная информация по Катайской слободе содержится в табл. 23.

Таблица 23

Земельные ресурсы Катайской слободы в 1695 г.*

Поселения	«Собинной» пашни, в десятинах	Перелога, в десятинах
1	2	3
Катайский острог	117,50	560
Катайка	122,25	650
Филинская	22,00	340
Панкратьевская курья	16,00	350
Микитина	26,50	400
Синарские (две)	10,00	150
Трестовка	14,00	260
Гаврилювская	55,25	360
Бабина	13,50	250
Мартюшева	28,00	300
Черемисская	77,00	700
Итого	502,00	4320

*Таблица составлена по: Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. - М., 1974. - С. 110.

Обратим внимание в данной таблице на то, что чем меньше размер «собинной» пашни, тем больше размер перелога, и наоборот. Например, в Панкратьевской курье перелог превышает крестьянскую запашку более чем в 20 раз. В данном случае это свидетельствует о продолжающемся процессе хозяйственного освоения в условиях многоземелья и активного использования переложной системы земледелия.

В XVIII в., как было нами отмечено выше, залежно-переложная система продолжалв функционировать в Зауралье и в Западной Сибири в целом. Об этом могут косвенно свидетельствовать данные 1760-х гг., когда буквально за два года (с 1765 по 1767 г.) статистика показала значительное увеличение размеров пашни. Эти данные представлены в табл. 24.

Таблица 24

Рост размеров пашни в Западной Сибири в 1765-1767 гг.*

Уезды	Имелось пашни в 1765 г., в десятинах	Имелось пашни в 1767 г., в десятинах	Рост
1	2	3	4
Тобольский	16153	25909	В 1,6 раза
Верхотурский	2912	4939	В 1,7 раза
Ишимский	33075	48078	В 1,5 раза
Ялуторовский	12474	34387	В 2,8 раза
Итого	64614	113313	В 1,8 раза

*Таблица составлена по: Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII вв. Ч. 2. - Челябинск, 1969. - С. 71.

Данный совершенно беспрецедентный скачок в размерах пашни А.А. Кондрвшенков и М.М. Громыко объяснили тем, что до 1765 г. земли, отведенные под пар, в подобной статистике не учитывались, с изменением принципов подсчета произошло резкое увеличивние показателей **[45]**. Объяснение вполне традиционное, в духе господствующих представлений 1960-х гг. в отечественной историографии о роли и месте трехполья в русском земледелии. Но показатели роста (по Верхотурскому уезду на 70%, а по Ялуторовскому почти в 3 раза) вызывают сомнения в том, что данный прирост мог произойти за счет пара как составной части трехпольного севооборота. Под паром здесь, на самом деле, подразумевались земли, в реальности функционировавшие как перелог и залежи. Тем более, что максимальный рост был отмечен в самом южном, а значит и в самом многоземельном уезде – Ялуторовском (не столь значительный рост в вще одном лесостепном уезде, Ишимском, вполне можвт быть объяснен тем, что в это время большая часть территории этого уезда находилась в стадии пврвоначального освоения, и значительная часть земельных ресурсов не была еще введена в хозяйственный оборот).

Отметим еще одну особенность функционирования различных систем земледелия в Сибири: в рамках десятинной пашни чаще всего встречалось именно трехполье, по крайней мере, его разновидность, максимально приближенная, насколько это было возможно в зауральских условиях, к классическому. В крестьянских хозяйствах, это утверждает И.В. Влвсова, нвблюдалось большее разнообразие в применяемых системах земледелия (четырехполье, когда к традиционному набору полей присоединяется отдельное ячменное поле, перелог и т.п.) **[46]**.

Таким образом, становится очевидной неоднозначность в оценках тенденций рвзвития различных систем русского земледелия и, в пер-

вую очередь, трехпольного севооборота. Видимо, необходимо согласиться с утверждением Л.В. Милова, «что в историографии, посвященной проблемам земледелия XIV-XV вв., весьма четко проступала тенденция к преувеличению темпов становления классического парового трехполья. Действительность была, вероятно, сложнее. И в этот период, и позднее, в XVI столетии, было паровое трехполье, но оно не только сосуществовало с двупольем и перелогом (подсекой), но, как показывают источники XVIII в., соединялось с этими архаичными системами, образуя комбинированные системы земледелия, сочетающие трехпольный севооборот с периодическим забрасыванием и обновлением участков полевой пашни» **[47]**.

Какова же была подворная и подушная обеспеченность землей в Зауралье? Вновь обратимся к данным по вотчинам Тобольского архиерейского дома, уже рассмотренные нами выше. В ближних владениях (деревни Комарица, Рогозникова, Мятвеевская, Киселевская, Сузгунская и другие) в 1625 г. крестьянская пашня составляла 19,75 десятин в двух полях на семь крестьянских дворов. В среднем на один двор приходилось по 2,8 десятины пашни (на одну душу мужского пола – примерно одна десятина). В то же время имелся значительный резерв еще не освоенных земель – пустоши, которые занимали площадь в 205 десятин, на каждый двор в результате в среднем приходилось по 29 десятин пустошей (по 10 десятин на мужскую душу). Общая обеспеченность земельными ресурсами составляла на один крестьянский двор 32,1 десятины, на каждую мужскую душу – 11,8 десятины **[48]**. Очень высокие показатели, но вполне естественные в условиях первоначального освоения территории.

Еще одно митрополичье владение – Усть-Ницынская слобода к сентябрю 1625 г. насчитывала 20 крестьянских дворов. Общий земельный фонд пахотных земель составлял 181,5 десятины. В среднем на один двор приходилось примерно по 9 десятин в трех полях. Но большинство крестьянских хозяйств имело от 3,5 до 8 десятин в трех полях. Общий средний показатель повышается за счет ряда довольно крупных хозяйств В. Клементьева – 13,5 десятин, Т. Феофанова – 17 десятин, В. Калинина – 30 десятин **[49]**. В Усть-Ницынской слободе тоже имелись значительные неосвоенные земельные ресурсы: «за тою роспашною землею осталась заложная земля, непаханя, немерена...» **[50]**. Трехкратное превышение среднего показателя обеспеченности пахотою в Усть-Ницынской слободе по сравнению с ближними митрополичьими вотчинами во многом нивелируется наличием значительного количества пустошей в обоих владениях.

Мы уже отмечали, что в наказных грамотах на основание слобод

задавались нормы «собинной» запашки на один крестьянский двор. Учитывая условность этих норм (в действительности они могли не соблюдаться ввиду практики «захватного» земледелия и слабого административного контроля), тем не менее они дают представление о примерных ориентирах в подворной обеспеченности пахотной землей. Так, в Солтосарайской слободе нормы «собинной» пашни колебались в зависимости от десятинной пашни в значительных пределах – от 30 до 7,5 десятины в трех полях **[51]**. В среднем получается 18,75 десятины. В Крутихинской слободе «... собинной пашни крестьянам давать на один рубль с полтиною по пяти десятин в поле, на двадцать на пять по полтрети десятины в поле, на двадцать алтын на три деньги по десятине с четью в поле...» **[52]**. Здесь нормы колеблются от максимума в 15 десятин до минимума в 1,8 десятины в трех полях, что в среднем составляет 8 десятин в трех полях. По двум слободам общая амплитуда получается весьма значительной – от 30 десятин в Солтосарайской слободе до 1,8 десятины в Крутихинской (средний показатель по двум слободам – 13 десятин в трех полях). Если учесть среднюю населенность двора в приисетских слободах в конце XVII в. – 4,2 д.м.п. (см. гл. 2), то средняя обеспеченность пашней на одну мужскую душу должна была составить около 3 десятин. Еще раз подчеркнем условность этих показателей, но для моделирования структуры поземельных отношений эти данные могут быть полезны.

А.А. Кондрашенков приводит усредненные данные подворной земельной обеспеченности по всей Сибири – 6,6 десятины в трех полях на один крестьянский двор **[53]**. В приведенных нами данных средний показатель колебался от почти 3 десятин до 13 (при 9 десятин по Усть-Ницынской слободе). В нашем случае средний показатель составляет 8 десятин, то есть превышает среднесибирский на две десятины. Картина количественных показателей XVII в. выглядит вполне правдоподобной и внутренне не противоречивой. Среднесибирский показатель очевидно, должен был быть меньше, поскольку в нем учитывалось и население неземледельческой зоны Сибири, где значительную часть населения составляли служилые люди, все-таки в меньшей степени занимавшихся земледельческой деятельностью, чем крестьяне. Зауралье же являлось основной житницей Сибири, поэтому средние показатели выше. Однако оперирование средними показателями является эффективным для построения моделей, в которых с неизбежностью происходит отсечение части исторической реальности, что приводит к некоторому искажению этой реальности. Для более адекватного образа исторической действительности необходимо учитывать в данном случае все известные нам показатели. Таким образом, в XVII в. сред-

няя обеспеченность крестьянского двора в Зауралье колебалась в пределах от 3 до 13 десятин в трех полях, имея минимальные показатели в северной его части, увеличиваясь по мере продвижения на юг.

Обратимся теперь к данным по XVIII в. Мы уже рассматривали процесс роста пахотных земель в 1765-1767 гг. На основании этой информации можно выяснить среднюю подушную обеспеченность пашней в уездах Западной Сибири. Эти данные представлены в табл. 25.

Таблица 25

Подушная обеспеченность пахотными угодьями в Западной Сибири в 1765-1767 гг.*

Уезды	В среднем пашни на 1 д.м.п. в 1765 г. (дес.)	В среднем на 1 д.м.п. в 1767 г. (дес.)
1	2	3
Тобольский	0,87	1,4
Верхотурский	0,26	0,45
Ишимский	2,23	3,23
Ялуторовский	0,66	1,86
Итого	1,005	1,74

*Таблица составлена по: История Курганской области (с древнейших времен до 1861 г.). Т. 1. - Курган, 1995. - С. 139; Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. Ч. 2. - Челябинск, 1969. - С. 71.

Как видим, средние показатели в целом по Западной Сибири меньше, чем в XVII в., что вполне естественно, учитывая поступательный процесс освоения новых территорий. Но максимальные показатели (по Ишимскому и Ялуторовскому уездам) вполне сопоставимы с теми, которые мы приводили выше (в районе 2-3-х десятин на одну мужскую душу).

Если рассмотреть данный вопрос в ином территориальном масштабе, то картина может оказаться несколько другой. По данным И.В. Власовой, в 1795 г. в среднем на одну мужскую душу в Курганском округе приходилось 14,6 десятины пашни. В Ялуторовском округе – 10,8 десятины **[54]**. К концу XVIII в. освоение Зауралья достигло явных успехов, значительная часть пустошей прочно вошла в хозяйственный оборот, что и отразилось на количественных показателях обеспеченности пахотными угодьями.

Если до сих пор мы рассматривали своего рода внешние параметры земледельческого освоения Зауралья, то теперь необходимо проанализировать внутренние характеристики, а именно – структуру посе-

вов и продуктивность сельскохозяйственного производства.

Таблица 26

Структура урожая зерновых культур в Усть-Ницынской слободе в 1625 г.*

Культуры	Урожай в снопах	Доля в %
1	2	3
Рожь	18317	37,5
Ячмень	12330	25,2
Овес	6780	13,8
Ярица	6600	13,5
Пшеница	4896	9,9
Полба	60	0,1
Итого	48983	100

*Таблица составлена по: Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Серия: История Сибири. Первоисточники. - Вып. IV. - Новосибирск, 1994. - С. 77-79.

Уже на самом раннем этапе освоения Зауралья первое место в структуре посевов занимает озимая рожь – основная зерновая культура русского земледелия на протяжении столетий. Второе место, как видно из табл. 26, прочно занимает ячмень, значительна доля овса и ярицы (яровая рожь).

Динамику в возможных изменениях доли каждой из основных зерновых культур можно рассмотреть на основе данных табл. 27.

Таблица 27

Состав зерновых культур на верхотурском рынке в XVII в. (в кадях)*

Культуры	Годы				
	1653/54	1663/64	1671/72	1677/78	1687/88
1	2	3	4	5	6
Рожь	3096,5 (76,9%)	861,0 (77,8%)	2234,0(83%)	1297,0(80,8%)	2941,0 (77,1%)
Овес	467,0 (11,6%)	52,0(4,7%)	112,0 (4,2%)	110,0 (6,8%)	261,0 (6,8%)
Ячмень	269,0 (6,7%)	15,0(1,4%)	58,0 (2,2%)	41,5 (2,6%)	378,0 (9,9%)
Пшеница	191,0 (4,8%)	178,0 (16,1%)	285,0(10,6%)	157,5 (9,8%)	235,0 (6,2%)
Всего	4023,5 (100%)	1106 (100%)	2689 (100%)	1606 (100%)	3815 (100%)

*Таблица составлена по: Квецинская Т.Е. Хлебная торговля г. Верхотурья в XVII в.// Торговля городов Сибири конца XVI-начала XX в. Сборник научных статей. - М., 1991. - С. 74-75.

Как видно из таблицы, подавляющее большинство составляет рожь, ее доля не опускалась на протяжении большей части второй половины XVII в. ниже 76,9%. Несколько неожиданным выглядит необычно низкий показатель доли ячменя при одновременном высоком уровне показателя объема продаваемой пшеницы, которая на протяжении трех лет уверенно занимала второе место. Однако в данном случае мы имеем дело с показателями продажи, которые могли не совсем адекватно отражать реально существовавшую структуру посевов. Поэтому данные табл. 27, скорее свидетельствуют о динамике конъюнктуры рынка, но в любом случае важная роль ржи в сельскохозяйственной жизни Зауралья не вызывает сомнения.

Можно согласиться с утверждением авторов фундаментального обобщающего труда «История Сибири», что уже к концу XVII в. «Сибирь стала преимущественно ржаной стравной» **[55]**, а Зауралье стало таковым с самого начала его хозяйственного освоения.

Теперь обратимся к данным XVIII в., которые представлены в табл. 28.

Таблица 28

Структура посевов зерновых культур в вотчине Далматовского монастыря в 1740-1750 гг.*

Культуры	1740 г.		1750 г.		Средний показатель в %
	Посев в десятинах	Доля в %	Посев в десятинах	Доля в %	
1	2	3	4	5	6
Рожь	752	21,9	1072	31,8	26,9
Овес	1154	33,7	857	25,5	29,6
Ячмень	777	22,7	1042	30,9	26,8
Пшеница	416	12,1	397	11,8	11,9
Ярица	330	9,6	-	-	4,8
Итого	3420	100	3369	100	100

*Таблица составлена по: История Курганской области (с древнейших времен до 1861 г.) Т.1. - Курган, 1995. - С. 142, 144; ГАКО, ф. 2260, оп. 1, д. 99, л. 65.

При небольших колебаниях по годам явно преобладают три культуры – рожь, овес и ячмень. Это преобладание выявляется по показателям площадей засева, объемов урожая и продажи (в рамках последнего заметное место занимает пшеница).

Как отмечает Л.В. Милов, «рожь, занимавшая все озимое поле и составлявшая 50% всех возделываемых культур, была для крестьян и в XVIII в. нужнее «на пищу всякого другого хлеба»... Ее отличалв наиболее надежная урожайность... и рациональность затрат труда по ее

возделыванию... Таким образом, господство ржи как основной зерновой культуры – итог многовекового воздействия на агрикультуру русского земледелия – критерия целесообразности» **[56]**.

Аналогичное ржи место среди яровых культур занимал овес. По мнению П.И. Рычкова, «овес же из ярового севу почитает земледелец за главной по той причине, что онаго... на... домашний расход к содержанию лошадей требуется больше...» **[57]**. Он неприхотлив, поэтому успешно растет и на плохих «безнавозных» землях, требует минимальной обработки. Как отмечает тот же Л.В. Милов, овес из всех яровых культур требует для посева меньше земли из-за необычайной густоты высева. Еще одно достоинство овса – стабильная, хотя и невысокая урожайность **[58]**.

Ячмень обладал самым коротким вегетационным периодом (от 8 до 9 недель, для сравнения – пшеница вызревает в течение 12-18 недель). «Правда, давая сравнительно высокий урожай, ячмень в спелых колосьях очень быстро осыпался» **[59]**.

Пшеница – наиболее прихотливая из всех указанных зерновых культур, поэтому и занимала меньшую долю в посевах. Наибольшую урожайность пшеница показывала на нови, «из лугов и лесов расчищенной», на степных черноземах. Но, как пишет Л.В. Милов, только во второй половине XVIII в. народная практика создала сорт пшеницы, который более или менее был адекватен природно-климатическим условиям России **[60]**.

Определив основные зерновые культуры, логично выяснить их продуктивность. В.И. Шунков приводит данные по урожайности ржи и овса по четырем уездам Западной Сибири, эти данные содержаться в табл. 29.

Таблица 29

Урожайность ржи и овса в Западной Сибири в первой половине XVII в.*

Уезды	Рожь	Овес
1	2	3
Верхотурский Туринский Тюменский Тобольский	Сам-10 Сам-6 Сам-8-9 Сам-4-5	Сам-12 Сам-6 Сам-7-8 Сам-3
Средний показатель	Сам-7,25	Сам-7,1

*Таблица составлена по: Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. - М., 1974. - С. 122.

Самые высокие показатели в Верхотурском уезде, который в то время являлся, пожалуй, наиболее освоенным и имел на тот момент фонд наиболее плодородных земель. А уровень урожайности двух основных культур – ржи и овса – примерно одинаков во всей Западной Сибири. Но мы вновь в данном случае имеем дело со средними показателями, причем по весьма значительной территории. Поэтому обратимся к более конкретным показателям.

В 1625 г. в Усть-Ницынской слободе с 56 десятин было убрано 18317 снопов озимой ржи **[61]**. К сожалению, в документах не указана масса снопа, но, по данным Л.В. Милова, в среднем в снопе могло содержаться 0,13 пуда **[62]**, поэтому урожай ржи в указанной слободе составил 2381,2 пуда. По мнению И.В. Власовой и Л.В. Милова, норма высева озимой ржи составляла в среднем 12 пудов на десятину **[63]**, тем самым мы можем определить урожайность данной культуры – посеяно было 672 пуда, собрано 2381,2 пуда, урожайность составила сам-3,5.

В отношении других культур проделать подобные расчеты практически невозможно, так как в документе не указаны конкретные площади под каждую яровую культуру, указана лишь общая площадь ярового клина. В этой ситуации мы можем подсчитать лишь среднюю урожайность всех яровых культур в целом, причем с очень большой погрешностью. Тем не менее, средний показатель оказывается сам-3,8 (при расчетах мы взяли за основу нормы высева яровых культур 16 пудов на десятину).

В 1740 г. в вотчине Далматовского монастыря урожайность основных зерновых культур по нашим подсчетам была следующей: рожь (озимая) – сам-4,4; овес – сам-4,6; пшеница – сам-1,9 **[64]**.

Известный исследователь XVIII в. П.С. Паллас отмечал, что в Исетской провинции во второй половине XVIII в. урожаи ржи составляли около сам-10 **[65]**. Другой исследователь Сибири академик Фальк утверждал, что в Приисетье урожайность ржи была от сам-6 до сам-10, в Среднем Притоболье – сам-4-5 **[66]**.

Разброс, как мы видим, в показателях урожайности весьма велик. Подобные колебания могут быть объяснены рядом обстоятельств. Во-первых, погодные условия оказывали существенное воздействие на уровень аграрного производства. Во-вторых, при активном использовании залежно-переложной системы земледелия характерными являются резкие колебания урожайности – от очень высоких на полях, которые введены в хозяйственный оборот первый год, до крайне низких на уже выпаханных землях. Так, на «Урале... урожайность на отдельных участках лучших новораспашных земель могла в удачный год достигать сам-15, а в обычные годы на старопахотных, хорошо обра-

батываемых и удобряемых участках – сам-10. На неудобряемых землях урожайность могла достигать сам-6, а в неурожайные годы сбор зерна снижался до сам-3, сам-4 и ниже» **[67]**.

Но есть еще одно обстоятельство, обратившее на себя внимание Л.В. Милова, которое носит скорее источниковедческий характер. Как правило, при анализе урожайности исследователи привлекают данные топографических описаний, которые во многом совпадают с приведенными нами данными Палласа и Фалька. Л.В. Милов пишет: «Составители топографических описаний стремились отразить принципиальную возможность плодородия тех или иных пашенных угодий, причем в наиболее благоприятных условиях. На этом сделан акцент... Но подобный подход к фиксации материала лишает исследователя возможности узнать практический итог великорусского земледелия, ибо лучшие земли и лучшие урожаи терялись в огромной массе земель «посредственных», дающих низкие урожаи в обыкновенное лето». Компенсировать это могут только массовые сведения об урожайности как минимум за восемь-десять лет **[68]**.

Таким образом, если и можно согласиться с мнением Л.В. Милова, что в Европейской России существовал «более или менее постоянный низкий уровень урожайности, статистической модой которого был уровень сам-3 и даже сам-2» **[69]**, то на вновь осваиваемых территориях, в частности в Зауралье, урожайность колебалась в более значительных пределах – от сам-2 до сам-12.

К концу изучаемого нами периода (во второй половине XVIII в.) территория Зауралья оказалась заселена и освоена достаточно равномерно, причиной этого стали особенности природной среды и особенности земледельческой адаптации к ним русского крестьянства, о чем по существу писал А.А. Кауфман: «Междуречные волоки (во всей Сибири в целом. – В.М.) по большей части не заселены и прорезаются только линиями трактов, вдоль которых располагаются ямские селения, да изредка встречаются отдельные деревни и выселки... Исключение составляют степные районы и особенно западно-сибирская степь... побережья рек здесь весьма густо заселены, но кроме того селения разбросаны более или менее равномерно и по междуречьям. Эта особенность степных районов зависит от естественно-исторических условий: в лесных районах Сибири междуречья представляют собой пространства в значительной части либо заболоченные, либо гористые, и во всяком случае заросшие лесом, а потому трудные для разработки; сама почва по междуречьям по большей части хуже, чем по приречным увалам. Напротив, по ровной поверхности западно-сибирской степи разбросаны многочисленные «гривы» или «острова» – при-

поднятости с превосходной почвой, а многие озерв, которыми усеяна степь, представляли большие удобства для образования селений; поэтому старожилы не только не избегали междуречий, но особенно охотно водворялись при хороших рыбных озерах, если вблизи имелись хорошие пахотные «гривы» **[70]**. Плотность населенных пунктов в итоге была в Зауралье таковой, что максимальная отдаленность одного поселения от другого в XVIII в. была 12 верст **[71]**.

Животноводство. Одной из важнейших традиционных отраслей крестьянского хозяйства изначально являлось животноводство. Развитие этой отрасли началось одновременно с земледелием. Уже у первых поселенцев в Зауралье имелся домашний скот.

В одном из наиболее ранних хозяйственных комплексов Зауралья – вотчине Тобольского архиерейского дома – наряду с запашкой имелись лошади и крупный рогатый скот. В 1625 г. в 20 крестьянских дворах Усть-Ницынской слободы имелось 48 лошадей, 53 головы крупного рогатого и 19 голов мелкого рогатого скота (овцы). Имелась конюшня с 12 господскими лошадьми. В среднем (арифметически) каждый крестьянский двор имел 2,4 лошади и 2,65 головы крупного рогатого скота **[72]**. Но усредненные данные, как мы могли убедиться раньше, не всегда способствуют формированию адекватной действительности картины.

Рассмотрим обеспеченность скотом в Усть-Ницынской слободе более подробно. Во всех крестьянских дворах имелись лошади. По одной лошади имели шесть дворов, по две – девять дворов, по три – два двора, по четыре и больше – 3 двора (среди них выделялся двор В. Калинина, у которого имелось «два коня колмацких, семь лошадей русских» **[73]**). Таким образом, наибольшее количество дворов – девять – имели по две лошади, что может быть признано своеобразной нормой для данного поселения в это время. Если к этому прибавить еще шесть дворов однолошадных, то подавляющая часть крестьянских хозяйств слободы владела 1-2 лошадьми. Это и будет реальным средним показателем. Обращает на себя внимание неоднородность пород лошадей, упоминаются лошади «колмацкой» и русской породы, причем первой было больше – 26, русских лошадей – 22.

Овец держали только в двух дворах. С. Самойлов имел 11 овец, а А. Иванов – три овцы и двух баранов **[74]**. Столь незначительная доля овец может быть объяснена представлениями крестьян о низкой эффективности содержания их. Овцы и коровы, как отмечает Л.В. Милов, получали практически одну норму корма – 37-38 пудов сена (причем овцы питались исключительно сеном, в то время как коров кормили и соломой) **[75]**. В.Н. Татищев писал: «... многие люди рассуждают: чтоб

овец меньше иметь, будто оне весьма безприбыльны, потому что оне содержатся на сене» **[76]**. Это было характерно, прежде всего, для основной (европейской) территории России, но и в Зауралье, по крайней мере в начальный период освоения, подобные мотивы оказывали влияние на состав скота в крестьянских хозяйствах.

Если лошади в Усть-Ницынской слободе были в каждом хозяйстве, то крупный рогатый скот был не в каждом дворе, правда, таковых было всего два. Необходимость иметь лошадь в каждом хозяйстве объяснялось потребностью в тягловой силе для ведения полевых работ, а без коровы, в крайнем случае, можно было, хотя и с трудом, но обойтись. По одной голове крупного рогатого скота имели семь дворов, по две – два двора, по три – три двора, по четыре – три двора, по пять и более – три дворв. В отличие от лошадей, распределение крупного рогатого скота отличается большей дифференциацией. Но больше всего (хотя и меньше половины) дворов с одной коровой – семь. Среди всех дворов вновь выделяется хозяйство В. Калинина, который наряду с девятью лошадьми имел больше всего и голов крупного рогатого скота – 10 («четыре коровы, два быка, телица, три теленки малых»). Кстати, это было самое крупное хозяйство слободы и по количеству пашенных угодий – 30 десятин **[77]**.

Академик Фальк во время своего путешествия по Зауралью отмечал, что «скотоводство, по причине злачной невозделанности степи, составляет у многих, а особливо у башкирцев, главный промысел. Многие русские крестьяне держат от 100 до 200 лошадей, столько же овец и рогатого скота» **[78]**. Хотя описывалось здесь состояние животноводства в 1771 г., но количественные показатели, безусловно, завышены. Авторы второго тома «Истории Сибири» утверждают, что в целом по Сибири срадняя норма скота на двор в два-три раза превышала обеспеченность скотом крестьянского хозяйства в центре Европейской России **[79]**. Такое положение было жизненной необходимостью для сибирского крестьянина. Господство экстенсивных форм земледелия, протяженные транспортные коммуникации, постоянная опасность потерь скота из-за набегов кочевников требовали содержания в хозяйстве, в каком-то смысле, избыточного количества скота, прежде всего лошадей.

Животноводство Зауралья уже в XVII в. нвчинает приобретать черты товврного характера. О.Н. Вилков, долгие годы изучавший товарно-денежные отношения в Сибири, отмечвет, что многие зауральские слободы (Ингалинская, Бешкильская, Архангельская, Крвсноярская, Мехонская, Маслянская, Усть-Миасская, Шадринская, Красномысская, Крутихинская, Багаряцкая, Теченская, Арамильская, Пещанская, Оку-

невская, Воскресенская, Чумляцкая, Исетский, Катайский и Колчеданский остроги, Далматовский монастырь) поставляли на тобольский рынок продукцию животноводства – скот, говяжье мясо, коровье масло, битая домашняя птица (гуси), шкуры конские, овечья шерсть **[80]**.

Косвенным признаком развития животноводства может быть непроизводственный оборот скота, одним из видов которого являлись вклады в монастырь (хотя само монастырское хозяйство от этого только увеличивалось и укреплялось). Во вкладных книгах Далматовского монастыря за 1671-1678 гг. зафиксировано 66 вкладов, из них скотом – 15, то есть около четверти. За 1674-1703 гг. вкладные книги монастыря зафиксировали уже 994 вклада, из которых 513 были сделаны скотом, то есть уже более 50% **[81]**.

Если для земледелия важным регулирующим фактором являлись погодные условия, то для животноводства (помимо кормовой базы) – периодически вспыхивающие эпизоотии, а также потери вследствие постоянных набегов на русские поселения кочевников, что являлось специфической чертой в развитии зауральского животноводства. В ответах на анкету Г.Ф. Миллера 1741 г. представлен интересный материал о потерях скота в слободе Царево Городище в ходе военных столкновений в первой половине XVIII в. Из деревни Курганской в 1706 г. башкирами угнано 60 лошадей и около 100 коров. В 1736 г. из деревни Арбинской угнано 40 лошадей. Деревня Черемхова – в 1700 г. киргиз-кайсаки угнали 50 лошадей и 40 коров, в 1706 г. – около 100 лошадей и 100 коров, в 1736 г. – 20 лошадей. Деревня Утяцкая – в 1736 г. башкирами угнано 115 лошадей и коров, в 1737-38 гг. – около 100 лошадей. Деревня Кормацкая – в 1736 г. угнано 5 лошадей. Из деревни Смолиной в 1736, 1737 и 1741 гг. башкирами было угнано 80 лошадей. Деревня Воронова – в 1736 г. угнано пять лошадей, а в прежние годы еще около 20. Деревня Челнокова – в 1713 г. угнано 50 лошадей, в 1736-37 гг. угнано еще 50. Деревня Шкоцкая – в 1695 г. угнано 10 лошадей, в 1737-38 гг. башкиры отогнали 140 лошадей. Деревня Сизикова – в 1738 г. угнано 17 лошадей. Деревня Белоярская – в 1737-38 гг. потери составили 16 лошадей. Деревня Введенская – в 1737 г. угнано 40 лошадей. Деревня Чимеево – в 1736 г. башкирами отогнано 50 лошадей и 20 коров **[82]**. Таким образом, за период 1695-1741 гг. из слободы Царево Городище было угнано 310 голов крупного рогатого скотв и 918 лошадей. Безусловно, что эти показатели не могут претендовать на абсолютную точность, слободская администрация лишь примерно могла указать потери скота за предшествующие годы, особенно за 1695 г. Во-вторых, наверняка, здесь были указаны не все потери, так как в ходе нападений определенная часть скота могла погибнуть. Но в лю-

бом случае потери весьма значительны, что, с одной стороны, свидетельствует о реальном тормозящем эффекте военно-политической ситуации для темпов хозяйственного освоения территории, а с другой стороны, является косвенным признаком развитости животноводческого хозяйства в Зауралье в этот период.

Однако столкновения с местным населением приносили не только потери. Со своей стороны русские поселенцы также стремились за счет кочевников увеличить количество своего домашнего скота. Уже упоминавшиеся нами лошади «колмацкой» породы в хозяйствах Усть-Ницынской слободы появились, наверняка, не только в результате торговли с калмыками и другими кочевниками зауральских степей, но и в результате военных столкновений. Так, в 1720 г. полковник Угрюмов и полковник Парфентьев отогнали из киргиз-кайсацкой орды и передали Далматовскому монастырю 168 коней и 50 кобылиц, а также двух верблюдов **[83]**.

Одним из важных стимулирующих факторов в развитии коневодства в Зауралье являлось наличие здесь в XVIII в. крупных воинских формирований. В слободе Царево Городище был расквартирован Сибирский драгунский полк, в 1744 г. здесь была сосредоточена воинская команда численностью 951 человек, а в форпосте Утяцком еще 131 человек. Полк необходимо было обеспечивать лошадьми. Командование закупало их у местного населения. В рапорте майора Беклемишева от 30 октября 1748 г. сообщалось: «В драгунские полки покупались лошади в Кургане от 10 рублей до 6» **[84]**.

Важной особенностью животноводства в Сибири в целом и в Зауралье, в частности, являлось наличие поскотин – специальных участков для выпаса скота, отделенных от других сельскохозяйственных угодий. Интересные замечания сделал по этому поводу исследователь сельского хозяйства Тобольской губернии XIX в. П.И. Соколов: «Эти поскотины, по моему мнению, прямо указывают на распространение в древности, при кочевом образе жизни, пастбищной системы хозяйства преимущественно в степных местностях Западной Сибири» **[85]**. Вполне вероятным предстаалляется заимствование и трансформация хозяйственного опыта русскими крестьянами в сфере животноводства у местных кочевых народов.

Однако, природные условия Сибири и Зауралья, а также особенности функционирования русского крестьянского хозяйства требовали длительного стойлового содержания скота в зимний период, что делало в высшей степени актуальным проблему заготовки кормов.

Рассмотрим обеспеченность сенокосными угодьями звуральских крестьянских хозяйств. В конце XVIII в., по данным И.В. Власовой, в Ялуторовском округе в среднем на душу приходилось 6,6 десятин

сенокосов, но в 14 волостях округа из 27 этот показатель колебался в пределах 1,4-8 десятин **[86]**. В Курганском округе – 1,9 десятины на душу, в 8 волостях из 24 показатель варьировался от 1 до 4 десятин покосов на душу **[87]**. В это же время, например, в Усть-Ницынской волости этот показатель составлял 0,5 десятины сенокосов **[88]**. В то же самое время в центре Европейской России (Московская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Нижегородская, Костромская, Калужская губернии) в расчете на мужскую душу приходилось всего 0,4-0,7 десятины сенокоса **[89]**. Как видим, более высокая обеспеченность скотом зауральских хозяйств требовала и больших сенокосных угодий, однако в данном случае может присутствовать и обратная зависимость, так как сами природные условия создавали возможность содержать большее количество скота. Обращает на себя внимание большее количество сенокосов в притобольных округах (Ялуторовский и Курганский). Этому способствовало наличие достаточно большого количества заливных лугов, расположенных на аллювиальных почвах довольно широкой поймы реки Тобол, к тому же в этих округах большее место занимали лесостепные ландшафты, создававшие лучшие условия для создания кормовой базы.

Одно из общих положений эффективности крестьянского хозяйства, по мнению А.В. Чаянова, гласит, что на десятину пашни необходимо иметь 1,24 десятины сенокосов **[90]**. По Курганскому округу этот коэффициент для конца XVIII в. оказался меньше нормы в 1,5 раза, по Ялуторовскому округу – меньше всего в 1,1 раза, а для Усть-Ницынской волости – меньше в 8,8 раза. Разумеется, эта норма выступает как некий идеал и в жизни могут быть отклонения от него.

И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов провели расчеты обеспеченности сенокосными угодьями по европейским губерниям, взяв за основу вышеуказанный коэффициент. Оказалось, что в подавляющем большинстве губерний количество сенокосов было значительно меньше нормы. В Новгородской, Псковской, Смоленской, Костромской, Ярославской, Тверской, Калужской, Рязанской, Орловской, Вятской губерниях сенокосов было в 6-10 раз меньше указанной нормы. В Нижегородской и Тульской губерниях сенокосов меньше нормы в 11-15 раз. И только в шести губерниях (Вологодской, Олонецкой, Петербургской, Пензенской, Симбирской и Пермской) сенокосов меньше нормы лишь в 2-4 раза. Больше нормы сенокосов было в четырех губерниях – Архангельской, Воронежской, Саратовской и Оренбургской **[91]**. На этом фоне обеспеченность сенокосами в Зауралье выглядит в целом удовлетворительной, по крайней мере, лучшей, чем в большей части Европейской России.

Данные расчеты могут поставить под сомнение корректность выводов А.В. Чаянова о нормах сенокосной обеспеченности крестьянских хозяйств. Видимо, все-таки расчеты, проведенные в начале XX в., не в полной мере могут быть применимы к исторической действительности трехвековой давности. Более корректно с нвучной точки зрения было бы принять за основу иные нормы обеспеченности лугами и сенокосвми, соответствующими реалиям XVII-XVIII вв. На наш взгляд, ближе к норме могут быть как раз показатели по Зауралью.

Ремесла и промыслы. Еще одной важной чертой крестьянского традиционного хозяйства являлось наличие обеспвчивающего основные отрасли, земледелие и животноаодство, ремесленного производства, которое играло не только вспомогательную роль, но и носило, порою, товарный характвр. Как отмечает А.А. Лебедева, крестьяне в Западной Сибири издавна многое вырабатывали на сбыт, для продажи **[92]**.

На тобольский рынок в XVII в. из исетских и миасских слобод везли ржаную и пшеничную муку, воск, хмель, бревна, тесницу, драницу, готовые срубы, рыбу. В то же время из Притоболья вывозили преимущественно продукты присваивающего хозяйства – беличьи шкурки, лосиные кожи, хмель, воск, мед **[93]**.

В конце XVII в. крестьяне верхотурских, тюменских и тобольских слобод только для пвревозки на продажу в Тобольск хлеба сделали 14 плотов, 3 лодчонки, 8 дощанников, 16 барок, а в 1703 г. было изготовлено 112 судов **[94]**. В этом жв году слободскими крестьянами, жителями вотчины Рафайлова монастыря, и двумя ямщиками Туринска были приплавлены для продажи в Тобольск из Исетского острога, Беляковской, Миасской, Куяровской, Бешкильской слобод один двор, 243 бревна, 440 драниц, 184 теснины **[95]**. Однако лесообрабатывающий промысел не являлся для Звуралья определяющим.

В Притоболье, богатом реками и озерами, по данным А.А. Лебедевой, крестьяне делали лодки различной величины для рыболовства и хозяйственных перевозок. На небольших протоках крестьяне выделывали «однодеревки», «боты», «душегубки» из одного ствола. Такие лодки, как правило, поднимали не более двух человек **[96]**.

Отмеченное уже наличие в Зауралье большого количества озер и достаточно рвзветвленной речной системы способствовало развитию рыболовства. Как писал П.С. Паллас об Исетской провинции, «вся сия провинция по причине множества находящихся в ней озер рыбою изобилует. Но в оной находятся только простые роды рыб, кои продаются пудами по 25 и до 35 копеек, в малых озерах ловятся по большей части одни токмо караси... В Миасе и Исети ловятся, но только весьма редко – нельма, таймень. Осетры ловятся только в Тоболе, но редко».

В Тоболе же «чебаков, пискарей и ершей есть весьмв довольно, но коих по некоторому суеверию не едят» **[97]**. Как мы видим, из-за отсутствия значительного количества ценных пород рыб, рыболовство, прежде всего, было нацелено на удовлетворение внутренних потребностей.

Важным промыслом, имевшим значение для всей Западной Сибири, был хмелевой. «Хмелю здесь сеют весьма мало, потому что растущим в великом множестве на Уральском Хребте диким хмелем изобильно запасаются», – писал П.С. Паллас **[98]**. То же самое можно сказать и о притобольных слободах, но хмель здесь собирали не на Уральских горах, как в Приисетье, а в казахстанских степях. В августе 1753 г. семь человек, крестьян Белозерской слободы, приехали в степь к реке Ишим для хмелевого промысла и были задержаны, так как существовал приказ, запрещавший выезд крестьян за пределы сторожевой линии. Об этом же мы узнаем из письма Ялуторовского управителя генералу Киндерману о том, что крестьяне часто ездят за 100-300 верст за хмелем **[99]**. П.С. Паллас так описывал практику этого промысла: «Прежде собирались... большими артелями, и с позволения пограничных начальников, и самих киргисцев, которые за то получали небольшие выгоды в торге, хаживали они далеко в Киргиские степи, даже до самой реки Ишима, для ловли зверей, рыб и для собирания дикого хмеля, который по горным местам вверх Ишимв в лесах растет в великом множестве» **[100]**. Практика подобного промысла подтверждает вывод Т.С. Мамсик о характере и особенностях любого процесса освоения: «основным способом овладения необходимыми природными ресурсами был переход, «забегание» вперед относительно основного колонизационного фронта» **[101]**.

Основным рынком сбыта хмеля был Тобольск. С 1636 г. по 1703 г. среди его продавцов были зауральские крестьяне из Ялуторовской, Царевогородищенской, Усть-Суерской слобод. Среди них были не только продавцы, но и скупщики хмеля. Так, 2 августа 1703 г. явил в Тобольской таможне Усть-Суерской слободы крестьянин «по тое же слободы выписи Василий Зверев своего промыслу» 7 пудов хмеля на 3 рубля, да сверх выписи явил покупного 4 пуда на 3 рубля **[102]**.

Имеются сведения, что зауральские крестьяне занимались «копкой слюды» на восточном склоне Среднего и Южного Урала, этим промыслом звнимались жители Шадринской, Барневской, Окуневской, Чумляцкой, Красномысской слобод **[103]**.

Большая часть ремесел была напраалена на переработку продуктов земледелия и животноводства для получения предметов домашнего обихода: выделка кож, производство глиняной и деревянной посуды, ткачество, выделка шкур и т.п. Из сала получали мыло, свечи.

Шерсть превращали в войлок и валяную обувь, сермяжное сукно. Из выделанных овчин шили меховую одежду, рукавицы. Без крестьянских кожевников, шерстобитов, войлокатов, мыльников, портных не обходилась ни одна деревня.

По данным А.А. Лебедевой, во второй половине XVII в. в Притоболье, отчасти по государственному принуждению, были расширены посевы льна и конопли. Крестьяне сдавали в квзну для нужд судостроения холст, пеньку, а частично продавали этот товар на торжках и ярмарках **[104]**.

Активное развитие в Зауралье земледелия и наличие среди товаров муки свидетельствует о существовании в регионе мукомольного производства. Как отмечает Т.С. Мамсик, нвличие у зауральских крестьян собственных мельниц было делом весьма обычным **[105]**. В 1731-32 гг. крестьяне нескольких деревень возле озера Окуневского были обвинены в том, что они самовольно поселились и построили мельницы на землях Тобольского митрополитв (село Воскресенское): «И нв той речке Окуневке построено окуневскими крестьянами пять мельниц, а именно у Михаила Соколова, у Якова Черепанова, у Пимена Мыльникова, у Ильи Постовалова». Некоторые крестьяне имели не одну мельницу, упомянутый Михаил Соколов был владельцем двух мельниц, но существовало и артельное владение **[106]**.

Более наглядную картину наличия мельничного производства, количества мельниц и их мощности можно получить из табл. 30.

Как мы видим из табл. 30, количество водяных (275) и ветряных мельниц (272) практически одинаково. Среди водяных существенно преобладают маломощные мельницы с одним поставом, их больше половины. Это объясняется тем, что мукомольное производство было, прежде всего, ориентировано на собственные нужды крвстьянского хозяйства, для этого однопоставных мельниц вполне достаточно. Более мощные были рвссчитаны на крупные объемы, а значит, ориентированы на рынок.

Распределвние мельниц по слободам может быть поставлено в зависиместь от конкретных природно-географических условий. Прежде всего это касается ветряных мельниц. В этом отношении выделяется Таловская слобода, в которой имелось весьма значительное количество ветряных мельниц – 36. Находясь на юго-западе Зауралья, слобода выгодно использовала особенности погодных условий: редкое количество абсолютно безветренных дней в году, слаболесистый равнинный характер ландшафта – все это способствовало строительству именно ветряных мельниц.

Таблица 30

Количество и мощность мельниц в Исетской провинции в 60-х гг. XVIII в.*

Слободы	Водяные мельницы по количеству поставов				Ветряные мельницы
	1 постав	2 постава	3 постава	4 постава	
1	2	3	4	5	6
Шадринская	4	9	-	2	21
Маслянская	17	3	-	-	11
Барневская	15	5	-	-	24
Красномысская	13	7	-	-	27
Исетская	11	17	4	2	47
Терсюцкая	16	6	-	1	5
Мехонская	16	11	3	-	4
Миасская	10	3	2	-	23
Красногорская	-	1	-	-	1
Окуневская	9	6	1	-	12
Крутихинская	14	1	-	-	22
Таловская	10	3	-	-	36
Каминская	2	3	2	-	3
С. Воскресенское	8	5	-	-	7
Ольховская	11	7	-	-	15
Куртамышская	9	4	1	1	14
Итого	165	91	13	6	272

*Таблица составлена по: Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII вв. Ч. 2. - Челябинск, 1969. - С. 149.

Однако наибольшее количество мельниц в провинции насчитывалось в Исетской слободе – 81. Это почти 15% от всего количества мельниц в провинции. Это объяснялось уже не природными условиями, а тем, что Исетский острог длительное время был административным центром провинции. Это обстоятельство притягивало к себе производительные силы, пытавшиеся получить максимальные выгоды от близости к администрации. Можно утверждать, что в российских условиях характерным являлся процесс превращения первоначально административных центров в экономические.

Таким образом, хозяйственное освоение территории шло путем создания комплексного по своей природе традиционного крестьянского хозяйства.

4.2. ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РЕГИОНА

Любая дифференциация пространства неизбежно приводит к установлению взаимосвязей между составляющими это пространство элементами. Именно на этом основана система экономического взаимодействия межрегионального характера, но лишь тогда, когда начинает проявляться региональная специализация и функциональная направленность. С другой стороны, специализация региональных структур ведет к унификации данного регионального пространства.

Зауралье как территория с вполне определенными природными условиями внутренне, конечно, была неоднородна. Неоднородность проявлялась и в ландшафтном отношении и в историческом, но в соприкосновении, во взаимодействии с близлежайшими территориями (Уралом, Казахстаном, таежной Сибирью) внутренняя неоднородность имеет тенденцию к нивелированию. По мере освоения Зауралья, этот край все больше приобретал сельскохозяйственную, земледельчвскую направленность, превращаясь в ведущий хлебопроизводящий регион Сибири. На протяжении XVII в., по мере развития различных частей Зауралья, разные территории региона выполняли функцию главных поставщиков хлеба на тобольский и верхотурский рынки.

Первоначально именно Верхотурье, как главные ворота Сибири, было главным центром торговли хлебом, что для освоения Сибири являлось стратегически важной задачей (обеспечение продовольствием растущего населения сибирского субконтинента), но очень быстро главенствующая роль в этом перешла к Тобольску. Тем не менее, по мере освоения зауральскив слободы превращались в основных поставщиков хлеба на эти рынки.

Как отмечает Т.Е. Квецинская, чаще других на верхотурском рынке встречались невьянские, тагильские, мурзинские, арамашевские, ирбитские и ницынские крестьяне. Среди них первоначально преобладали невьянские и тагильские крестьянв. В 1635/36 гг. они составляли 79,12% всех продавцов, в 1653/54 гг. – 70,76%. Затем на первый план выходят арамашевские и мурзинские крестьяне, в 1687/88 гг. они составляли 48,18% **[107]**.

Таблица 31

Доля населенных пунктов в поставках хлеба на тобольский рынок в XVII в. (в %)*

Населенные пункты	1639/40	1644/45	1649/50	1655/56	1661/62	1668/69	1669/70	1670/71	1683/84	1686/87	1690/91	1694/95	1703	Ср. показател.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
По р. Тавде	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,4	0,03
По р. Туре	31,5	25,3	52,7	3,3	12,5	15,2	38,8	21,1	34,1	18,0	12,4	7,6	5,8	21,4
По р. Нице	40	72,6	47,3	84,4	54,2	55,5	38,8	36,9	24,5	40,1	7,7	5,8	7,5	39,6
По р. Пышме	-	-	-	12,3	33,3	24,5	13,3	4,3	-	6,9	6,1	3,4	8,8	8,7
По р. Исети	-	-	-	-	-	2,1	7,7	24,8	12,7	27,7	64,8	69,7	69,9	21,5
По р. Миасу	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3,6	2,6	8,0	6,9	1,6
По р. Тобол	28,5	2,1	-	-	-	2,7	1,4	12,9	28,7	3,7	6,4	5,5	0,7	7,1

*Таблица составлена по: Вилков О.Н. Тобольск – центр хлебной торговли Западной Сибири XVII в.// Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). - М., 1973. - С. 181-186.

Однако ведущим центром хлебной торговли Сибири, как мы уже отмечали, был Тобольск. В табл. 31 представлены данные о поставках хлеба на тобольский рынок на протяжении XVII в. населенными пунктами, расположенными по основным рекам Зауралья. Данные этой таблицы наглядно показывают основную тенденцию пространственного развития русского земледелия в Зауралье. По мере хозяйственного освоения происходит постепенное смещение основных хлебопроизводящих центров на юг. Первоначально существенно преобладали среди основных поставщиков хлеба крестьяне туринских и ницынских населенных пунктов, особенно последние. Поставки с р. Ницы в течение четырех лет составляли более 50% всего продаваемого на тобольском рынке хлеба (1644/45 гг. – 72,6%, 1655/56 гг. – 84,4%, 1661/62 гг. – 54,2%, 1668/69 гг. – 55,5%). Со второй половины 80-х гг. XVII в. на первый план стали выходить исетские слободы – доля исетского хлеба стала стабильно превышать 60%.

Перемещение центра товарного земледелия на юг региона не означало, что «старые» поставщики перестали участвовать в поставках хлеба на тобольский рынок. Абсолютные показатели даже увеличились: если в 1644/45 гг. ницынские слободы отправили в Тобольск 590 чвтвертей хлеба, то в 1703 г. – 2051 четверть **[108]**. Увеличение доли исетских слобод свидетельствовало о более значительном размере прибавочного продукта благодаря лучшим природным условиям в Приисетье (прежде всего, наличию плодородных черноземов).

Еще одно важное наблюдение – увеличение количества населенных пунктов, участвовавших в поставках. Если в 1644/45 гг. а этих поставках участвовали всего пять населенных пунктов, то в 1703 г. таковых было 35 (всего с 1639 по 1703 гг. хлеб поставлял 51 населенный пункт) **[109]**. Тем самым, практически вся территория Зауралья, с достаточно высокой степенью равномерности распределения земледельческих центров по ней, к рубежу XVII-XVIII вв. втянулась в систему межрегиональных связей. Основным центром притяжения в это время являлся Тобольск как административный и экономический центр практически всей Сибири.

Наибольшве количество населенных пунктов, участвовавших в поставках хлоба в Тобольск, располагалось в Приисетье – 20, по 8 селений на реках Ницо и Тоболе. Распределение доли поставок хлеба по конкретным населенным пунктам по рекам Ницо, Исети и Тоболу представлены в табл. 32.

Таблица 32

Доля ряда зауральских слобод в общих поставках хлеба в Тобольск*

Населенные пункты	1686/87 гг.	1703 г.
1	2	3
Слободы по р. Нице		
Нижненицынская	2,0%	1,0%
Верхненицынская	-	4,7%
Чубаровская	9,8%	1,2%
Киргинская	15,0%	0,6%
Ирбитская	11,9%	-
Ощепковская	-	-
Рудная	1,4%	-
Невьянская	-	-
Итого	40,1%	7,5%
Слободы по р. Исети		
Бешкильская	3,7%	0,5%
Архангельская	3,2%	0,4%
Исетский острог	14,0%	16,4%
Красногорская	0,1%	4,1%
Рафайлова пустынь	0,4%	-
Коцкий монастырь	0,1%	-
Камышевская	-	6,5%
Новокамышевская	-	0,4%
Терсюцкая	1,4%	4,9%
Мехонская	0,8%	3,8%
Барневская	-	4,6%
Усть-Миасская	-	1,7%
Ольховская	-	2,9%
Шадринская	2,7%	9,0%
Краснюмысская	-	2,9%
Крутихинская	-	5,9%
Далматов монастырь	-	-
Катайский острог	1,3%	1,6%
Колчеданский острог	-	3,6%
Багаряцкая	-	0,7%
Итого	27,7%	69,9%
Слободы по р. Тобол		
Подгородные тобольские деревни	-	-
Ялуторовская	2,8%	-
Суерская	0,9%	-
Верхнесуерская	-	-
Тебеняцкая	-	0,6%
Иковская	-	-
Царево Городище	-	-
Утяцкая	-	0,1%
Итого	3,7%	0,7%

*Таблица составлена по: Вилков О.Н. Тобольск – центр хлебной торговли Западной Сибири XVII в.// Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). - М., 1973. - С. 184-186.

Ориентация на тобольский хлебный рынок подавляющего большинства слобод по рекам Нейва, Пышма, Ница, Исеть, Миасс, Тобол внутренне интегрировала данную территорию в единый регион, обладавший единством природно-географических условий и хозяйственной специализации.

Еще одним фактором единства изучаемой территории являлось наличие транзитных торговых путей. О двух из них пишет О.Н. Вилков. Во-первых, торговый путь из Тобольска в Среднюю Азию, проходивший по реке Тобол через Царево Городище и Утяцкую слободу, а затем на реку Ишим и далее. Во-вторых, с верховий Исети и Миаса по Тоболу вплоть до Тобольска **[110]**. Таким образом, в основе этих путей лежала речная система, строго ориентировавшая данную территорию на Тобольск, Урал и киргиз-кайсацкие степи (Северный Казахстан).

С XVIII в. система внутренних и внешних связей региона претерпевает существенные изменения, происходит ее усложнение. Это было связано, прежде всего, с появлением крупного экономического региона – горнозаводского Урала. Появился новый рынок сбыта сельскохозяйственной продукции. Верхотурско-Тобольский земледельческий район превращается в один из главных ресурсных источников промышленного Урала. Именно с этого времени семантически более корректно называть изучаемую нами территорию Зауральем.

Первоначально власти пытались решить проблему продовольственного обеспечения горнозаводского населения наиболее легким для себя путем административного подчинения. Предпринимались попытки заставить крестьян доставлять сельскохозяйственную продукцию в порядке отбывания повинностей. Так, первым мастерам, приехавшим на Урал в 1700 г., полагалось хлебное жалованье «с ближних слобод», и верхотурский воевода обязывался доставить в срок 420 четвертей ржи и овса. Но в итоге, как отмечают исследователи, на Урале уже в первой половине XVIII в. снабжение работных людей хлебом осуществлялось сельскими жителями за деньги **[111]**.

Попытки административного давления на крестьянское население в деле продовольственного обеспечения Урала не прекращались. Власти стремились в этом деле активно использовать приписных крестьян. Заводское начальство и заводовладельцы производили закупки через специальных агентов или местных управителей, причем предписывалось «заготовлять покупкою... где дешевле сыскатца может», по самым низким ценам. Но приписные крестьяне старались не продешевить и вынуждали горнозаводское начальство приобретать у них продовольствие «самою настоящею ценою». Так, в декабре 1734 г. Главное правление Сибирских и Казанских заводов определило: поскольку

в Екатеринбурге «в магазине провианта в наличии и запасе имеетца самое малое число... и ради того, что в распутицу и летом оного в привозе почти не бывает, а мастеровые люди, обретающиеся на заводах, за малым ныне привозом хлеба запасти... не могут», управителям Каменского, Крутихинского, Камышловского и Алапаевского дистриктов закупить каждому по 1000 четвертей ржи, овса и ячменя на казенные деньги, «настоящею ценою» **[112]**.

Со временем возрастает роль поставщиков продовольствия из числа самих крестьян. В период до отмены внутренних таможен, власти, поощряя таких крестьян, освобождали их от уплаты пошлин. Но заводские власти пытались воспрепятствовать свободной торговле приписных крестьян на частных заводах, чтобы больше продовольствия шло на казенные. Государственный Генерал-берг-директориум распоряжением от 11 февраля 1737 г. (в ответ на жалобу Демидова) потребовал, чтобы был обеспечен свободный доступ на его заводы «охотникам»-хлебопродавцам, в том числе из приписных к казенным заводам крестьян **[113]**.

Но окрестным и приписным крестьянам не под силу было удовлетворить все нужды в продовольствии горнозаводского Урала. По подсчетам А.С. Черкасовой, в середине XVIII в. только для Нижнетагильского завода Демидова требовалось в год около 100 тыс. пудов хлеба. Кушвинскому заводу для пропитания заводского населения требовалось 18 тыс. пудов, Туринскому – 12,5 тыс., Полевскому – 15880 пудов, Верх-Исетскому – 10 тыс. пудов, Баранчинскому – 8904 пуда, Каменскому – 2322 пуда, заводу императрицы Анны – 13061 пуд. Поэтому уже в первой половине XVIII в. на заводском рынке появляются жители из более отдаленных слобод Зауралья **[114]**.

А.С. Черкасова отмечает, что крестьяне Шадринского уезда «хлеб отвозят... на казенные и частные заводы сухим путем». Так, 24 декабря 1741 г. из Шадринской таможни до Екатеринбурга были отпущены крестьяне Перфильев и Куницын с товарищами. Они везли «на трех возах хлебных припасов со своей пахоты: муки ржаной весом 20 пудов, мясо говядины 5 туш и 2 туши свиные». Еще один подобный пример. 8 декабря 1752 г. из Исетского острога был отпущен до г.г. Тюмени, Екатеринбурга и Невьянских заводов крестьянин Ларион Исаков. Он вез для продажи говяжье мясо на 16 р. **[115]**

Достаточно высокая товарность земледелия в зауральских слободах приводила к тому, что товарные потоки продовольствия стремились, прежде всего, в те места, где складывались наиболее приемлемые для производителя цены. А цены были выше в заводских центрах Урала. Уровень цен на муку в 1781 г. представлен в табл. 33.

Таблица 33

Цены на муку в 1781 г. (в коп. за пуд)*

Мука	Шадринск	Невьянский завод	Алапаевский завод	Ирбит	Верхотурье
1	2	3	4	5	6
Ржаная	9-10	17-20	10-24	8-22	15-35
Пшеничная	21	22-30	18-24	15-35	20-50
Ячневая	5,5-6,5	-	12-26	8-25	-
Гороховая	4-5	-	-	-	-

*Таблица составлена по: Черкасова А.С. Социально-экономические связи горнозаводских центров и деревень Урала в середине XVIII в.// Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия: Сборник научных статей. - Свердловск, 1986. - С. 35.

Как видим, наиболее низкий индекс цен в Шадринске, центре основного хлебопроизводства Зауралья, причем в Шадринске наблюдается полный набор производимой продовольственной продукции. Недостаток того или иного вида продовольствия и вызывал рост цен, а тем самым приток в эти места продукции сельского хозяйства.

Развитие крупной промышленности на Урале в определенной степени стимулировало здесь и развитие крупных крестьянских промыслов сельскохозяйственной направленности, которые были тесно связаны с зауральским хозяйством. В частности, в деревне Шарташ близ Екатеринбурга во второй половине XVIII в. возникают крестьянские кожевенные, мыловаренные и другие заводы. Владельцы их закупали скот в селениях Шадринского, Челябинского, Ялуторовского, Курганского уездов, перегоняли его в Шарташ, где затем забивали, изготовляя из полученного сырья кожи, овчины, мыло **[116]**. Обращает на себя внимание то, что в поставках на Урал активно участвовали не только самые близкие территории (Шадринский уезд Пермской губернии), но и более отдаленные (Ялуторовский и Курганский уезды Тобольской губернии).

Существующие экономические взаимосвязи имели взаимовыгодный характер. Рассмотрим это на примере одного из крупнейших зауральских хозяйственных комплексов – вотчины Далматовского монастыря.

Многие заводовладельцы закупали в монастыре продовольственные припасы, особенно активно этим занимался Демидов. На территории монастыря последний построил амбар, куда ссыпался купленный у монастырских крестьян хлеб. Например, в 1723 г. Демидову было

продано 2202 четверти ржи, 488 четвертей овса, 117 четвертей пшеницы, 335 пудов ржаной муки **[117]**. В 1738 г. в «Невьянский господина Демидова завод» было отправлено провианта и других припасов на сумму 377 руб. 54 коп., а именно: «пшеницы 1195 пудов 20 фунтов, пшеничной муки 38 пудов 30 фунтов, круп ячных 71 пуд, гороху 28 пудов, овса 133 пуда, свиного мяса 6 туш на 24 пуда, рыбы – щук, линей на 20 пудов 20 фунтов, хмелю 53 пуда, овчин 200 штук» **[118]**. В этом же году для обеспечения других заводов Демидова из монастыря на имя этого заводовладельца было отпущено муки ржаной – 79 пудов 38 фунтов, муки пшеничной – 117 пудов 28 фунтов, толокна – 108 пудов 27 фунтов, гороху – 53 пуда 10 фунтов, пшена – 3 пуда 20 фунтов, щук – 10 пудов 5 фунтов, линей – 14 пудов 35 фунтов, одна свиная туша – 4 пуда 10 фунтов **[119]**. Подобных примеров можно привести достаточно много. В 1720-30-х гг. ежегодно примерно 1/3 хлебных запасов Далматовского монастыря уходила в Челябинск, Усть-Катав, Верхоярскую, Чебаркульскую и другие крепости **[120]**.

В свою очередь, монастырь получал необходимые товары с уральских заводов. «1738 год февраля в 28 день в Невьянский господина дворянина Акинфия Никитича Демидова завод по щету в заводской его конторе с прошлого 732 года оного 738 году со февраля по 28 июля в разные годах за взятые со оных заводов в Успенский Далматов монастырь колокола и медную посуду и железо и за другие припасы причлось со оного монастыря взять денег сто сорок четыре рубля четыре копейки с половиною» **[121]**. В этом же 1738 г. с Невьянского завода монастырю было отпущено два колокола весом 131 пуд 10 фунтов, два языка колокольных весом 4 пуда 8 фунтов, колотушечного железа 10 пудов, одна наковальня в 4 пуда 19 фунтов **[122]**.

Кроме организованных покупок администрацией монастыря, промышленные товары покупало и население вотчины. Через Ирбитскую ярмарку и заводские лавки, которых, например, на Невьянском заводе в конце XVIII в. существовало 210, далматовские крестьяне покупали различный сельскохозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода **[123]**.

С возникновением крупного производства на Урале Зауралье все-таки не стало сырьевым придатком исключительно Урала. Сырьевые потоки из зауральского региона продолжали идти и в традиционном для XVII в. направлении – в Тобольск, в другие сибирские центры. В 1736 г. из Шадринской воеводской канцелярии в Далматовский монастырь поступил Указ о погрузке лодок-дощаников провиантом и отправке их в Тобольск для снабжения 2-ой Камчатской экспедиции, возглавляемой В. Берингом **[124]**. Тот же Далматовский монастырь участво-

вал в снабжении хлебом северных районов Западной Сибири. С 1750 г. монастырь стал торговать с казахами через хлебный торг в Троицкой крепости, в этом же году далматовские крестьяне возили из Шадринска провиант в Верхнеяицкую крепость. Монастырь имел торговые подворья в Тобольске, Ирбите, Шадринске **[125]**.

Не только Далматовский монастырь участвовал в межрегиональных экономических взаимоотношениях. В XVIII в. Исетская канцелярия фиксировала поставки провианта, отправляемого водным путем на дощаниках в различные пункты Сибирской губернии из Рафайлова монастыря, Кодской заимки, Терсяцкой и Мехонской слобод.

С 1756 по 1758 гг. монах-кладовщик Кодской заимки отправил на дощаниках в Кодский монастырь на Оби и в Тобольск для продажи 209,5 четвертей пшеницы, 11135 четвертей ржи и овса. Помимо этого отправлялась мука, солод, масло, сукно, холсты, овчины, кожи яловые **[126]**.

Возникшие в XVIII в. на юге Зауралья крепостные линии снабжались преимущественно исетским хлебом, об этом сообщал академик Фальк: «... по линиям едят Исетский хлеб» **[127]**.

Таким образом, система экономических взаимосвязей, с одной стороны, свидетельствовала об усложнении внутренней структуры региона, а с другой стороны, показывала реальность существования регионального единства Зауралья.

4.3. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЗАУРАЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

В период хозяйственного освоения и заселения любой территории социальная структура формирующегося общества всегда отличается большой подвижностью и маргинальным характером. В основе этой структуры лежит специфика экономического и политического развития региона.

Анализ наказных грамот на основание ряда зауральских слобод – Шадринской (1662 г.), Иковской (1680 г.), Утятской (1680 г.), Красноярской (1684 г.), Солтосарайской (1693 г.) - косвенно доказывает заметную роль маргинальных слоев населения в освоении зауральских земель. В грамоте на основание Шадринской слободы говорится: «А призывать ему, Юшку, на тое новое место, на Шадрину заимку, гулящих и других вольных добрых людей... и не тяглые иных городов и слобод люди, и пашня б им была за обычай...» **[128]**. Люди, переселявшиеся в

Сибирь, безусловно, имели какой-либо первоначальный социальный статус, но, уходя по собственной инициативе, теряли его. У них возникал широкий выбор в приобретении новой социальной роли. Но различные регионы Сибири, обладавшие различными специфическими чертами, ограничивали этот выбор определенным набором. Зауралье, как изначально сельскохозяйственный регион, создавало условия для крестьянского, прежде всего, наполнения социального пространства. С другой стороны, сложная военно- и этнополитическая ситуация здесь требовала наличия достаточного количества военнослужилого населения. Поэтому те же наказные грамоты обязывали слободскую администрацию переводить «гулящих» людей в соответствующую социальную категорию, прежде всего, крестьянскую: «... а призывать им в тое слободу на денежный оброк вольных гулящих людей». Сам факт обложения оброком, причем в зависимости от собственного земельного надела («собинной» пашни) уже переводил «гулящего» человека в крестьянское сословие. Тем более, что далее в этих документах употребляется исключительно термин «крестьянин» по отношению к тем, кто брал на себя обязанности по несению «государева тягла»: «и после льготных годов велеть им крестьянам всякое государево тягло тянуть и мирские подати платить».

Конечно, среди новоприходцев были и крестьяне, не собиравшиеся порывать со своим социальным прошлым, причем, среди прибывавших в Зауралье их было большинство. В тех же наказных грамотах читаем: «Да написать новоприбывших крестьян и их детей, братьев и племянников в книги именные, чей кто сын и прозвище, и откуда кто пришел» **[129]**. Обратим внимание на наследственное закрепление социального статуса, так характерное для традиционного аграрного общества.

Уже неоднократно упоминавшаяся нами военно-политическая ситуация в Зауралье требовала от властей создания в регионе достаточно крупных воинских формирований, что в первоначальный период освоения сделать было довольно сложно. Поэтому администрация в решении этой проблемы пошло традиционным путем – формируя в пограничье особые категории населения, одновременно участвовавшие в хозяйственном освоении края и в его обороне. Как нельзя более для этой двойственной функции подходило казачество. В Зауралье сформировалась особая категория этого сословия – беломестное казачество.

Как отмечает Е.В. Вершинин, характеризуя беломестных казаков, «в большей степени, чем все остальные группы служилых людей «по прибору», они отразили общую для всех групп двойственность поло-

жения в социальной структуре общества в XVII в.» **[130]**. По образу повседневной жизни, занимаясь хлебопашеством, беломестные казаки весьма близки были к крестьянам. В наказных памятях сообщалось: «... прибирать в тое слободу в беломестные казаки без государева денежного и хлебного жалованья.., а земли им отводить под пашню против иных Тобольского уезду слобод по шти десятин с полудесятиною в поле» **[131]**.

Указанная объективная двойственность положения беломестных казаков породила различные оценки социального характера этой категории. А.А. Кондрашенков и Н.А. Лапин считали, что эта категория по существу является крестьянской или «военно-обязанной категорией крестьянства» **[132]**. Однако подобная характеристика нам представляется чересчур категоричной.

Представляется вполне возможным сформулировать ряд существенных аргументов в пользу отнесения беломестных казаков к особой категории служилых людей «по прибору». Во-первых, во всех документах официального характера эта категория выделяется и называется отдельно от крестьян. Государство в лице местной администрации вполне осознанно различает эти две группы населения, как представителей разных сословий, что выражалось в различном объеме их прав и обязанностей. Принципиальным отличием была служба казаков, это было главной обязанностью их перед государством, за это они освобождались от «тягла», отсюда и термин «беломестный». Крестьяне же были главным «тяглым» населением страны («черносошные» – несущие бремя государственных повинностей). Земледелие же для казаков являлось формой вознаграждения, жалованием. Во-вторых, администрация неоднократно переводила беломестных казаков в разряд других служилых категорий, некрестьянский характер которых не вызывает сомнений. В 1667 г. они были переведены в драгуны: «... и катайским беломестным казакам всем велено быть в драгунах и по указу велено тот острог ведать драгунским начальным людям» **[133]**. Однако через три года они вновь были переведены в прежнее состояние. К началу XVIII в. часть беломестных казаков, как раз располагавшаяся в южной части Зауралья, вновь переводится в драгуны. А в 1724 г. оставшиеся в Западной Сибири беломестные казаки слились с выписными, оставшись только в Кузнецке **[134]**. В-третьих, если до 1689 г. беломестные казаки находились в подчинении слободчиков и приказчиков, не составляя организованного единства, то после этого вводилась должность главы беломестных казаков, который жил в Исетском остроге, тем самым эти казаки выводились из подчинения местных гражданских властей и переводились в организован-

ную группу. Главой зауральских беломестных квзаков стал тобольский сын боярский А. Обольянинов **[135]**. Численный состав этой категории к концу XVII в. Е.В. Вершинин определяет в 300-400 человек **[136]**, то есть в сравнении с крестьянским населением немного, но, учитывая постоянную военную опасность, мы должны признать их важную роль в обороне края.

Однако утверждение А.А. Кондрашенкова о возможности отнесения беломестных казаков к крестьянской категории тоже имеет свою систему аргументов. Постараемся их сконструировать. Во-первых, в значительной степени беломестные казаки рекрутировались из крестьян, тем самым прослеживается генетическая взаимосвязь между двумя категориями. Во-вторых, и это, на наш, взгляд более значимо, представителей изучаемой категории действительно сближал с крестьянами образ жизни: занятие хлебопашеством, равная необходимость и для казаков и для крестьян участвовать в обороне края (мы уже отмечали, что зауральские крестьяне, порою, были вооружены не хуже казаков и драгун и сами принимали участие в военных столкновениях).

Особенно пристальное внимание мы должны обратить внимание на так называемых «выписных» казаков, в состав которых в 1724 г. были включены беломестные казаки. Но власти в дальнейшем столкнулись с массовым недовольством этой категории казачества. В 1747 г. выборные челобитчики от крестьян Ялуторовского и Ишимского дистриктов Иван Бородин и Василий Белых просили отпустить их в Петербург, чтобы подать просьбу в Сенат об отмене назначения крестьян в выписные казаки. Челобитная имела успех. Сенат направил командующему сибирскими войсками генералу Киндерману распоряжение, в котором перед ним ставились вопросы: есть ли в них необходимость, и если их обратить в государственных крестьян, то можно ли вместо них «набрать столько же из непомнящих родства и не положенных в оклад?» А на время рассмотрения этого вопроса решалось с этой категории не брать подушных денег **[137]**. Получалось, что ценности крестьянской жизни для выписных казаков, значительная часть которых в прошлом была беломестными, оказывались более близкими.

Исходя из проведенного нами анализа, беломестное казачество являлось, скорее всего, промежуточной категорией между крестьянством и служилыми людьми «по прибору». Пограничный, переходный (маргинальный), по своему характеру регион порождал и пограничные, промежуточные (маргинальные), категории населения. Иначе говоря, особые условия территории нивелируют сословные качества, общество адаптируется к историко-географическому пространству формированием тенденции к формированию единого образа жизни для всех

сословий. Отсюда проистекает и возникновение схожих ценностных установок. Получается, что точно определить социальный статус той или иной группы населения можно только исходя из определенного контекста, в данном случае регионального.

В дальнейшем казачество становится неотъемлемой частью населения Зауралья как пограничной территории. Казачьи поселения по р. Уй стали составной частью Оренбургского казачьего войска. Оренбургские квзаки к концу XVIII в. составляли 17% от всего населения Челябинского уезда **[138]**.

Для более конкретного выяснения социальной структуры зауральского населения обратимся к количественным показателям, рассчитанным нв основе переписей. В табл. 34 представлена информация о социальном составе Среднего Притоболья в 1710 г.

Таблица 34

Социальный состав населения слобод Среднего Притоболья в 1710 г.*

Слободы	Крестьяне		Бобыли		Служилые люди		Приказная администрация и духовенство	
	Дворы %	Люди %	Дворы %	Люди %	Дворы %	Люди %	Дворы %	Люди %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Царево Городище	53,8	49,5	13,4	10,7	30,2	28,3	2,6	1,3
Белозерская	87,2	76,6	-	-	9,2	6,5	3,6	2,7
Иковская	57,4	49,1	18,9	15,7	20,8	15,9	2,9	1,9
Тебенякская	86,5	66,7	4,5	4,0	4,5	2,6	4,5	3,0
Утякская	86,6	74,0	7,0	8,2	2,1	1,4	4,3	3,0
Усть-Суерская	90,9	77,9	3,9	3,5	0,7	0,7	4,5	3,8
Суерская	45,7	36,8	17,5	11,6	32,3	28,1	4,5	4,5
Емуртлинская	73,1	71,7	11,4	10,6	11,4	10,6	4,1	2,3
Итого	68,1	60,0	10,9	8,4	17,3	14,2	3,7	2,7

*Таблица составлена по: Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII вв. Ч. 1. - Челябинск, 1966. - С. 156-157.

Данные 1710 г. убедительно показывают преобладвние крестьянского населения, вместе с бобылями оно составляло б8,4% всего населения, если к этому показателю еще прибавить подворников (14,7%), не включенных в таблицу, то доля возрастает до 83,1%. Примерно такова же и доля дворов – 80%.

Довольно высока доля служилого населения – 14,2% (17,3% дворов), что вполне объяснимо с точки зрения военно-политической ситу-

ации в Зауралье в это время.

Доля в 2,7% приказной администрации и духовенства вполне соответствует раскладу социальных сил в российском обществе на рубеже XVII-XVIII вв.

Среди отмеченных в табл. 34 слобод выделяется высокой долей служилого населения слобода Царево Городище – 28,3% населения (30,2% дворов). Социальная структура населения этой слободы в 1710 г. представлена в табл. 35.

Таблица 35

Социальный состав населения слободы Царево Городище в 1710 г.*

Принадлежность двора	Количество дворов	Д.м.п.	Д.ж.п.	Всего
1	2	3	4	5
Поповский	1	3	5	8
Церковного дьячка	1	6	8	14
Пономарский	1	1	4	5
Трапезника	1	3	4	7
Драгунского сержанта	1	1	2	3
Драгунских	41	162	187	349
Пушкарских	6	25	27	52
Воротников	1	8	6	14
Писчего дьяка	1	6	4	10
Отставного пономаря	1	5	5	10
Отставных драгун	29	103	94	197
Крестьянских	140	523	530	1053
Бобыльских	36	120	115	235
Итого	260	966	991	1957

*Таблица составлена по: РГАДА, ф. 214, кн. 1526, л. 186-226об

Небольшое пояснение к табл. 35, функции приказчика в этой слободе выполнял драгунский капитан Иван Обольянинов, но семья его жила в Мехонской слободе, поэтому в таблице не указан его двор, так как он не имел здесь своего хозяйства. В связи с этим логично рассмотреть состав слободской администрации. Для сравнения с вышеприведенными данными привлечем материалы переписи 1699 г. по Мехонской и Терсюцкой слободам. В Терсюцкой слободе приказчик сын боярский Василий Лукьянович Волков, присланный сюда из Москвы, сын боярский Андрей Тутолмин, который нес «государеву берего-

вую службу», командовал драгунами и солдатами, пищик Михаил Васильев. В Мехонском остроге приказчик Иван Павлович Симонов, отставной исетский приказчик А.Ф. Обольянинов, два драгунских капитана – Карп Постовалов и Иван Обольянинов (через десять лет мы сталкиваемся с ним в качестве приказчика слободы Царево Городище), сын боярский Д. Безсонов, находившийся на «государевой береговой службе» и ведавший делами приказной избы в слободв, сын боярский Я. Выходцев. Также – отставные подъячие **[139]**. Таким образом, слободская администрация состояла, как правило, из приказчика, командира местной воинской команды, подъячего приказной слободской избы, а также пищика, выполнявшего канцелярскую работу.

Вернемся к слободе Царево Городище. Среди служилого населения подавляющую часть составляют драгуны. Помимо них были еще воротники и пушкари, выполнявшие преимущественно функции гарнизонной службы. Данное соотношение свидетельствует о важной тенденции военного строительства на рубеже XVII-XVIII вв. – вытеснении регулярными формированиями других категорий служилых людей «по прибору».

В отличие от слободы Царево Городище, в Утятской слободе количество служилых людей было меньшим. Крестьяне подавляюще преобладали. Эти данные мы можем видеть в табл. 36.

Таблица 36

Социальный состав населения Утятской слободы в 1710 г.*

Принадлежность двора	Количество дворов	Д.м.п.	Д.ж.п.	Всего
1	2	3	4	5
Приказчика	1	8	7	15
Поповский	1	3	3	6
Церковного дьячка	1	3	1	4
Писчего дьяка	1	9	4	13
Воротники	2	9	2	11
Крестьянских	84	316	350	666
Бобыльских	7	34	28	62
Пришлых гуляющих	2	6	6	12
Итого	99	388	401	789

*Таблица составлена по: РГАДА, ф. 214, кн. 1526, л. 227-246.

Социальная структура населения в Утятской слободе подобна Царевогородищенской, то же самое можно сказать и о других зауральс-

ких слободах. При совпадающей структуре различие в основном заключалось в доле той или иной категории. Особенностью Утятской слободы было наличие так называемых «гулящих» людей, видимо, пришедших сюда совсем недавно и не приобретших нового социального статуса. Эта слобода, находившаяся на самом юге Звуралья, имела еще значительную внутреннюю колонизационную емкость, обеспечивающую постоянный приток новых переселенцев.

Важной региональной особенностью социальной структуры населения Зауралья являлось увеличение доли служилого населения к югу территории и, наоборот, при продвижении на север доля военных снижается и уввличивается доля крестьян, что отражало общую тенденцию в направлениях освоения данной территории и свидетельствовало о местах наибольшей военно-политической напряженности.

После почти тридцати лет, в 1741 г., по данным анкеты Г.Ф. Миллера, в Царевом Городище количество военно-служилого населения оставалось примерно таким же – доля драгунских дворов, включая отставных, составила 44,7% (даже увеличение), крестьянство составило 35% **[140]**. Высокая доля военного населения свидетельствовала о сохранявшейся военной опасности, в связи с этим длительное время Царево Городище являлось центром размещения Сибирского драгунского полка. Сокращвние доли крестьянского населения, сохранение высокой доли военных в данной слободе говорило об усилении процвсоов градообразования, завершившихся образоввнием города Кургана в 1782 г.

В целом можно с уверенностью утверждать, что на протяжении всего изучаемого периода крестьянство существенно преобладало в социальной структуре Зауралья. По данным А.Н. Жеравиной, в 1762 г. доля крестьянства от общего населения нв территории Курганского уезда составляла 96%, в 1782 г. – 93%. Та же самая доля в рамках территории Ялуторовского уезда в 1762 г. составляла 88%, в 1782 г. – 87% **[141]**.

Однако крестьянство не было однородным, специфика регионального развития накладывала отпечаток и на зту социальную категорию. Квк мы уже отмечали, одними из первых поселений в Зауралье были монастыри и комплексы поселений вокруг них. С первых шагов освоения Зауралья стала формироваться категория зависимых монастырских крестьян. Перед ликвидацией церковно-монастырского землевладения в 1762 г. в Западной Сибири насчитывалось 14291 д.м.п. монастырских крестьян **[142]**. Это составляло чуть более 10% от общего мужского населения.

В Зауралье монастырские крестьяне занимали заметное место в

рамках крестьянского населения, в значительной степени по причине существования здесь одного из крупнейших в Сибири Далматовского монастыря. По данным третьей ревизии за монастырем числилось 2158 д.м.п. **[143]**, что составляло чуть более 15% от общего количества всех монастырских крестьян Западной Сибири, на фоне общего крестьянского населения Зауралья эта доля сокращается до 2,5%. Если же соотнести мужское население монастыря с населением будущего Далматовского уезда (по данным В.М. Кабузана), то доля составит 9,8%. Кстати, отметим довольно значительную плотность церковно-монастырского землевладения в исетском районе Зауралья. Здесь, помимо указанного монастыря, существовали Рафвйлов монастырь, Введенский женский монастырь, заимка Кондинского монастыря (Кодская заимка), Архангельская заимка, митрополичье село Воскресенское и т.д. Таким образом, наиболее заметное место монастырские крестьяне занимали в Прииестье.

Формирование Уральского промышленного региона оказало существенное воздействие на различные стороны жизни сопредельных территорий, в том числе и на социальную структуру. Это, прежде всего, выразилось в возникновении такой специфической категории как приписные крестьяне. На них были возложены различные вспомогательные работы: рубка леса на дрова и уголь, выжиг угля в заводских куренях, добыча руды, извести, сплав леса по рекам, доставка предприятиям угля, дров и лесных материалов. Приписка осуществлялась преимущественно среди крестьян близлежащих к заводам территорий. Однако дефицит рабочей силы заставлял власти искать дополнительные трудовые ресурсы и в более отдаленных районах. Применительно к Зауралью таковыми стали территории по левым притокам Тобола и, в первую очередь, Исети. В 1767 г., например, в Шадринском дистрикте все приписные к частным заводам крестьяне составляли 4204 д.м.п. **[144]**, что составляло примерно 20% от всего мужского населения (за основу расчета были взяты данные В.М. Кабузана). Чем дальше от Урала, тем количество приписных крестьян было меньше. В Притоболье эта категория практически отсутствовала.

Проведенный нами анализ показывает, что наибольшая степень дифференциации крестьянского населения была характерна для Приисетья. Восточные районы Зауралья в этом отношении отличались большей социальной однородностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вилков О.Н. Концепция С.В. Бахрушина и В.И. Шункова о характере первоначального периода заселения Сибири// Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Сборник научных трудов. - Новосибирск, 1991. - С. 65.
2. Список населенных мест Тобольской губернии. - СПб., 1871. - С. 49.
3. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. - СПб., 1786. - С. 14; Плотников Г.С. Описание мужского Далматовского Успенского общежительного монастыря. - Екатеринбург, 1906. - С. 25.
4. Верхотурские грамоты конца XVI-начала XVII в. - М., 1982. - С. 13.
5. Там же. С. 11-12.
6. Водарский Я.Е. Земельные угодья и землевладения на Урале в XVII-первой половине XIX в.// Крестьянство Урала в эпоху феодализма. - Свердловск, 1988. - С. 55.
7. Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Предисловие// Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Серия: История Сибири. Первоисточники. - Вып. IV. - Новосибирск, 1994. - С. 29.
8. Вилков О.Н. Тобольск – центр хлебной торговли Западной Сибири XVII в.// Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). - М., 1973. - С. 169.
9. Там же. С. 170.
10. Там же. С. 167.
11. Там же. С. 173.
12. Первое столетие сибирских городов. XVII век. Серия: История Сибири. Первоисточники. - Вып. VII. - Новосибирск, 1996. - С. 45.
13. Там же. С. 113.
14. Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. - М., 1974. - С. 17.
15. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI-начале XVIII в. - М., 1972. - С. 86.
16. ГАГШ, ф. 224, д.3243, л. 168об.
17. РГАДА, ф. 199, д. 481, т. 2, л. 509об.
18. Преображенский А.А. Указ. соч. С. 98.
19. Там же.
20. Там же. С. 99.
21. Первое столетие сибирских городов. С. 139.
22. Там же. С. 141, 143, 154.

23.История Сибири. - Л., 1968. - Т. 2. - С. 62.
24.Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII вв. Ч. 2. - Челябинск, 1969. - С. 63.
25.РГАДА, ф. 199, д. 481, т. 2, л. 511-511об.
26.История Сибири. Т. 2. С. 199.
27.Шунков В.И. Указ. соч. С. 39.
28.РГАДА, ф. 199, д. 481, т. 2, л. 511.
29.ГАГШ, ф. 224, д. 3243, л. 169.
30.Плотников Г.С. Указ. соч. С. 43.
31.Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. - М., 2001. - С. 32.
32.Там же. С. 32-33.
33.Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII-XVIII вв. - М., 1984. - С. 54.
34.Милов Л.В. Указ. соч. С. 33.
35.Власова И.В. Указ. соч. С. 66.
36.Соколов П.И. Исторический ход развития земледелия в Западной Сибири. - СПб., 1891. - С. 3.
37.Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Указ. соч. С. 29-30.
38.Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 78.
39.Там же.
40.Там же. С. 79.
41.Там же. С. 77-79.
42.Полное собрание ученых путешествий по России. - СПб., 1824. - Т. 6. - С. 320.
43.Там же.
44.Шунков В.И. Указ. соч. С. 110.
45.Кондрашенков А.А. Указ. соч. С. 71.
46.Власова И.В. Указ. соч. С. 67.
47.Милов Л.В. Указ. соч. С. 24.
48.Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Указ. соч. С. 30.
49.Там же. С. 31-32.
50.Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 80.
51.РГАДА, ф. 199, д. 481, т. 2, л. 511.
52.ГАГШ, ф. 224, д. 3243, л. 169.
53.Кондрашенков А.А. Указ. соч. С. 63.
54.Власова И.В. Указ. соч. С. 208-210.
55.История Сибири. Т. 2. С. 69.
56.Милов Л.В. Указ. соч. С. 38-39.
57.Там же. С. 39.
58.Там же. С. 39-40.

59.Там же. С. 40.
60.Там же. С. 41.
61.Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 77-79.
62.Милов Л.В. Указ. соч. С. 166.
63.Власова И.В. Указ. соч. С. 55; Милов Л.В. Указ. соч. С. 122-133.
64.История Курганской области (с древнейших времен до 1861 г.). Т. 1. - Курган, 1995. - С. 142.
65.Паллас П.С. Указ. соч. С. 9.
66.Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. С. 320, 352.
67.Милов Л.В. Указ. соч. С. 169.
68.Там же. С. 181-182.
69.Там же. С. 189.
70.Кауфман А.А. Сибирь// Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIX. - СПб., 1900. - С. 766-767.
71.Лебедева А.А. Русские Притоболья и Забайкалья. Очерки материальной культуры, XVII-начало XX в. - М., 1992. - С. 103.
72.Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 76-78.
73.Там же. С. 76.
74.Там же. С. 76, 77.
75.Милов Л.В. Указ. соч. С. 234.
76.Цит. по: там же. С. 234-235.
77.Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 76-78.
78.Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. С. 321.
79.История Сибири. Т. 2. С. 169.
80.Вилков О.Н. Очерки социально-экономической истории Сибири в конце XVI-начале XVIII в. - Новосибирск, 1990. - С. 54.
81.Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря. Сборник документов. - Свердловск, 1992. - С. 10-25.
82.РГАДА, ф. 199, д. 481, т. 2, л. 246-253.
83.Плотников Г.С. Указ. соч. С. 40.
84.Материалы для истории Сибири. - М., 1867. - С. 131.
85.Соколов П.И. Указ. соч. С. 7.
86.Власова И.В. Указ. соч. С. 208-209.
87.Там же. С. 210.
88.Там же. С. 203.
89.Милов Л.В. Указ. соч. С. 235.
90.Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. - М., 1925. - С. 116.
91.Милов Л.В. Указ. соч. С. 216.

92.Лебедева А.А. Указ. соч. С. 73.
93.Вилков О.Н. Очерки... С. 54.
94.Лебедева А.А. Указ. соч. С. 34.
95.Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. - Новосибирск, 1982. - С. 72.
96.Лебедева А.А. Указ. соч. С. 38.
97.Паллас П.С. Указ. соч. С. 15, 43.
98.Там же. С. 10.
99.Материалы для истории Сибири. С. 191, 211.
100.Паллас П.С. Указ. соч. С. 44.
101.Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: формирование агропромысловых структур. - Новосибирск, 1989. - С. 28.
102.Крестьянство Сибири... С. 70-71.
103.Там же. С. 86.
104.Лебедева А.А. Указ. соч. С. 73.
105.Мамсик Т.С. Указ. соч. С. 66.
106.ГАГШ, ф. 224, д. 154, л. 21об.
107.Квецинская Т.Е. Хлебная торговля г. Вехотурья в XVII в.// Торговля городов Сибири конца XVI-начала XX в. Сборник научных статей. Новосибирск, 1987. - С. 75.
108.Вилков О.Н. Тобольск... С. 181, 184.
109.Там же. С. 181-186.
110.Вилков О.Н. Очерки... С. 54.
111.Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Интеграция аграрного окружения в заводское производство (Урал и Западная Сибирь XVIII-первой половины XIX в.). - Екатеринбург, 1995. - С. 11.
112.Там же. С. 11-12.
113.Там же. С. 12.
114.Там же. С. 12-13.
115.Черкасова А.С. Социально-экономические связи горнозаводских центров и деревень Урала в середине XVIII в.// Деревня и город Урала в эпоху феодализма: Сборник научных трудов. - Свердловск, 1986. - С. 30.
116.Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Указ. соч. С. 21.
117.ГАГШ, ф. 224, д. 72, л. 2.
118.ГАГШ, ф. 224, д. 212, л. 3.
119.Там же, л. 4.
120.Сергеев Ю.Н. Православная церковь и хозяйственное освое-

ние Южного Урала в XVI-середине XVIII в.// Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. II. - Челябинск, 1995. - С. 34.
121.ГАПШ, ф. 224, д. 212, л. 2.
122.Там же, л. 3-4.
123.Кондрашенков А.А. Указ. соч. С. 194.
124.Шадринская летопись (1649-1916). - Шадринск, 1997. - С. 21.
125.Кондрашенков А.А. Указ. соч. С. 250; Шадринская летопись. С. 24.
126.Чернышов В.С. Водные пути сообщения исетских поселений с Кодой и Тобольском в XVII-XVIII вв.// Шадринская провинция. - Шадринск, 1998. - С. 59.
127.Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. С. 352.
128.История Курганской области. Т. 1. С. 156.
129.Там же.
130.Вершинин Е.В. Беломестные казаки Зауралья в XVII в.// Казаки Урала и Сибири в XVII-XX вв. - Екатеринбург, 1993. - С. 52.
131.ДАИ. Т. VII. С. 363.
132.Кондрашенков А.А. Русская колонизация Зауралья в XVII-XVIII вв.// Ученые записки Курганского пединститута. Вып. 6. - Курган, 1964. - С. 3-39.
133.РГАДА, ф. 214, кн. 535, л. 1009об.
134.Емельянов Н.Ф. Состав русского населения Сибири между первой и второй ревизиями// Вопросы аграрной истории Урала и Зауралья (XVII-XX вв.). - Свердловск, 1990. - С. 32.
135.РГАДА, ф. 214, д. 100, л. 236.
136.Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 56.
137.Материалы для истории Сибири. С. 29.
138.Устюгов Н.В. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в.// Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1961. - С. 74.
139.РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 434, л. 274-360об.
140.РГАДА, ф. 199, д. 481, т. 2, л. 243-253.
141.Жеравина А.Н. Рост крестьянского населения Западной Сибири в XVIII в.// Вопросы истории Сибири. - Вып. 1. - Томск, 1964. - С. 10.
142.Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII вв. Ч. - 1. - Челябинск, 1966. - С. 71.
143.Плотников Г.С. Указ. соч. С. 37.
144.Прохоров М.Ф. Крестьянская колонизация Оренбургского края в середине XVIII в.// Россия и Восток... С. 12.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного нами комплексного анализа с использованием как традиционных исторических методов исследования, так и относительно новых (исторические локалистика и регионалистика, микроисторический анализ), мы выявили общие и особенные черты русской колонизации Зауралья в XVII-XVIII вв.

Колонизация означенного региона являлась составной частью крупного исторического процесса – территориального расширения Российского государства в ходе заселения и освоения огромных территорий северо-востока Евразии, сибирского субконтинента. В процессе колонизации происходило становление новых региональных структур, можно сказать, что колонизация являлась важнейшим фактором пространственной дифференциации. В частности, именно процесс хозяйственного освоения привел к выделению крупного региона – Урала. Однако, и меньшие по размерам региональные образования возникали под воздействием колонизационных процессов, одним из таких и являлось Зауралье.

Анализ природно-географических условий позволил нам выделить относительно внутренне однородную территорию, являющуюся, по нашему мнению, природным субстратом зауральского историко-географического региона. Это пространство по правым притокам речной системы Тобола – Тура, Ница, Нейва, Пышма, Исеть, Миасс и Уй, а также Среднее Притоболье. Оно характеризуется переходными ландшафтными условиями от зоны подтайги (смешанных, преимущественно березово-сосновых лесов) к лесостепной зоне. Характер ландшафтов напрямую связан с почвенными условиями. Здесь преобладали, выражаясь языком XVII в., «добрые» и «средние» земли, доля «худых» была значительно меньше. Эти земли соответствовали лесным подзолам и черноземам. Наиболее плодородные земли концентрировались в районе рек Исети, Пышмы и Ницы. Среднее Притоболье характеризовалось наличием значительного количества лугов и других сенокосных угодий. В целом указанная территория являлась в высшей степени благоприятной для традиционной для русского крестьянства хозяйственной деятельности. Отметим, что близка к указанной территории по выделенным нами характеристикам Ишимская лесостепная ландшафтная провинция, но мы исключили ее из нашего анализа по причине свойств уже иного характера – социального. Территория Затоболья стала зоной активной русской колонизации значительно позже, поэтому политически и социально-экономически оказалась включенной в иную систему территориальных связей.

Русская колонизация Зауралья сопровождалась практически на протяжении двух столетий ожесточенными военными столкновениями

с местными народами. Как показывает конкретно-исторический и историографический анализ, утверждение о преимущественно мирном характере включения Сибири в состав России требует существенной корректировки. Она возможна в процессе порайонного изучения данного процесса. Не исключая принципиальной возможности мирного, комплиментарного взаимодействия русских с аборигенным сибирским населением, этно- и военно-политическая ситуация в Зауралье в период русской колонизации свидетельствовала об обратном. Ожесточенный характер столкновений русских с кучумовичами, башкирами, калмыками, казахами, их длительность дают возможность говорить о возможности использования термина «завоевание» применительно к колонизации Зауралья. Еще одной важной особенностью регионального развития было то, что в ходе межэтнических взаимодействий в Зауралье происходило столкновение разных колонизационных потоков – русского, башкирского, калмыцкого и казахского – в различные временные отрезки изучаемого периода, что создавало повышенную степень конфликтности в межэтнических отношениях на протяжении всего этого времени. Указанные обстоятельства существенно тормозили процесс освоения территории и существенно влияли на социальный состав населения и его повседневную жизнь.

Преобладание среди переселенцев в Сибирь выходцев из Поморья в целом характерно и для Зауралья. Но более детальный анализ несколько уточняет это утверждение. По крайней мере, во второй половине XVII в. определяющую роль в заселении Зауралья играло Предуралье. Анализ мест выхода переселенцев в Зауралье подтверждает тезис о том, что процесс русской колонизации шел путем медленного, но поступательного «сползания» в восточном направлении. Отдельные миграции были незначительными, население постепенно продвигалось из европейской части в азиатскую.

В целом для заселения Сибири справедлив вывод о том, что главное направление русского колонизационного потока шло в широтном направлении с запада на восток, движение же по линии север – юг длительное время было второстепенным, проникновение русских в лесостепную зону шло как бы по касательной к линии основного переселенческого потока. Для Зауралья более характерным было как раз меридиональное направление миграций с севера на юг. Это оказывается характерным и для дорусского периода, и свидетельствует о существовании трансвременных закономерностей миграций, определяемых пространственно-географическими условиями того или иного региона. В случае с Зауральем определяющими факторами основных направлений миграционных движений стали меридиональная направленность речной системы Тобола, а также тормозящий эффект встреч-

ных колонизационных потоков башкир и киргиз-кайсаков (казахов). На микротерриториальном уровне выявляются и иные направления. Так, первоначально продвижение русских идет в широтном направлении вдоль долин рек Исети, Пышмы, Нейвы, Ницы с запада на восток. Затем усиливается южное направление вверх по течению Тобола. И лишь в XVIII в. начинается активное заселение долины Миасса и Миасско-Уйского междуречья, с преобладающим нвпрввлением на юго-запад.

Наиболее активно территория Зауралья заселялась в период с 1680-х по 1710-е гг. Среднегодовой показатель прироста населения составлял около 15%. Примерно со второй четверти XVIII в. преобладающим становится естественный прирост населения. С этого времени в процессах движения населения усиливается роль внутрирегиональных миграций, что косвенным образом свидетельствует о внутренней региональной стабилизации.

Для Зауралья, особенно со второй половины XVII в., характерно преобладание многодворных поселений и высокий уровень средней населенности крестьянского двора. Еще раз отметим, что «северорусская крестьянская традиция строительства малых семей, успешно сохранявшаяся в условиях относительно плотно заселенной и бедной плодородными землями таежной зоны Западной Сибири, не выжила в столкновении со специфическими условиями сибирского юга».

Природные условия, как отмечалось выше, благоприятствовали развитию земледелия. В Зауралье сложилась традиционная система хозяйствования с ведущей ролью земледелия. На протяжении колонизации в регионе происходило формирование сложной системы землепользования, сочетввшей трехполье, многополье, перелог с залежью и даже элементы подсеки.

Характерным для Заурвлья было наличие значительных размеров «собинной» запашки и сенных угодий. Особенности почвенных условий предопределили активное освоение междуречий, что было не характерно для других сибирских и уральских территорий. В результате к концу изучаемого периода Зауралье оказалось более равномерно заселенным, чем соседние регионы.

Структура возделываемых зерновых культур в Зауралье была аналогичной общерусским традициям. Но их продуктивность отличалась от Европейской России большей амплитудой колебаний (от сам-2 до сам-15), что определялось колонизируемым характером территории. Вследствие этого использование архаичных форм землепользования на целинных землях позволяло порою получать довольно высокие урожаи, но средние показатели все-таки приближаются к общерусским показателям (в среднем сам-3).

Важнейшим фактором формирования регионального единства является включенность территории в систему межрегиональных взаимосвязей. Уже с самых ранних этапов освоения Зауралье превращается в один из основных хлебопроизводящих районов Урало-Сибирского региона. Основным центром экономического притяжения становился в XVII в. Тобольск, где сбывалась большая часть хлеба из Зауралья. Отметим также высокий уровень товарности сельского хозяйства Зауралья в это время. Важнейшими поставщиками хлеба были пышминские, ницынские и исетские слободы.

С появлением Уральского горнозаводского региона система межрегиональных связей существенно усложняется. Все в большей степени Зауралье начинает ориентироваться на уральские заводские центры, но сохраняется ресурсная взаимосвязь и с сугубо сибирскими центрами. Зауралье превращается в важную транзитную территорию между Уралом, Сибирью и Казахстаном. Маргинальность региона, его буферность, как это ни покажется странным, стала важным фактором внутренней стабилизации региональных структур. Регион черпал ресурсы для своей стабильности из дополнительного характера своей территории. Это определялось в свою очередь пограничным характером Зауралья.

Пограничность региона повлияла и на особенности социальной структуры зауральского общества. Хотя крестьянство и являлось преобладающей частью населения, в XVII-первой половине XVIII в. значительную долю составляли военнослужилые категории (до 30%). Специфическими категориями являлись беломестные и выписные казаки, по образу жизни близкие к крестьянству. В свою очередь, и образ жизни крестьянства приближался к военным. Постоянная военная опасность заставляла крестьян быть всегда готовыми к отпору и участию в военных конфликтах, иметь довольно значительное количество огнестрельного оружия. Конкретные региональные условия приводили к нивелированию социальных особенностей. Иначе говоря, в процессе адаптации к маргинальным условиям среды формировалась соответствующая социальная структура, тоже характеризующаяся значительной маргинальностью.

Проведенный нами региональный анализ показывает значительные эвристические возможности методов исторической локалистики и микроистории, позволяющие получить новые образы исторической реальности микротерриториального и регионального масштаба, отличные от макроисторических. Это обстоятельство делает актуальным данный подход в дальнейшем изучении Зауралья и других регионов и для иных периодов.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аблай 61
Абрамов Н.А. 19
Абулхаир 70, 71
Абуев К.К. 28, 71, 73
Абылай 71
Акманов И.Г. 28
Аксентьев И. 38
Алексеев А.И. 4
Андреев Д. 94
Анна Иоанновна 71
Арсеньев К. 17

Бакшеев И. 93
Барак 71
Батыр 71
Бахрушин С.В. 22,23
Безсонов Д. 166
Бекень 63
Беклемишев 146
Белошейкин С. 62
Белых В. 163
Беринг В. 159
Бирюков В.П. 21
Боботков В. 70
Боботков И. 70
Богатырев А.И. 29
Бородин И. 163
Брюс Линкольн В. 29
Бурков (Бурковых) С.С. 99, 117
Буцинский П.Н. 17,18

Васильев М. 166
Вершинин Е.В. 28, 58, 59, 66, 161,163
Вилков О.Н. 26, 78, 122, 124, 125, 144, 156
Власова И.В. 25, 130, 132, 134, 137, 141, 146
Водарский Я.Е. 25, 88, 90, 98, 124
Волков В.Л. 166
Вощинин В.П. 21
Вуд А. 32
Выходцев Я. 166

Гагемейстер Ю. 17
Галанова Г.Э. 8
Годунов П.И. 61, 72, 95, 96
Голикова С.В. 26
Голов Ф.Е. 99
Головин В.П. 123
Горюшкин Л.М. 14
Грачев М.С. 117
Григоровский Н.П. 117
Громыко М.М. 24, 134
Губин Г. 70
Гусев М. 70

Далмат (Мокринский Д.И.) 19, 91
Демидов А.Н. 157-159
Демин И. 70
Денисов С. 131
Дмитриев А.А. 18
Дмитришин Б. 33

Елизавета Петровна 72
Емельянов Н.Ф. 14, 25, 28, 29, 31
Ерафеев Е. 93, 94
Еремеева А. 129
Ерохина Е.А. 67

Жеравина А.Н. 167

Завалишин И. 95
Завьялов В. 66
Заиков М. 93
Замятин Д.Н. 10
Замятин С. 70
Зверев В. 149
Зверев И. 70
Земцов В.Н. 9
Зубкоа К.И. 9
Зуев А.С. 14, 15, 28, 67, 68

Иван (IV) Грозный 56
Иванов А. 143
Ильин О. 98
Иофа Л.Е. 23

Исаков Л. 157

Кабо Р.М. 23, 94
Кабузан В.М. 25, 38, 101, 104, 108, 168
Квганский В.Л. 11
Калинин В. 135, 143, 144
Камынин 93
Каптерев Л.М. 21
Кауфман А.А. 19,20,142
Квецинская Т.Е. 26,152
Киндерман Х.Х. 37, 69, 72, 104, 110, 149, 163
Клементьев В. 135
Ковальченко И.Д. 147
Колесников А.Д. 24, 108
Коллинз Д. 32
Комар И.В. 50, 54
Кондрашенков А.А. 24, 38, 93, 94, 128, 134, 162, 163
Коновалов Ю.В. 196
Корнилов Г.Е. 29,
Королевы 55, 123
Коростин Л. 126
Кривоносов С. 70
Кузеев Р.Г. 28, 60, 64
Кузнецов С.И. 67, 68
Куницын 157
Курбатов И. 70
Курбатов Я. 70
Кутузов 72
Кучук 61
Кучум 57-59

Лапин Н.А. 93, 94, 162
Лебедева А.А. 27, 148, 150
Локтев А. 97
Лосичиков А. 97
Лушников Е. 70
Любимова Г.В. 116

Малечкин (Юшка Соловей) Ю. 39, 93, 94, 160
Мамсик Т.С. 26, 104, 149, 150
Мандар 63
Манькова И.Л. 36
Менщиков В.В. 14, 28

Миклашевский 64
Миллер Г.Ф. 15, 16, 37, 39, 57, 52, 53, 65, 104, 112, 145, 167
Милов Л.В. 27, 129, 130, 135, 139-143, 147
Миненко Н.А. 14, 25-27, 108, 111
Мирзоев В.Г. 14
Михеев В. 66
Моисеев М. 131
Мурзабулатов М.В. 28, 60
Мыльников П. 150

Науменко Н.И. 51
Невежин Т. 95
Неплюев И. 73
Нестеров С. 95
Нечаева М.Ю. 29
Никитин В.А. 28
Нуралы 71

Обольянинов А.Ф. 163,166
Обольянинов И. 165,166
Оборин В.А. 26,27, 50, 54, 56, 59, 86, 87, 90
Огурцов А.Ю. 28,57, 63
Онисимов (Анисимов) Т. 96
Осипов К. 99

Павлуцкий Я.С. 63-65
Павлуцких Г.Г. 28
Паллас П.С. 16,35,55,141,142,148,149
Парфентьев А. 38,146
Пермяков Т. 97
Перфильев 157
Пестерев В.В. 28
Петр I 68
Плещеев Ф.К. 125
Плотников Г.С. 19, 24,39
Побережников И.В. 26
Покшишевский В.В. 23, 89, 90
Полуехтов Д. 61
Пономарев М.М. 117
Попов Н.С. 16, 17
Поскочин Л. 38, 82, 83, 85, 96
Постовалов И. 150
Постовалов К. 166

Потанин Г.Н. 34, 36
Преображенский А.А. 25, 126, 127
Пузанов В.Д. 28, 58
Пундани В.В. 14, 28

Рахматуллин У.Х. 28
Рачковский С. 62
Ревель Ж. 9,
Ремезов С. 94
Ривкин М. 32
Родоман Б.Б. 11
Романов С.В. 28,57
Рычков П.И. 15,16,140

Сабырханов А. 28
Савич А.А. 22
Самойлов Н. 18
Самойлов С. 131,143
Селетков Е.С. 37
Симонов И.П. 166
Словцов П.А. 17,18,54,55,95
Соколов М. 150
Соколов П.И. 19, 146
Строгановы 54
Сулешов Ю.Я. 125
Суслов С. 66

Тарасов Ю.М. 25, 100, 101
Татищев В.Н. 72, 143
Тернер 33
Титов А. 35
Толыбеков С.Е. 28
Томилов В. 63
Трофимов С.В. 96
Турский В. 38
Тутолмин А. 166

Угрюмов 146
Усанов В.И. 14
Устюгов В.Н. 23, 24

Фальк И.П. 16,35,132, 141, 142, 144, 160
Федор Иванович 122, 123

Феофанов Т. 135
Форсайт Дж. 32,33

Хилков 93
Хоорлек 58
Хрущов Д.И. 125

Чагин Г.Н. 27
Чаянов А.В. 147,148
Черепанов Я. 150,
Черкасова А.С. 26,157
Черкасский 128
Чернавский Н.М. 21
Черносвитов П.Ю. 4
Чернышов В.С. 26
Чичерин Б.Н. 18

Шипицины 55,123
Шишков 72
Шишонко В.Н. 18
Шубин Е. 38
Шульгин В. 38
Шунков В.И. 6, 22, 23, 33, 100, 125, 126, 128, 132, 140

Щекин В. 70
Щекин Я. 70

Юровский Ф.А. 117

Ямзин И.Л. 21

Указатель географнческих названнй

Абацкая слобода 70
Австралия 4
Алапаевский дистрикт 157
Алтай 48
Америка 4
Англия 32
Арамильская слобода 82, 89, 90, 144
Арамышевская слобода 82, 89, 90
Арбинская, деревня 105, 145
Архангельская губерния 147
Архангельская заимка 79-81, 113, 168
Архангельская слобода 144, 155
Архангельский уезд 83
Ахуновский, поселок 98
Ашкарская слобода 89
Аятская слобода 90
Аять, река 52

Бабина, деревня 133
Багаряк, река 54
Багаряцкая слобода 82, 144, 155
Багаряцкий острог 90
Бакланская, деревня 70
Балтийское море 3
Барабинская, деревн90, 93, 97, 100, 109, 110, 149, 151, 155
Башкирия 63
Белозерская слобода, волость 69, 89, 90,95, 97-100, 107-109, 111, 113-115, 127, 149, 164
Белослудская слобода 89, 90
Белоярская, деревня 97, 105,145
Белоярская слобода 90, 100, 127
Беляковская слобода 80, 90, 148
Березовский, поселок 98
Бешкильская слобода 144, 148, 155
Бешкильский острог 90
Бисерова, деревня 91
Бродокалмацкий острог 90

Буткинская слобода 90

Вага, река 79, 82, 83, 86, 87
Вагай, река 6
Важский уезд 83, 88
Варлакова, деревня 70
Введенский женский монастырь 168
Введенское, село (деревня) 70, 105, 145
Великобритания 32
Верхнемиасский острог 90
Верхнеувельская слобода 98
Верхнеяицкая крепость 160
Верхнеярская, деревня 91
Верх-Ницынская слобода 90, 155
Верхняя Алабуга, река 52
Верхотурская слобода 54
Вехотурский уезд 54, 82-85, 93, 96, 105, 106, 134, 137, 140, 141
Вехотурско-Тобольский земледельческий район 6, 11, 23, 25, 26, 107, 125, 156
Верхотурье 80, 89, 93, 123, 127, 152, 158
Верхоярская крепость 159
Верх-Суерская слобода (форпост) 63, 65, 70, 115, 155
Верхтеченская слобода 98
Владимирская губерния 147
Вологда 79, 87
Вологодская губерния 147
Вологодский уезд 83
Воронежская губерния 147
Воронова, деревня 105, 1456
Воскресенское, село 90, 145, 150, 151, 168
Вымь, река 79, 86, 123
Вычегда, река 79, 82, 86
Вятка 79, 86, 88, 89, 123, 125
Вятская губерния 147
Вятская земля 123
Вятский уезд 83

Гавриловская, деревня 133
Галицкий уезд 85
Галкина, деревня 105

Гасконь 10
Глядянкв, река 52
Говорухина, деревня 70

Далматовский (Исетская пустынь) монастырь 18, 19, 21, 36, 37, 39, 40, 52, 55, 59-61, 63, 68, 78-81, 90, 091, 113, 123, 129, 139, 141, 145, 146, 155, 158, 159, 168
Далматовский уезд 101, 106, 168
Даурия 38, 99
Двина (Северная), река 79, 86
Дерганова, деревня 91, 116
Джунгария 58, 70

Евразия 3, 48, 174
Европейская Россия 81, 88, 98, 122, 127, 132, 144, 176
Екатеринбург 52,157,158
Екатеринбургский уезд 54
Елабужский уезд 85
Емуртлинская слобода (форлост) 65, 90, 100, 109, 111, 114, 115, 164
Енисей, река 48
Енисейский земледельческий район 23
Енисейский уезд 78,79
Еровская, деревня 91

Забайкалье 10, 27
Забайкальско-Амурский земледельческий район 23
Загайнова, деревня 91, 116
Закавказье 10
Заонежье 79
Западная Европа 20,122
Западная Сибирь 11,19,24-26, 28, 49, 69, 101, 104, 112, 128, 130, 131, 133, 134, 137, 140, 141, 146, 148, 149, 160, 162, 167, 168, 176
Западно-Сибирская равнина (низменность) 48, 49, 52
Затеченская, деревня 91
Затоболье 52, 73, 174
Зауралье
Звериная Голова, урочище 72
Звериноголовская крепость 73

Ик, река 50, 122
Иковская слобода (форпост), волость65,66,69,70,90,95,97,100,109,111, 114, 115, 129, 155, 160, 164
Илек, река 122
Илецко-Иковский (Илецкий) бор 122
Илимск 79
Ингалинская слобода 90, 144
Иня, река 104
Ирбит 89, 158, 160
Ирбитская слобода 55, 60, 66, 90, 123, 155
Ирбитский уезд 54, 105, 106
Иртыш, река 6, 50, 55, 57, 72
Иртышская пограничная линия 72, 73
Исетская провинция 55, 97, 103, 104, 132, 141, 148, 151
Исетская слобода 151
Исетская сторожевая (пограничная) линия 95, 96
Исетский острог 52, 61,90,95,145,148,151,155,157,162
Исетское озеро 52
Исетско-Пышминское междуречье 51
Исеть, река 19, 51, 52, 55, 56, 59, 61-63, 91, 93-96, 148, 153-156, 168, 174, 176
Ишим, река 50, 57, 149, 1567
Ишимский дистрикт 163
Ишимский уезд 134, 137

Кабанья крепость 73
Казанский уезд 85,84
Казанское ханство 56
Казань 81, 82, 89
Казахский мелкосопочник 48
Казахстан 16, 98, 152, 177
Кай-городок 80, 86, 87
Кайгородский уезд 84, 86
Калиновская слобода 90
Калужская губерния 147
Кама, река 87
Каменка, река 52
Каменский дистрикт 157
Каминская слобода 73,97, 11, 151

Камышевская слобода 62, 155
Камышловская слобода 90
Камышловский дистрикт 157
Камышловский уезд 54, 101, 106, 107
Кара-Азыр, хребет 51
Караштинское, село 115
Каргополь 79, 86
Каргопольский уезд 83
Карское море 48
Катайка, деревня 133
Катайская слобода 132, 133
Катайский острог 60, 61, 63, 90, 93, 133, 145, 155
Кевроль 83, 86
Кеврольский уезд 83
Кидышевский, поселок 98
Кизацкая слобода 115
Киргинская слобода 80, 90, 155
Киселеаская, деревня 135
Кислянское, село 63
Китай 122
Ключевская, дереаня 69
Ключевская, станица 98
Кодская (Кондинская) заимка 79-81, 96, 113, 160, 168
Колчеданский острог 145, 155
Комарица, деревня 135
Комарская, деревня 105
Кондинский монастырь 80, 168
Коневская слобода 90
Коркинсков, село 115
Костромская губерния 147
Косулино, дереаня 97
Кочердыкская слобода 98
Кочердыкский острог 98
Кочердыкский поселок 98
Кошкина, деревня 70
Красильникова, деревня 65, 105
Красногорский острог 90

Красногорская слобода 151, 155
Красномысская слобода 63, 90, 100, 102, 109, 110, 144, 149, 151, 155
Краснопольская слобода 90
Красноярская, деревня 97
Красноярская слобода 84, 144, 160
Крутихинская слобода 39, 62,63, 67, 68, 90, 91, 98-100, 102, 109, 110, 113, 116, 117, 126, 129, 136, 144, 151, 155
Крутихинский дистрикт 157
Крутоярский, поселок 98
Кузнецкий Алатау 48
Кузнецкий (Кузнецк) острог 125, 162
Кузнецкий уезд 104
Кунгур 80, 82, 84, 89
Кунгурский уезд 84-88
Кундравинская слобода 98
Курган 29, 30, 94, 95, 146, 167
Курганская, деревня 65, 105, 115, 145
Курганская область 14, 31, 37, 40, 96
Курганский округ (уезд) 40, 55, 72, 101, 106, 107, 137, 158, 167
Куртамыш, река 52
Куртамышская слобода 73, 97, 111, 151
Куяровская слобода 148

Лальский уезд 83
Лангедок 10
Лебяжья волость 107, 115
Лебяжья крепость 72
Ленский земледельческий район 23
Лобанова, деревня 91
Луговой, поселок 98
Любимова, деревня 91

Малая Чеусова, деревня 65
Мангазейский уезд 78, 79
Марайская волость 107, 115
Мартюшева, деревня 133
Маслянская слобода 100, 102, 103, 109, 110, 126, 144, 151

Маслянский острог 90
Матвеевская, деревня 135
Мезенский уезд 83
Мезень 86
Мендерка, река 52
Мензели 81
Менщикова, деревня 70
Мехонина курья 93, 94
Мехонский острог 61, 166
Мехонская слобода 81, 82, 90, 93, 94, 144, 151, 156, 160, 165
Миасс, река 52, 53, 55, 60, 156, 174, 176
Миасская слобода 148, 154
Миасско-Уйское междуречье 176
Микитина, деревня 133
Младший Казахский жуз 70, 71
Могильникова, деревня 105
Мокроусово, село 115
Моршихинская волость 107
Москва 64, 112, 166
Московская губерния 147
Московское государство 67
Мостовское, село 115
Мурзинская слобода 80, 90

Невьянская слобода 55, 80, 90, 96, 123, 155
Невьянский монастырь 89, 91
Невьянский острог 66
Нейва, река 52, 156, 174, 176
Нижегородская губерния 147
Нижегородский уезд 85
Нижненицынская слобода 155
Нижнеувельская (Ильинская) слобода 98
Нижняя Алабуга, река 52
Низчернавское, село 115
Николаевская заимка 115
Николаевская крепость 72

Николаевское, село 91
Ница, река 6, 26, 52, 153-156, 174, 176
Ницынская слобода 90
Новгород Великий 85
Новгородская губерния 147
Новодерганова, деревня 91
Ново-Ишимская пограничная линия 73
Новокамышевская слобода 155
Ново-Николаевская слобода 54
Новопесчанский острог 90

Обь, река 87
Озерный, поселок 98
Окуневка, река 150
Окуневская слобода 90, 98, 100, 102, 109, 110, 144, 149, 151
Окуневское озеро 150
Олонецкая губерния 147
Ольховская слобода (село) 100, 102, 103, 109, 110, 111, 115, 151, 155
Омск 72
Омский округ 72
Оренбург 71
Оренбургская губерния 16, 23, 54, 103
Оренбургская пограничная линия 73
Орловская губерния 103
Оса (Новоникольская слобода) 80, 84, 86, 87, 89
Осинский уезд 86
Ощепковская слобода 89, 155

Падеринское, село 115
Панкратьевская курья 133
Пелым 125
Пелымский уезд 54
Пензенская губерния 147
Первухина, деревня 105
Пермская губерния 5, 16, 17, 54, 101, 103, 106, 107, 158
Пермь Великая (Пермская земля) 54, 83, 123, 124

Персия 122
Пески, деревня 91
Петербург 163
Петербургская губерния 147
Петропавловская крепость 72
Пещанская слобода 69, 144
Пинега, река 79, 83, 86, 89
Пинежский уезд 83
Поволжье 10, 82, 84, 85
Подгорный, поселок 98
Подмосковье 81, 85
Покровская крепость 72
Полуденная крепость 72
Поморье 21, 25, 36, 78, 79, 81-83, 85-87, 89, 130, 175
Предеина, деревня 70
Предуралье 10, 27, 54, 79-90, 92, 122, 175
Предуральский регион 108
Пресновская крепость 73, 107
Пресногорьковская крепость 73, 107
Пресногорьковская (пограничная) сторожевая линия 72, 73, 107
Приамурье 10
Приисетье 21, 38, 53, 59, 61, 62, 68, 72, 79, 81, 84, 85, 91, 94, 99, 100, 109, 110, 141, 149
Прииишимская (Ишимская) лесостепная ландшафтная провинция 51, 52
Прикамье 10, 79, 84
Приморье 10
Приобье 10
Притоболье 27, 63, 93, 94, 2100, 104, 110, 148, 150, 168
Притобольная лесостепная ландшафтная провинция 51
Притыка, деревня 91
Прованс 10
Псковская губерния 147
Пустозерский острог 125
Пыскорский монастырь 79
Пышма, река 6, 26, 52, 56, 59, 153, 156, 174, 175
Пышминская слобода 89, 90

Рафайлов монастырь 79-81, 90, 96, 113, 148, 155, 160, 168
Рогозиникова, деревня 135
Российская империя 28, 71

Российское государство 5, 10, 32, 57, 58, 62, 70, 73, 174
Россия 3, 4, 10, 14, 18, 20, 23, 27, 28, 56, 57, 63, 64, 70, 71, 88, 89, 91, 98, 113, 122, 123, 130, 140, 142, 144, 147, 175
Рудная слобода 155
Русская равнина 48, 49
Русь 22
Рязанская губерния 147

Салаирский (Салаир) кряж 48
Салда, река 54
Сарапул 89
Сарапульский уезд 84
Саратовская губерния 147
Северная Русь 78
Северное Поморье 79, 86
Северный Казахстан 70, 71, 156
Сибирская губерния 160
Сибирское ханство 56, 59, 93
Сибирь 4, 6, 11,14 , 15, 17-19, 21-23, 25,26, 28,32-37, 39,48,51,57,59,64,67, 73, 81, 88, 89,98, 102, 104, 108, 112, 113, 122-125, 130, 132, 134, 136, 139, 141, 142, 144, 146, 152, 154,161, 168, 175, 177
Сизикова, деревня 105, 145
Силкина, деревня 105
Синара, река 52, 54, 59
Синарская, деревня 133
Скопинская крепость 73
Смоленская губерния 147
Смолина, деревня 63, 65, 104, 105, 145
Соликамский уезд 54, 84, 86-88
Солтосарайская слобода, волость 39, 69, 70, 90, 107, 111, 115, 126, 128, 136, 160
Соль Вычегодская (Сольвычегодск) 79, 82, 86, 87, 123, 125
Сольвычегодский уезд 83, 88
Соль Камская (Соликамск) 80, 83, 86, 87
Сосьва, река 54
Среднее Приисетье 100, 102
Среднее Притоболье 24, 61-63, 66, 92, 96, 99-101, 114, 122, 141, 164, 174
Среднемиасский острог 90
Средний Казахский жуз 72
Средний Урал 27, 149
Средняя Азия 65, 156
СССР 91-93
Становая крепость 73

Степная, станица 98
Строгановские вотчины 54, 80, 86-88
Суерская слобода 66, 100, 109, 114, 127, 155, 164
Суерский острог 70, 115
Суерь, река 52
Сузгунская, дереаня 135
Суздаль 89
Суздальский уезд 85
США 32

Тавда, река 6, 50, 52-54, 153
Тагил, река 54
Тагильская слобода 80, 90
Таловская слобода 73, 97, 98, 111, 150, 151
Тамакульская слобода 90
Тарханка, река 61
Тарханский острог 61, 95
Татарская, деревня 91,117
Таушканоаа, деревня 91
Тверская губерния 147
Тебвняцкая (Тебенякская) слобода, волость 69, 70, 90, 100, 107, 109, 113-115, 155, 164
Терсюцкая (Терсяцкая) слобода 90,151, 155, 160, 165
Теча, река 52,91
Теченская слобода 90, 144
Тихий океан 3
Тобол, река 6, 49-53, 57, 58, 60, 62, 72, 89, 93-95, 98, 101, 147-149, 153-156, 168, 174-176
Тобольск 55, 80, 148, 149, 152, 154-156, 159, 160, 177
Тобольская губерния 54, 55, 101, 103, 106, 107, 131, 146, 158
Тобольский (округ) уезд 55, 69, 84, 85, 94, 96, 100, 101, 125-127, 131, 134, 137, 140
Тобольско-Ишимская озерно-аллювиальная лесостепная равнина 49, 50
Томск 59
Томско-Кузнецкий земледельческий район 23
Томь, река 104
Тотемский уезд 83
Тотьма 82, 86, 87
Трестовка, деревня 133
Троицкая крепость 160
Троицкий уезд 54
Тура, река 6, 50-56, 153, 174

Тургайская Столовая страна 48
Туринск 80, 127, 148
Туринский уезд 54, 84, 105, 106, 140
Тюменский уезд 54, 58, 96, 140
Тюмень 58, 80, 89, 95, 127, 157

Убаган, река 52
Уй, река 51, 52, 58, 59, 70, 72, 98, 164, 174
Уйская пограничная линия 72,73
Уксянское, село 91, 117
Урал 11, 14, 16, 18, 22, 27, 28, 48-50, 54, 60,63,68, 84, 87, 89, 90, 107, 124, 141, 152, 156-159, 168,174, 177
Урало-Сибирский регион 4, 6, 17, 23, 24, 26, 34, 125, 177
Уральские горы 5, 27, 52, 56, 149
Уральский горнозаводской район 11, 39, 157, 177
Уральско-Иртышская озерно-аллювиальная лесная равнина 49
Усть-Езевская, деревня 105
Усть-Ирбитская слобода 90
Усть-Катав 159
Усть-Миасская слобода 90, 100, 102, 109, 110, 144, 155
Усть-Ницынская слобода 54, 90, 108, 131, 135, 138, 141, 143, 144, 146, 147
Усть-Суерская слобода, волость 65, 69, 70, 98, 100, 107, 108, 109, 111, 114, 115, 149, 164
Усть-Уйская, станица 98
Устьянская волость 83
Устюг Великий 79, 82, 86, 87, 123, 124, 125
Устюжский уезд 83, 88
Утяк, река 52
Утятская (Утяцкая) слобода (форпост), волость 62, 63, 65, 69, 70, 72, 88-90, 96, 97, 100, 107, 109, 111, 113-116, 127, 145, 146, 155, 156, 160 , 164, 166, 167
Утяцкая, деревня 104, 105
Уфа 59
Уфимский уезд 84

Филинская, деревня 133
Франция 10

Холмогорский уезд 83
Холмогоры 79, 86, 87

Царево Городище (Царев Курган) 19, 23, 24, 35, 38, 39, 62-66, 69,70,72,88-90,92-

100, 104, 105, 107, 109, 111, 113, 114, 116, 127, 145, 146, 149, 155, 156, 164-167
Царево Городище на Исети 90, 93-95
Царево-Кокшайский уезд 85
Центральная Россия 79,81, 82, 84, 85, 89
Центральное Поморье 79
Цинская империя 70

Чаронда 86
Чарондский уезд 83
Чебаркуль, озеро 68
Чебаркульская крепость 159
Чекалина, деревня 70
Челнокова, деревня 105, 145
Челябинск 159
Челябинский уезд 54, 158, 164
Чердынский уезд 54, 84, 86-88
Чердынь 80, 82, 86, 87, 89
Черемисская, деревня 133
Черемховская, деревня (село) 105, 111, 115, 145
Чернавское, село 115
Черная, река 52
Черноземье 127
Чернолуцкая слобода 72
Чеусова, деревня 105
Чимеева, деревня 105, 145
Чимеевская волость 107
Чубаровская слобода 90, 155
Чумляцкая слобода 90, 97, 98, 109, 145, 149
Чунеева, деревня 70
Чусовая, река 59
Чусовская слобода 85

Шадринск 95, 158, 160
Шадринская слобода 21, 39, 61, 90, 94, 100, 102, 109, 110, 126, 129, 144, 149, 151, 155, 160
Шадринский дистрикт 168
Шадринский край 21
Шадринский уезд 54, 98, 101, 103, 106, 107, 157, 158
Шарташ, деревня 158
Шевелева, деревня 65

Шкоцкая, деревня (село) 62, 105, 115, 145
Шмаковское, село (деревня) 70, 111, 115

Южная Сибирь 26, 59, 104
Южное Зауралье 14, 23, 24, 28-31, 96, 100
Южный Урал 25, 51, 60, 73, 122, 149
Южное Приуралье 59
Юргамыш, река 52
Юрмыцкая слобода 90
Юрьевец-Поволжский 85

Яик, река 58, 59, 72
Яланская слобода 90
Ялуторовск 52
Ялуторовская слобода 90, 100, 149, 155
Ялуторовский дистрикт 114, 115, 163
Ялуторовский острог 61, 70, 115
Ялуторовский уезд (округ) 55, 101, 103, 106, 107, 134, 137, 146, 147, 158, 167
Ялым, река 52
Яренск 79, 83, 87, 125
Яренский уезд 83, 88
Ярославская губерния 147

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава 1.
Историография и источники 14

Глава 2.
Факторы регионального развития Зауралья
2.1. Природно-географическая среда (вмещающий ландшафт)... 48
2.2. Этнополитический и военный факторы 56

Глава 3.
Демографическое развитие Зауралья
3.1. Места выхода переселенцев 78
3.2. Пространственные параметры русской колонизации Зауралья 89
3.3. Количественные параметры русской колонизации Зауралья 98
3.4. Половозрастная структура населения 112

Глава 4.
Социально-экономическое развитие региона
4.1. Формирование и развитие агропромысловых структур 122
4.2. Внутренние и внешние экономические связи региона 152
4.3. Особенности социальной структуры зауральского общества 160

Заключение 174

Именной указатель 178

Указатель географических названий 185

Содержание 198

Научное издание

Менщиков Владимир Владимирович

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЗАУРАЛЬЯ В XVII-XVIII ВВ.: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

Монография

Редактор Н.А. Леготина

Подписано в печать 05.03.04 Формат 60*84 1/16. Бумага тип №1.
Усл. печ. л. 12.5 Уч.-изд. л. 12.5 Заказ 65
Тираж 800 экз. Цена свободная.

Издательство Курганского государственного университета
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет, ризограф